

неприкосновенный запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

3

149 ²⁰²³

* последняя утопия.
права человека в истории
* геноцид: политический
и правовой аспекты
* живое, мертвое,
сакральное современности

неприкосновенный запас 3 [149] 2023

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ПОНЯТИЯ МОДЕРНОСТИ	003	Сэмюэл Мойн. Человечество до появления прав человека
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	039	Забудем плохое <i>Страницы</i> АЛЕКСЕЯ ЛЕВИНСОНА
ГЕНОЦИД: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ	045	Павел Полян. Бабий Яр и возмездие: судебные процессы над палачами
	061	Микаэль Мертез. Шоа и европейская интеграция
	073	Николас Оменка. Война в Биафре и дети: эвакуация, реабилитация, репатриация
АРХИВ «НЗ»	101	Херш Смоляр. Последнее заключение. Отрывок из книги «Где ты, товарищ Сидоров?»
КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ	111	Олег Ларионов. Аллегии, монады, история. Заметки на полях книги Фредрика Джеймисона о Вальтере Беньямине
ЖИВОЕ, МЕРТВОЕ, САКРАЛЬНОЕ МОДЕРНОСТИ	125	Владислав Дегтярев. Ар Деко, или Взгляд Медузы
	144	Вадим Михайлин. Любовь среди развалин: «Маленькая Вера» Василия Пичула
	165	Анатолий Рясков. Сакральное управление. Заметки об экономике, теологии и образе
CASE STUDY 1	175	Алиса Шишкина, Евгений Иванов. «Советская школа»: способствуют ли старые связи выстраиванию нового российского курса в Африке?
АРХИВ «НЗ»	193	Анбара Салам Халиди. Между Ливаном и Палестиной: путешествие по воспоминаниям
CASE STUDY 2	208	Борис Соколов. Николай Тихонов: военная биография, превращенная в фаустиану
НОВЫЕ КНИГИ	229	Рецензии
SUMMARY	239	

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
Андрей Захаров
Антон Золотов

Дизайн
Дмитрий Черногаев
Андрей Бондаренко

Корректор
Марина Алхазова

Маркетинг, PR и реклама
Анастасия Векшина
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vekschina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2023

Человечество до появления прав человека¹

Сэмюэл
Мойн

«**К**аждый писатель *создает* своих предшественников, – писал Хорхе Луис Борхес в замечательном размышлении о месте Франца Кафки в литературной истории. – Написанное им преобразует наше понимание прошлого, как преобразит и будущее»². Начиная с греческого философа Зенона и далее, через источники различной степени известности, заимствованные из разных эпох, Борхес представляет коллекцию стилистических приемов Кафки, которая включает даже и некоторые из его, казалось бы, неповторимо личных навязчивых идей, – все это существовало до рождения Кафки. Борхес добавляет: «Если я не ошибаюсь, перечисленные мною разнородные отрывки напоминают Кафку; если я не ошибаюсь, не все они напоминают друг друга». Но как же тогда интерпретировать эти ранние тексты? Ведь писатели предшествующих времен старались быть не Кафкой, а самими собой. А созданных ими «источников» было явно недостаточно, чтобы из них возник Кафка: ведь никто даже не увидел бы в них предвосхищение великого писателя, не появившись он на

Сэмюэл Мойн (р. 1972) – профессор юриспруденции Йельской школы права и профессор истории Йельского университета (США), специалист по европейской интеллектуальной истории.

- 1 Текст представляет собой незначительно сокращенную первую главу книги: MOYN S. *The Last Utopia: Human Rights in History*. Cambridge; London: The Belknap Press, 2010. P. 11–43. Русский перевод книги Сэмюэла Мойна под названием «Последняя утопия. Права человека в истории» готовится к изданию в «Новом литературном обозрении» в серии «Библиотека “НЗ”». – *Примеч. ред.*
- 2 BORGES J.L. *Kafka and His Precursors* // ИДЕМ. *Selected Non-Fictions*. New York: Viking, 1999. P. 364–365. Курсив мой. – С. М. (Перевод с испанского Бориса Дубина. – *Примеч. перев.*)

ПОНЯТИЯ
МОДЕРНОСТИ

003

свет. Таким образом, вывод, к которому Борхес приходит в рассуждении о «предшественниках Кафки», заключается в том, что «предшественников» просто не бывает. Если воспринимать прошлое как подготовку к какому-то внезапному недавнему событию, исказится смысл и того и другого. Прошлое окажется просто будущим, ожидающим своего часа. А внезапное недавнее событие окажется не таким неожиданным, как на самом деле.

То же самое можно отнести и к современным правам человека как к набору глобальных политических норм, составляющих кредо транснационального общественного движения. С тех пор как соответствующее словосочетание было освящено в английском языке 1940-х, а потом с возрастающей частотой использовалось на протяжении нескольких десятилетий, было множество попыток вскрыть глубинные истоки прав человека – правда, без осознания того поразительно разрыва, на который обратил внимание Борхес и который в равной мере как завершает прошлое, так и оставляет его позади. В классической интерпретации история прав человека начинается с греческих и римских философов-стоиков и продолжается в естественном праве Средних веков и естественных правах раннего Нового времени, а ее кульминацией становятся атлантические революции в Америке и во Франции с их Декларацией независимости (1776) и Декларацией прав человека и гражданина (1789). Предполагается, что к тому моменту – и это самое позднее – жребий был уже брошен. Это полезная разновидность прошлого: она позволяет создавать предшественников *post factum*. Наиболее пагубным последствием мифа о «предшественниках» прав человека является то, что увлечение ими отвлекает от реальных обстоятельств исторического развития, на разъяснение которых они, собственно, и претендуют. Если права человека рассматривать как нечто врожденное или загодя вызревавшее, то люди не станут искать истинные причины, сделавшие права человека столь могущественными сегодня, а также разбираться, сохраняют ли эти причины свою убедительность в настоящий момент.

В ряду многочисленных недоразумений, связанных с поисками «предшественников» прав человека, одному заблуждению принадлежит особое место. Отнюдь не являясь источником вдохновения, выводящим людей за рамки их государства и их нации, та разновидность прав человека, которая провозглашалась в политических революциях раннего Нового времени и горячо отстаивалась впоследствии, имела важнейшее значение для формирования современного государства и складывания современной нации, но до самых недавних пор не вела никуда дальше. Ханна Арендт зафиксировала этот момент с удиви-

тельной ясностью, хотя и не обозначила, какие это может иметь последствия для истории прав. В главе из работы «Истоки тоталитаризма» Арендт утверждала, что так называемое «право иметь права», обеспечиваемое коллективным членством, по-прежнему играет ключевую роль в приобщении к тем ценностям, которые провозглашает Всеобщая декларация прав человека: без включения носителей прав в сообщество само по себе утверждение прав не имело никакого смысла³. Права человека рождались как важнейшие прерогативы гражданина; теперь же, полагала Арендт, они рискуют стать последним шансом человека, не включенного в сообщество и, следовательно, оставшегося без защиты. Это верное наблюдение: существует четкое и фундаментальное различие между более ранним пониманием прав как зависящих от принадлежности к политическому сообществу и нынешними правами человека. Но если дело обстоит так, то *droits de l'homme*, которые питали первые революции Нового времени и политику XIX века, необходимо жестко отмежевать от прав человека, придуманных в 1940-х и обретших широчайшую популярность в последние несколько десятилетий. Одно подразумевало политику, основанную на принадлежности к гражданской нации собственной страны, в то время как другое связано с чужими страданиями за рубежом. Раз переход от предшествующего к последующему означал революцию в смыслах и практиках, тогда изначально неправильно представлять первое в качестве источника второго⁴.

СЭМИЮЛ МОЙН
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
ДО ПОЯВЛЕНИЯ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Если права человека рассматривать как нечто врожденное или загодя вызревавшее, то люди не станут искать истинные причины, сделавшие права человека столь могущественными сегодня, а также разбираться, сохраняют ли эти причины свою убедительность в настоящий момент.

Справедливости ради стоит отметить, что еще до принятия Всеобщей декларации некоторые мыслители концептуально обосновывали права как естественные или даже присущие человеку, особенно когда волна просвещенческого рационализма была на подъеме. Тем не менее и тогда было общепризнано, что обязательным условием утверждения этих прав выступает

³ ARENDT H. *The Origins of Totalitarianism*. New York: Harcourt, Brace & World, 1968. Ch. 9. (Арендт Х. *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом, 1996. Гл. 9. – Примеч. перев.)

⁴ Ср.: HUNT L. *Inventing Human Rights: A History*. New York: W.W. Norton & Company, 2007. (Хант Л. *Изобретение прав человека. История*. М.: Новое литературное обозрение, 2023. – Примеч. ред.)

создание обособленных гражданских пространств, в которых указанные права будут предоставляться и защищаться. При чем упомянутые пространства гарантировали не только возможность оспорить отказ в наделении уже провозглашенными правами; не менее важным оказывалось и то, что они выступали зонами борьбы, в ходе которой определялись смыслы этого гражданства, и площадками, на которых защищались старые права и продвигались новые. На контрасте – после 1945 года права человека не породили никакого сопоставимого гражданского пространства, точно не в момент их изобретения, а возможно, даже и до сих пор. Раз так, то центральным событием в истории прав человека нужно считать их переосмысление в качестве таких атрибутов, которые противостоят суверенному национальному государству сверху и извне, а вовсе не служат его фундаментом.

Есть еще одна причина, по которой важно выявить принципиальную связь между правами и государством. Это позволяет в совершенно ином свете взглянуть на считающуюся самоочевидной ассоциацию прав человека с гуманистическим универсализмом. Многие полагают, что нынешние права человека есть лишь современная версия давней универсалистской, или «космополитической», веры. Согласно сторонникам этой точки зрения, если греки или Библия провозглашали человечество единой сущностью, то им нужно отвести законное место в истории прав человека. Правда, однако, заключается в том, что в истории было много разнообразных и противостоящих друг другу универсализмов, каждый из которых с равной степенью убежденности отстаивал принадлежность всех людей к одной и той же моральной группе или – как было сказано в Декларации 1948 года – к одной и той же «семье». Соглашаясь в этом, все эти доктрины, однако, расходились в представлениях о том, что именно объединяет человечество, какие ценности оно должно признавать и каким правилам следовать.

Таким образом, универсализм, который основан на правах, признанных на международном уровне, может считаться лишь одним из целого ряда универсализмов, известных мировой истории. Кроме того, давнее переплетение прав и государства позволяет усмотреть в разговорах о правах весьма опасный вид космополитизма, который исторически больше помогал установлению, процветанию и конкуренции государств, нежели способствовал восприятию мира как этической целостности, избавленной от моральных границ. После эпохи Просвещения попытки утвердить права посредством государства и нации усложнили поддержание того самого универсализма, на который эти права зачастую ссылались. Многие наблюдатели в XIX столетии задавались вопросом: если государство играет

столь незаменимую роль в создании политики прав, то могут ли вообще эти права иметь какой-то другой реальный источник, помимо власти государства, и какую-то другую основу, помимо локальных смыслов, заданных этим контекстом?

СЭМЮЭЛ МОЙН
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
ДО ПОЯВЛЕНИЯ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Наконец, выработка концепта прав человека не означала мгновенного прекращения соперничества универсализмов друг с другом. Самобытные варианты глобализма и интернационализма, которые существовали на протяжении всей современной истории, должны были сойти со сцены – иначе утопия, основанная на правах личности, не смогла бы стать единственным лозунгом, воплощающим надежду на лучший мир. Подобно тому, как доктрина естественных прав представляла собой поздний универсализм в мировой истории, в ее нынешнем переосмыслении в качестве «прав человека» лучше всего видеть следствие выживания в трудной борьбе со старыми и новыми идеями-соперницами интернационалистского толка. Именно в этих относительно недавних событиях нужно в первую очередь искать источник современных убеждений и практик; остальное же – седая старина.

Если государство играет столь незаменимую роль в создании политики прав, то могут ли вообще эти права иметь какой-то другой реальный источник, помимо власти государства?

После своего утверждения на политической арене права человека регулярно провозглашались «принадлежащими каждому от рождения» (*the birthright of man*)⁵. Предположение, что все люди принадлежат к одной и той же общности, является столь же древним, как и обособление людей от богов или от животных, оно возникло задолго до появления письменной истории, хотя границы между упомянутыми группами с тех пор были проницаемыми. Однако сам по себе человеческий универсализм – включая его версии, представленные в греческой философии и монотеистической религии, – не имеет реальной значимости для истории прав человека по двум существенным причинам. Во-первых, на протяжении тысячелетий эти источники предложили исходные ингредиенты для великого множества доктрин и движений; во-вторых, они делали это только во взаимосвязи с другими теоретическими компонентами, которые позже предстояло устраничь для достижения «прав

5 См. объемную публикацию, подготовленную ЮНЕСКО к двадцатилетию принятия Всеобщей декларации и отстаивающую идею универсальности прав человека во времени и пространстве: HERSCH J. (Ed.), *Birthright of Man*. Paris: UNESCO, 1969.

человека». И греки, и евреи требовали справедливости, хотя и выводили ее из абсолютно разных природных и теологических источников. С тех пор возникло множество доктрин, ставших преемницами этого раннего универсализма⁶. Но чужеродность их постулатов, равно как и разнообразие оставленного ими наследия, делают приписывание им истоков современной морали просто нелепым. Значение имеет не какой-то из многочисленных прорывов к универсализму, прежде имевших место в мировой истории, а что конкретно помогло идее прав человека стать единственным жизнеспособным видом универсализма, каким она кажется сегодня⁷.

В конвенциональном изложении ключевым броском к современным представлениям считается «космополитизм» стоиков⁸. С точки зрения этих греческих и римских философов и поэтов миром правит разум; поскольку все люди разумны, они оказываются членами одного и того же политического сообщества. Действительно, именно римляне – некоторые их выдающиеся мыслители испытали на себе глубочайшее влияние стоических идей – придумали сам концепт человечества (*humanitas*). Однако и это понятие в его изначальном виде, и сам космополитизм стоиков в своих последствиях не были даже отдаленно похожи на их современные версии. Разнообразные виды социальной эксклюзии, поощряемые или допускаемые в римской культуре, в том числе и среди стоиков, с легкостью подтверждают такой вывод; достаточно посмотреть на бытовавшее тогда отношение к иностранцам, женщинам и рабам и обращение с ними. Стоический «космополис» объединял всех людей, но отнюдь не ради реформистского политического проекта; он втягивал их в потустороннюю сферу разума, никак не связанную с социальным совершенствованием. Что же касается «человечности», то под ней понимался идеал личного превосходства в образовании, а не глобальная реформа человеческой морали – только в наши дни стало мыслимым такое словоупотребление, как «гуманный» и «гуманитарный». Действительно, согласно Арендт, если в Риме простая человечность и вызывала какие-то моральные ассоциации за пределами сферы обретения познаний, то она подразумевала вовсе не ценность, а напротив,

6 См.: PAGELS E. *Human Rights: Legitimizing a Recent Concept* // *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*. 1979. Vol. 442. P. 57–62.

7 «История знала не один космополитизм, а несколько», – пишет Шелдон Поллок, завершая свое сравнительное исследование соперничавших универсалистских учений, которые были распространены в языковых зонах латыни и санскрита до наступления Нового времени. См.: POLLOCK S. *The Languages of the Gods in the World of Men: Sanskrit, Culture, and Power in Premodern India*. Berkeley: University of California Press, 2006. P. 280. См. также: BRECKINRIDGE C.A. ET AL. (Eds.). *Cosmopolitanism*. Raleigh: Duke University Press, 2002; особое внимание следует уделить главе, которую написал Поллок.

8 Классическую версию этого аргумента представил Эрнст Трёльч, см.: TROELTSCH E. *Das stoisch-christliche Naturrecht und das moderne profane Naturrecht* // *Verhandlungen des ersten deutschen Soziologentages vom 19–22 Oktober 1910 in Frankfurt a.-M.* Tübingen: Mohr, 1911.

незначительность. «Интересно, что латинское слово *“homo”*, эквивалент нашему “человек”, – пишет она, – первоначально обозначало не более чем “просто человека”, то есть лицо, не обладавшее правом – и раба в том числе»⁹.

СЭМЮЭЛ МОЙН
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
ДО ПОЯВЛЕНИЯ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Подобно стоицизму, христианство тоже является очевидно универсалистской доктриной. Но быть сторонником космополитизма в той или иной его форме – это одно дело, а быть приверженцем именно прав человека – совсем другое дело. Следовательно, само по себе признание христианского универсализма не может служить аргументом, позволяющим приписать стоящей за ним религии ответственность за концептуальную или политическую возможность прав человека. Опираясь на предшествующие варианты универсализма, в особенности на идеи древнееврейских пророков, христианство на протяжении столетий породило несколько собственных разновидностей универсализма. Сначала его основатели в лице Иисуса и Павла представили апокалиптическое видение неизбежного утверждения Царства Божьего на всей земле. Вскоре их религия предложила обнадеживающее послание кротким и сирым, обитающим в средиземноморском регионе, а после того, как император Константин принял крещение, она помогла римским концепциям гражданской принадлежности переместиться из городов в провинцию. Еще через тысячу лет она легла в основу средневекового учения о естественном праве. И хотя эгалитаризм христианства широко известен, его культурные и политические импликации настолько различаются от эпохи к эпохе и от места к месту, что для приближения к современным моральным концепциям их потребуются радикально трансформировать.

В конечном счете, базовая предпосылка нарративов, которые пытаются претендовать на что-то большее, состоит в том, что отдельные культуры и универсалистскую мораль разделяет лишь один шаг – и этот шаг сделало христианство. Но, как только мы признаем, что универсализмов было уже много, а может появиться еще больше, сама принадлежность того или иного движения к их числу – пусть даже такая явная, как у христианства, – не гарантирует ему роли в предыстории прав человека. Аналогичным образом европейцы, покидая родную землю – в особенности, когда встречались с обескураживающе странными народами Америки, – были вынуждены столкнуться с ограничениями собственных идейных установок. Поскольку в интерпретации фундаментальных отличий местных культур от их собственной им приходилось опираться на категории классической философии и средневековой религии,

9 ARENDT H. *On Revolution*. New York: Viking, 1965. P. 107. (Арендт Х. *О революции*. М.: Европа, 2011. С. 56. – Примеч. перев.)

простой прорыв к «человечеству» явно был им не по силам. Современные права человека все еще ждали своего Христофора Колумба¹⁰.

Другой, более многообещающий, подход к «предшественникам» прав человека фокусируется не на достижении ими универсалистского охвата, а на том, с какого времени общества начали защищать ценности, вписывая их в революционные декларации и документы. Впрочем, и эта история заставляет делать упор на случайности и прерывности. Вместо попыток датировать универсализмы, этот подход предпочитает отслеживать социальную озабоченность, выделяемую конкретным правом из нынешнего списка, по одной за раз – причем иногда даже до того, как соответствующие меры защиты были облечены в язык прав. Это увлекательное упражнение, предоставившее уже немало источников. Учитывая эту множественность, главный извлекаемый отсюда урок состоит в том, что каждая из проблем, которая в настоящее время решается посредством консолидированного пакета «прав человека», имеет собственную историю с отдельной хронологией и географией, каждая была выношена в собственной традиции и возникла по своей причине. Со временем все они попали во Всеобщую декларацию и прочие канонические списки. Но, подобно тому, как при ретроспективном рассмотрении творчество Кафки могло бы предстать совокупным итогом разрозненного литературного прошлого лишь после того, как сам Кафка внес в литературу свои инновации, становление отдельных прав не объясняет, каким образом они были переосмыслены в качестве объединенного списка, а позже превратились в «права человека». Ни одну из идей, зафиксированных в современных декларациях, изначально не предполагалось реализовывать при помощи этих деклараций.

Несколько примеров проясняют эту мысль. Не удивительно, что в мировой истории право собственности было, вероятно, наиболее часто отстаиваемым и наиболее упорно закрепляемым правом, хотя делалось это обычно в рамках правовых систем, которые даже не пытались связывать это право с человечностью. В соответствии с традицией римского права старые феодальные договоры, закреплявшие то, что по-разному именовалось «свободами», «пожалованиями», «привилегиями» или «льготами», гарантировали неприкосновенность владения; а более поздняя правовая основа раннего капитализма придавала особое значение определению и защите права собственности. Но проблема в том, что сама древность этой защиты, как

10 Ср.: ELLIOT J.H. *The Discovery of America and the Discovery of Man* // *Proceedings of the British Academy*. 1972. Vol. 48. P. 101–125; HEADLEY J.M. *The Europeanization of the World: On the Origins of Human Rights and Democracy*. Princeton: Princeton University Press, 2008.

и совокупность языков, разработанных для ее осуществления, указывают на то, что все это является элементами отдаленной предыстории истории современных прав.

По странной иронии ценности, включенные в то, от чего иногда пренебрежительно отмахиваются как от новомодной социальной защиты, вероятно, по меньшей мере столь же стары, как и защита права собственности; и то и другое было осознано в качестве ценности гораздо раньше, чем такие вещи, как личная неприкосновенность или привычные теперь права участников уголовного процесса (включая, например, право не подвергаться пыткам). Поскольку в ходе взрывного роста популярности в 1970-е идея прав человека концентрировалась в основном на политических и гражданских правах, их социально-экономические родственники стали рассматриваться как принципы «второго поколения». Однако, в отличие от большей части гражданских и политических прав, озабоченность неравенством и бедностью нашла отражение в Библии и других древних памятниках человеческой культуры по всему миру. В средневековой Европе существовали даже любопытные подходы к защите «права на воровство» в случае нужды, хотя оно, конечно, не было личным и юридически закрепленным гражданским правом¹¹. А Французская революция – наряду с ключевым значением, которое она придавала защите частной собственности, – с самого своего начала оставляла место и для социальной озабоченности.

Выбрав из списка другой пункт, а именно свободу совести, защищенную от государства, нам придется обратиться к иному, более новому набору источников, которые тоже внесли свой вклад в современный канон прав человека случайно. Изначально протестантское сознание вбило клин между внешним телом и «свободным» внутренним миром веры. Это нововведение, которое в свете кровавых последствий Реформации было далеко не бесспорным, повлекло за собой не только принятие множественности вероисповеданий, но и предложения объединять государства под началом религии одного правителя. Удивительно, но первые мыслители XVII века, начавшие рассуждать о естественных правах человека – голландец Гуго Гроций и англичанин Томас Гоббс, – важнейшим считали утверждение личности через государственную власть, а принятие религиозного плюрализма казалось им крайне рискованным. Вместо этого ценность веротерпимости изначально отставивалась в рамках религиозных дебатов, которые на первых порах вообще не имели ни малейшего отношения к разработке «прав». Веротерпимость продвигалась во имя мирного сосуществования хрис-

СЭМЮЭЛ МОЙН
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
ДО ПОЯВЛЕНИЯ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

11 См.: COUVREUR G. *Les pauvres ont-ils des droits? Recherches sur le vol en cas d'extrême nécessité depuis la Concordia de Gratien (1140) jusqu'à Guillaume d'Auxerre (1231)*. Rome: Gregorian & Biblical Press, 1961.

тианских конфессий, а не как секулярное предложение сделать религию частным делом гражданина. Но, в конечном счете, политическое обособление внутреннего суда совести и его защита стали источником утверждения прав на свободу убеждения, мнения и, возможно, даже слова и прессы. В своих лютеранских и кальвинистских версиях, утверждавших значимость духовной свободы, протестантизм намеревался вернуться к истокам христианской веры, а не уничтожить власть религии над государством и обществом. Но призыв пресечь конкуренцию христианских конфессий за государственную власть над душой в итоге сформировал характерную для модерна приверженность сфере, находящейся за пределами оправданного вмешательства государства.

Еще одним – и столь же самобытным – источником особых ценностей, которые должны были защищаться правами, оказались практические правовые традиции общего и гражданского права. Уже до эпохи революций они на протяжении веков обеспечивали ставшую для нас обычной защиту личности, а не только собственности. Развитие системы общего права, позже подкрепленное реформизмом Просвещения, было главным образом связано с укреплением гарантий уголовного судопроизводства: иммунитет от необоснованного обыска, запрет на введение законов *ex post facto*, наличие постановления о *habeas corpus*, возможность противостоять обвинителю, коллегии присяжных и так далее. Первоначально, однако, перечисленное касалось только «свободных людей» (*freemen*), а не всех англичан (не говоря уже о человеке как таковом). По своему происхождению и смыслу все эти гарантии были абсолютно независимы от более поздних естественных и универсальных прав. Другими словами, они вполне могли бы навсегда остаться простыми юридическими правами, закрепленными в так называемой «древней конституции» и перечисленными в английском Билле о правах 1689 года, не превращаясь из элемента английской традиции в естественные предписания¹². Джон Уилкс – защитник «свободы» от посягательств короны – агитировал за них именно в таких терминах. То же делал и Эдмунд Бёрк, положив в основу консервативной интеллектуальной традиции различие между унаследованными правами и новыми, естественными правами. Критикуя отвлеченные французские абстракции, Бёрк писал:

«Я далек от отрицания в теории и был бы столь же далек от препятствования осуществлению на практике *подлинных* прав человека.

12 Ср.: STOURZH G. *Liberal Democracy as a Culture of Rights: England, the United States, and Continental Europe* // ИДЕМ. *From Vienna to Chicago and Back: Essays on Intellectual History and Political Thought in Europe and America*. Chicago: University of Chicago Press, 2007. Особое внимание стоит обратить на страницу 308, где затушевывается различие между английским правом и естественными правами.

Отвергая лишь неправомерные притязания на несуществующие права человека, я не имею в виду причинить ущерб тем из них, которые на самом деле существуют и таковы, что мнимые права совершенно уничтожили бы их»¹³.

СЭМЮЭЛ МОЙН

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
ДО ПОЯВЛЕНИЯ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Бёрк считал переосмысление пестрого списка исторически сложившихся прав в качестве «прав человека» просто ошибкой, причем не только по политическим причинам, но и потому, что их универсализация скрывала их истинное происхождение.

Запутанная история, описывающая, как возникали и утверждались политические ценности, ныне защищаемые как «права человека», свидетельствует, что они не имеют сущностного отношения ни друг к другу, ни к универсалистской вере в то, что все люди (с недавних пор включая и женщин) входят в состав одной и той же группы. Это оставалось верным даже во времена Просвещения, когда обновленная светская версия старого христианского императива жалости открыла путь для более привычных апелляций к «человечности» – прежде всего сместив значение термина так, что теперь он обычно подразумевал страдание. И хотя у этой новой культуры сочувствия были свои ограничения, она явно помогла создать новые нормы, противостоящие различным формам надругательства над телом – таким, например, как рабство и жестокость в наказании¹⁴. В любом случае реальная история того, как выкристаллизовались ценности, отстаиваемые посредством «прав», – это рассказ о враждующих тенденциях и мертвых проектах, чей вклад в пакет современных прав был случайным, а не целенаправленным. Вместо того, чтобы единовременно сложиться в качестве законченного набора, а затем просто ожидать последующей интернационализации, базовые ценности, опекаемые правами человека, – это ценности, которые конструировались, а не открывались, причем в силу случайности, а не необходимости.

13 BURKE E. *Reflections on the Revolution in France*. Indianapolis: Hackett Publications, 1987. P. 51. Курсив мой. – С. М. (БЁРК Э. *Размышления о революции во Франции*. London: Overseas Publications Interchange, 1992. С. 131. Перев. С. Векслер. – Примеч. перев.)

14 См., например: DAVIS D.B. *The Problem of Slavery in Western Culture*. Ithaca: Cornell University Press, 1966. Как заявляла недавно историк Линн Хант, присущее секулярному гуманизму чувство причастности к ближнему выступило первейшей силой, породившей как универсализм, так и «права человека» ранних революций Нового времени. Однако при тщательном рассмотрении это предположение оказывается удивительно слабым. Прежде всего: гуманитаризм – истоки которого поначалу были религиозными, а не секулярными, – едва ли однозначно отсылал к индивидуальным правам. Согласно Линн Феста, вместе с расширением внутригосударственной проблематики он поддерживал и империализм XVIII столетия, причем скорее всего в гораздо большей мере. См.: FESTA L. *Sentimental Figures of Empire in Eighteenth-Century Britain and France*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. Однако еще более сомнительным предположением оказывается мысль, что сочувствие к чужим страданиям могло способствовать масштабному расширению списка прав. Историю гуманитаризма, по крайней мере вплоть до совсем недавнего времени, лучше всего рассматривать в качестве обособленной темы, отделенной от истории прав человека. Некоторые источники, освещающие этот вопрос, см. в моей работе: MOYN S. *Empathy in History, Empathizing with Humanity // History & Theory*. 2006. Vol. 45. № 3. P. 397–415.

Универсалистский этос эры Просвещения и эпохи революций явно имеет некоторое сходство с современными формами космополитизма. Однако то, что этот универсализм продвигал как «бессмертные права человека», тем не менее было частью политического проекта, разительно отличавшегося от современных прав человека (которые в действительности родились из критики революции). Те права человека были утопичными и вызывали сильные чувства: «Грудь задышала вольней и быстрее кровь заструилась / В час, как впервой сверкнуло лучами новое солнце, / В час, как услышали мы о великих правах человека, / О вдохновенной свободе, о равенстве, также похвальном», – восклицал Иоганн Вольфганг фон Гёте в 1797 году¹⁵. Однако, в отличие от более поздних прав человека, на этом этапе они были прочно связаны с конструированием – посредством революции, если потребуется, – государства и нации. И хотя в наши дни преодолевать границы этих государств для защиты прав стало в порядке вещей, до недавнего времени именно государство было горнилом, в котором права выплавлялись.

Базовые ценности, опекаемые правами человека, – это ценности, которые конструировались, а не открывались, причем в силу случайности, а не необходимости.

С самых ранних времен правовые системы занимались предоставлением тех или иных «прав»; прежде всего этим отличалась римская правовая система, из которой по большей части произошли различные ветви западного права. Возможно, влиянием стоиков объясняется то, что изредка права, предусмотренные римской юриспруденцией, осмыслялись как частично проистекающие из самой природы. Империи, начиная с Римской, еще до появления современного государства предоставляли гражданство или иные формы подданства вместе с правами, на них основанными; причем им предстояло заниматься этим еще многие столетия, включая и значительную часть XX века. Права, бытующие в имперских пространствах, в этом смысле больше походили на гражданские права, которые основаны на включенности в политическое сообщество, нежели на современные права человека. Не считая некоторых латинских понятий, однако, последовательные подходы, предполагающие *естественность* прав, начали появляться не раньше XVII столетия и были побочным продуктом возникновения современ-

15 ГОЕТНЕ J.W. VON. *Hermann and Dorothea*. New York: Riker, 1854. P. 97. (Перев. Д. Бродского и В. Бугаевского. – Примеч. перев.)

ного государства. Первые доктрины естественных прав были детьми абсолютистских и экспансионистских государств Европы раннего модерна, а вовсе не попытками выйти за пределы государства. Их появление следует признать впечатляющим поворотным пунктом, особенно если учесть, как прочно права ассоциировались с государством в последующие эпохи – пока этот альянс не был недавно признан несостоятельным.

Концепция «естественных прав» возникла не на пустом месте. Когда Гоббс впервые упомянул о естественном праве, он использовал то же самое слово *ius*, которое когда-то применялось к закону природы. Это довольно старое учение, возникшее из комбинации стоического универсализма с христианскими ценностями, процветало в Средневековье, а его наиболее известная версия была представлена в философии Фомы Аквинского. Однако, даже если идея естественных прав впервые была сформулирована на старом языке естественного закона, она была настолько иной в своих целях и следствиях, что представляла совершенно другое понятие. В наши дни большинство апологетов естественного закона, борющихся за его возрождение – обычно это католики, – считают катастрофой для своего кредо то, что его преемником оказалась отступническая доктрина прав. Они по крайней мере правы в том, что представления о естественном законе, извлекаемом чаще всего из воли Божией и считающемся вплетенным в саму ткань мироздания, являли классическую христианскую разновидность универсализма. Для того, чтобы из нее родились естественные права, этой версии нужно было обрести множественность, субъективность и притягательность. Естественный закон изначально был един и дан свыше, в то время как естественные права представляли список, состоящим из отдельных пунктов. Естественный закон был объективным установлением, люди должны были подчиняться ему, поскольку Бог сделал их частью предустановленного им естественного порядка: незаконные человеческие практики считались *contra naturam*, «противоестественными». А естественные права были субъективными сущностями, «принадлежащими» человечеству в качестве прерогатив. Срокам и причинам перехода от естественного закона к естественным правам в последние десятилетия уделялось повышенное внимание, отчасти из-за переоценки той значимости, какую естественные права имели для происхождения сегодняшних прав человека. Однако основатели идеи естественных прав были кем угодно, только не сторонниками гуманизма (*humanitarians*)¹⁶;

16 Согласно Оксфордскому словарю, гуманизм (*humanitarianism*) – убеждение и практика людей, которые стараются помочь страдающим и стремятся улучшить качество их жизни. На сегодняшний день в англоязычном дискурсе термин прочно ассоциируется с гуманитарной помощью и находится в понятийном поле прав человека. – Примеч. ред.

в теоретической плоскости они отстаивали строгую доктрину, отвергавшую обширный список основных прав. Если инициированное ими изобретение естественных прав и имело значение в качестве какого бы то ни было «предшественника», то исключительно из-за того, что естественные права были накрепко связаны с новым типом могущественного государства, возникшего в ту эпоху. Во многом история естественных прав, как и история прав человека (*rights of man*) в последующий период, – это история того самого государства, которое «права человека» (*human rights*) позже попытаются преодолеть.

Обоснование отмеченной взаимосвязи вращается вокруг того факта, что свободный, или автаркичный, индивид, обладающий естественными правами – человек, которого Гроций и Гоббс считали носителем новой концепции, – явно моделировался по образцу государства раннего Нового времени, жесткого и решительного в международных отношениях¹⁷. Этот индивид, как и государство, не терпел над собой никакой высшей власти. Именно по этой причине, как и в тогдашнем межгосударственном противоборстве, индивиды в естественном состоянии представлялись как находящиеся в состоянии войны не на жизнь, а на смерть (или близком к тому), которое ограничивалось только успокоением враждебности, но не универсальными нормами. В списке моральных заповедей, которые мог бы признать каждый человек, как утверждали Гроций и Гоббс, оказывалась только одна: право человека на самосохранение. Гоббс объявил это право первейшим и единственным «правом природы»:

«Естественное право, называемое обычно писателями *jus naturale*, есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения собственной природы, то есть собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого»¹⁸.

Подобно тому, как государство раннего Нового времени не подчинялось никакому высшему императиву, кроме собственной потребности в самосохранении, индивиды в естественном состоянии тоже пользовались лишь одним правом, которое позволяло сражаться за себя и, если необходимо, убивать. Однако, в отличие от внешней политики, где конкурирующие государства могли лишь отсрочивать столкновения между собой, во внутренней политике, согласно широко известному мнению Гоббса, мир был достижим, но только если враждующие гражд-

17 Особенно см.: Tuck R. *The Rights of War and Peace: Political Thought and the International Order from Grotius to Kant*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

18 НОВВЕС Т. *Leviathan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 91. (Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Гл. XIV // Он же. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1991. С. 98. Перев. А. Гутермана. – Примеч. перев.*)

дане наделят государство всей полнотой власти. Целью теории исходных прав – и мотивом к утверждению ее в политической мысли – было усиление государства, а не ослабление его. Это возвышение было мотивировано тем обстоятельством, что государство той поры, помимо дисциплинарного умиротворения собственных подданных во время гражданской войны, занималось беспрецедентной колонизацией остального мира.

Последующее столетие представило широкий ассортимент более богатых трактовок естественных прав и обязанностей, не замыкающихся сугубо на самосохранении; оно стало также временем становления государства, которое было способно, наряду с порядком и безопасностью, предоставлять своим гражданам и другие блага. Кроме того, апелляции к естественности и природе становились все обширнее из-за того, что теперь в их орбиту втягивались не только индивидуальные права. По мнению швейцарского мыслителя Жан-Жака Бурламаки и его американских последователей, которые развивали идеи естественного права в XVIII веке, утверждение новых прав, выходящих за границы самосохранения, было возможно при условии выведения их из более глубокой основы всех прав, которой служила мощная доктрина данных Богом обязанностей¹⁹. Отчасти благодаря именно этому процессу некоторые ценности, зародившиеся и окрепшие в разных традициях, превратились в естественные права – среди них, например, право частной собственности в знаменитой теории Джона Локка и другие, более поздние права. Впрочем, несмотря на конструирование все более обширных списков естественных прав, век демократической революции лишь укрепил тот самый союз между правами и государством, благодаря которому они и возникли. Теперь даже реализация первейшего права на самосохранение требовала, чтобы монарх опирался на постоянное согласие тех, кем он управляет, – по крайней мере в глазах Локка, – а впоследствии к этому праву добавился целый ряд других естественных прав. Но даже эти судьбоносные сдвиги не могли изменить того факта, что реакцией на нехватку прав стал шаг к новому суверену или новому государству, а не выход за рамки суверенитета и государства как таковых. Далее, в революционную эпоху, горнилом прав, их незаменимым сторонником и форумом для провозглашения выступила, помимо государства, еще и нация – другими словами, именно то, чему права человека как идея и как практика впоследствии себя противопоставят.

Иными словами, реальная значимость эпохи демократических революций в Америке и во Франции настолько же состояла в предотвращении доктрин прав человека, которые явил

19 См.: WHITE M. *The Philosophy of the American Revolution*. New York: Oxford University Press, 1978. Ch. 4–5.

XX век, как и в подготовке почвы для них. Должным образом изложенная история демократического республиканизма, или более узкая история либерализма, повествуют не столько о том, как права человека возникали, сколько о том, как им не удавалось появиться на свет. Неожиданным подтверждением этих слов может быть то, насколько национализм определил не только права человека, но и политически предвзятые интерпретации их развития в эпоху революций. Столетие назад немецкий правовед Георг Еллинек вызвал интеллектуальную сумятицу, заявив о первичности американского дискурса прав (выводимого им в свою очередь из более ранних достижений немецкой Реформации) как источника французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года; французы – ожидаемо – были недовольны этой попыткой украсть у них первородство. Интересно, что подобные суетные и безвкусные споры продолжают с тех пор время от времени вспыхивать. Так, в 1989 году, в дни празднования двухсотлетнего юбилея Французской революции, своенравная Маргарет Тэтчер вызвала дипломатическую сенсацию, язвительно заметив в эфире французского телевидения, что французы отнюдь не изобрели идею права человека, а просто заимствовали ее откуда-то еще (и выбросили затем за борт, погружаясь в пучину революционного террора).

Реальная значимость эпохи демократических революций в Америке и во Франции настолько же состояла в предотвращении доктрин прав человека, которые явил XX век, как и в подготовке почвы для них.

На самом деле американцы – причем не столько в Декларации независимости, утвержденной в июле 1776 года, сколько в гораздо более полновесной Виргинской декларации прав, одобренной за месяц до того, а также в ее аналогах, принятых в других штатах, – явно опередили французов, основав свои политические системы на перечисленных в учредительных документах правах, несмотря даже на то, что на уровне всей национальной конфедерации они не стали этого делать. Томас Джефферсон, находившийся в 1789 году в Париже, помогал маркизу де Лафайету составить первую версию французской декларации. Тем не менее источники американского государства и французских революционных документов остается не просто выделить. Кто бы ни был прав, французская декларация судьбоносным летом 1789-го, похоже, и в самом деле придала

политике прав совершенно новое направление. Двигаясь вместе с другими революционерами в сторону конституционной монархии, аббат Эммануэль-Жозеф Сьейес, проект которого в парижских дебатах заменил наработки Лафайета, утверждал, что американская увлеченность правами остается слишком зависимой от древнего дискурса аристократических прав, восходящего к Великой хартии вольностей, которая лишь негативно утверждала признанные королем вольности – вместо того, чтобы позитивно выстраивать политическую систему на основе прав. Еще до того, как он был вынужден подписать Билль о правах для нового федерального правительства, Александр Гамильтон даже использовал в «Федералисте» этот старинный аспект биллей о правах и их деклараций в качестве аргумента в пользу того, чтобы *не включать* подобные вещи в новую американскую Конституцию: «Несколько раз справедливо отмечалось, что генезис биллей о правах в соглашениях между монархами и их подданными, в сокращении прерогатив в пользу привилегий, в сохранении прав, не переданных королю»²⁰. Иными словами, если монарха нет, то и перечислять права уже не нужно.

В конечном счете, однако, французские революционеры решили, что список прав должен стать первейшим принципом их Конституции, а создатели американского государства были вынуждены добавить подобный список к результатам своей работы, чтобы добиться общественной поддержки. На фоне этих событий во второй половине XVIII столетия действительно произошел взлет идеи «прав человека», однако этот факт еще требует объяснения, и не известно, был он самоочевидным для современников или нет. Хотя на заре своей революции американцы нередко предпочитали ссылаться на естественные права, к 1789 году этот натуралистический пафос уже сходил на нет. После того, как Томас Пейн в трактате «Права человека» («The Rights of Man», 1791) обосновал Французскую революцию в глазах англо-американских республиканцев, судьба нового словосочетания была прочно утверждена по всему атлантическому миру и за его пределами. Однако вариация перевода французского выражения *droits de l'homme* как английского *human rights*, однократно встречающаяся в тексте Пейна, не вошла тогда в моду так, как это случилось полтора века спустя.

Подробная история прав в тот турбулентный период невероятно увлекательна, особенно с учетом того, что во время террора 1793 года французский канон уступил место новой декларации, впервые ответившей на социальные проблемы введением новых прав. Самый важный вывод, однако, заклю-

20 *The Federalist Papers*. № 84. New York: Penguin Random House, 2003. P. 512. (Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэддисона и Джона Джея. М.: Весь мир, 2000. С. 553. Перев. Н. Яковлева. – Примеч. перев.)

чается в том, что права революционной эпохи полностью воплощались в политике государства, кристаллизуясь в схемах, невероятно далеких от политических смыслов, обретенных правами человека в более поздние времена. В некотором смысле каждая декларация прав, появившаяся в ту пору (и вплоть до недавнего времени), подразумевала то, что французы открыто провозгласили в своей: декларация прав человека *и гражданина*. Права не были самостоятельным аргументом и не были уравнивающим фактором: они неизменно провозглашались в момент учреждения новой политической системы, оправдывая ее появление на свет – и то насилие, которое она зачастую практиковала²¹. «Права человека» отсылали исключительно к целостной общности, включающей себя в государство, а не к горстке посторонних, критикующих чужую страну за ее дурное поведение. С тех пор «права человека» оказывались связанными с самой сутью гражданства. Эту глубинную взаимосвязь между провозглашением прав и стремительно распространявшимся в последующее столетие «заражением суверенитетом» никак нельзя упускать из виду, анализируя их историю: до самого недавнего времени эта связь оставалась ее главной особенностью. Раз так, то гораздо полезнее исследовать появление прав человека как результат крушения модели революционных прав, а не как ее продолжение или возрождение. Важно отметить, что революция, с присущим ей антиреформаторским радикализмом и насильственными методами, все еще оформляла права человека, когда началась эпоха массовой демократии. Проще говоря, права революционной поры были революционными: они обосновывали создание нового или реновацию старого гражданского пространства, а не защиту «человечности».

Как принципы, которым закон должен был соответствовать, права привлекались многими мыслителями Просвещения, а позже, в революционное время, в некотором смысле они были даже выше закона. Тем не менее государство оставалось их родоначальником, и не была суда, стоявшего над государством, а порой даже и находившегося в самом государстве, в котором можно было бы обвинить это государство в правонарушении. Действительно, когда их провозгласили, не было очевидно, что права будут иметь какие-то цели, не связанные со становлением государства. Например, они не способствовали напрямую оформлению механизмов судебной защиты от суверенной власти – хотя сегодня это представляется их очевидной функцией. В 1789 году, когда в Конституцию США были внесены первые десять поправок, практика судебной проверки нормативных

21 Ср.: EDELSTEIN D. *The Terror of Natural Right: Republicanism, the Cult of Nature, and the French Revolution*. Chicago: University of Chicago Press, 2009.

правовых актов, сегодня представляющаяся чем-то обыденным, отнюдь не была predetermined. Но даже и внедрение судебного контроля над законами не породило богатой традиции судебных разбирательств. И связано это с изначально ограниченными задачами, которые должно было решать федеральное правительство. В Англии в свою очередь считалось, что мудрое мнение и древняя традиция смогут защитить неписаные права, так что нет необходимости провозглашать их, не говоря уж о защите в суде. Между тем во Франции потребовалось более 150 лет, чтобы конституционные права, на которых всегда основывались все сменявшие друг друга республики, могли обосновывать рассмотрение в суде тяжб с государством (это случилось уже после окончания Второй мировой войны). Хотя сегодня вполне естественным выглядит предположение, что весь смысл прав заключается именно в ограничении власти государства благодаря доступу к суду, в котором права могут быть защищены, смысл революционных прав был совершенно в другом. В логике революции главным лекарством, предотвращающим покушение на права или их упразднение, оставалось прямое демократическое действие – вплоть до новой революции. И хотя в наши дни ни одна неправительственная организация даже не пытается размышлять в подобных категориях, тогда это воспринималось как единственная возможная реакция на попрание прав человека.

Помимо того, что в обсуждаемую эпоху абстрактные принципы привлекались в основном для того, чтобы обосновывать учреждение новых государств, они играли еще одну важную роль, оправдывая проведение непреодолимых межгосударственных границ. В то время, как американские штаты, взяв за основу идею естественных прав, решили образовать слабую конфедерацию, сохраняющую автономию на местах, Франция задала модель национального государства, достигнув централизованной и суверенной независимости демократического народа. Не предоставляя ни малейших оснований для внешних или «гуманитарных» претензий к новоявленным государствам, тогдашняя идея прав оставалась – причем по крайней мере на протяжении целого столетия – обоснованием появления государств на свет. В отличие от учредительных документов отдельных американских штатов, Декларация независимости не содержала в себе какого-либо перечня прав, поскольку была призвана в первую очередь обеспечить новому государству суверенитет, защищающий от посягательств извне²². Фактически, права в ту эпоху оставались второстепенными атрибутами как государств, так и наций, ведь мало кто брал на себя труд даже

22 См.: ARMITAGE D. *The Declaration of Independence: A Global History*. Cambridge: Harvard University Press, 2006. P. 17–18.

различать последние²³. Всего через десятилетие после того, как американцы объявили миру об автономии своего новорожденного государства, французы в собственной революционной декларации прав настаивали на том, что «источником суверенной власти является нация», добавляя на всякий случай, что «никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации» (Декларация прав человека и гражданина, статья 3). В эпоху, когда американское народное единство выковывалось под равно мощным воздействием высоких гуманистических принципов и кровавых индейских войн, французы, возможно, просто следовали стереотипу, отождествляя собственную национальную идентичность с универсальной моралью; они не усматривали никакого противоречия в одновременном провозглашении суверенной нации французов и постулировании гражданских прав как прав человеческого существа. В итоге права, запечатленные в конституции суверенного государства-нации – которые отнюдь не были «правами человека» в современном смысле, – оказались великим и судьбоносным даром, который Французская революция преподнесла мировой политике.

Несомненно, переход к такому миру, в котором доминируют потенциально республиканские государства, не был механическим воспроизведением международных отношений того типа, которые были заданы империями и монархиями. Французская революция действительно оказала осязаемое влияние на глобальный порядок, сразу же породив несколько просвещенческих концепций «вечного мира», имевших даже немногочисленных приверженцев. Однако, если не считать вызывающе экстерриториального барона Анахарсиса Клоотса – который вступил в революционное Национальное собрание в качестве представителя нефранцузской части человечества и поддерживал агрессивную войну, видя в ней шаг к утверждению подлинно мирового правительства, – эти утопические видения обретали формы, полностью совместимые с распространением национального суверенитета, и не содержали намека на правила или права, возвышающиеся над этим суверенитетом²⁴. На практике после того, как в последнее десятилетие XVIII века сжимающееся

23 Ср.: HUNT I. *The Permanent Crisis of a Divided Mankind: "Contemporary Crisis of the Nation-State" in Historical Perspective* // *Political Studies*. 1994. Vol. 42. P. 166–231; WRIGHT J.K. *National Sovereignty and the General Will: The Political Program of the Declaration of Rights* // VAN KLEY D. (Ed.). *The French Idea of Freedom: The Old Regime and the Declaration of Rights of 1789*. Stanford: Stanford University Press, 1995.

24 BEVILACQUA A. *Cloots, Rousseau and Peaceful World Order in the Age of the French Revolution*. M. Phil. thesis. University of Cambridge, 2008; MATHIEZ A. *La Révolution et les Étrangers: Cosmopolitisme et défense nationale*. Paris: La Renaissance du livre, 1918. О немецком теоретизировании по этому поводу см.: KLEINGELD P. *Six Varieties of Cosmopolitanism in Late Eighteenth-Century Germany* // *Journal of the History of Ideas*. 1999. Vol. 60. P. 505–524; ИДЕМ. *Defending the Plurality of States: Cloots, Kant, and Rawls* // *Social Theory and Practice*. 2006. Vol. 32. P. 559–578.

кольцо вражеских армий вынудило мятежное государство раздуть революционный пожар и за своими границами, Французская Республика даже не пыталась утверждать что-то подобное глобальному праву; вместо этого, она порождала революционных «сестер» (как их называли) и играла с чем-то вроде союза новоявленных республик²⁵. В теории Иммануил Кант сознательно отвергал радикализм Клоотса, отстаивая, вместо этого, идеал минималистского *Weltbürgerrecht*, или «права гражданина мира», которое представляло собой не более чем право убежища для тех людей, которые не нашли себе места в мире национальных государств. Верно, что Кант, как и стоики, был космополитическим мыслителем. Но ему были бы чужды нынешние представления о правах человека и обещаемая ими всесторонняя защита, даже когда они довольствуются международным порядком, выстроенным государствами²⁶.

Права, запечатленные в конституции суверенного государства-нации – которые отнюдь не были «правами человека» в современном смысле, – оказались великим и судьбоносным даром, который Французская революция преподнесла мировой политике.

В итоге на протяжении XIX столетия вполне искренние апелляции к правам человека озвучивались в унисон с укреплением национального суверенитета, в котором видели необходимое средство утверждения этих прав, их предварительное условие и неизменное подкрепление. Если в том веке и существовало какое-то *движение* прав человека, то таковым мог быть только либеральный национализм, который старался гарантировать соблюдение гражданских прав на национальном основании. Под занавес своей карьеры Лафайет принялся утверждать права человека в Польше; подобно многим другим приверженцам революций модерна, он считал, что «всеобщие и частные права любого народа... наилучшим образом защищаются суверенными национальными государствами»²⁷. Обратившись к еще более знаковой фигуре, к итальянцу Джузеппе Мадзини, мы увидим, что революционные права человека представлялись высочайшими идеалами. «Личность священна», – твердо заяв-

25 См.: BÉLISSA M. *Fraternité universelle et intérêt national (1713–1795): les cosmopolitiques du droit des gens*. Paris: Éditions Kimé, 1996.

26 Ср.: NUSSBAUM M. *Kant and Stoic Cosmopolitanism* // Journal of Political Philosophy. 1997. Vol. 5. № 1. P. 1–25. Тот же текст был перепечатан под другим названием: IDEM. *Kant and Cosmopolitanism* // ВОНМАН J., LUTZ-BACHMANN M. (Eds.). *Perpetual Peace: Essays on Kant's Cosmopolitan Idea*. Cambridge: M.I.T. Press, 1997.

27 Цит. по: KRAMER L. *Lafayette in Two Worlds: Public Cultures and Personal Identities in an Age of Revolutions*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1996. P. 255–256.

лял Мадзини. Но если на одной стороне знамени его движения «Молодая Италия» было начертано «Свобода, Равенство, Гуманность», то на другой его стороне красовались слова «Единство, Независимость» – в полном соответствии с распространявшимся по всему европейскому континенту убеждением, что свобода и национальность предполагают друг друга. Безусловно, полная зависимость прав от автономии нации означала, говоря словами Мадзини, что «эпоха индивидуальности подошла к концу». Теперь «коллективный человек всемогущ на земле, по которой ступает». Если во что бы то ни стало не признать государство-нацию первоочередной целью, «у вас не будет ни имени, ни голоса, ни прав, – убеждал он своих собратьев-итальянцев, – вас не примет народное братство»²⁸.

Мадзини очень хорошо уловил дух прав, завещанных революцией. В итоге права были неотделимы от апофеоза государственности даже для тех, кто всерьез тревожился о революционных эксцессах. Французские мыслители-либералы – Бенжамен Констан, Франсуа Гизо и Алексис де Токвиль, – обеспокоенные народным деспотизмом, считали права лишь одним элементом из длинного списка инструментов, которые либеральная цивилизация предоставляет для обеспечения свободы в государстве. На противоположном конце спектра французской политики, некогда выступавшем эпицентром борьбы за права человека, в течение XIX столетия упоминания о них едва ли не полностью исчезли из политического дискурса; со временем это явление стало повсеместным²⁹. Для виднейшего немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля права имели ценность только «в контексте», а именно в государстве, примиряющем внутри себя свободу и сообщество³⁰. В немецких землях как до, так и после объединения сторонники либеральной идеи демонстрировали глубочайший этатизм и национализм в политическом мышлении и в агитационных стратегиях; даже руководимые универсалистскими принципами, они поначалу солидаризовались с идеалом *Rechtsstaat*, пропагандируемым монархической бюрократией, а позже склонялись к тому, что мягкий космополитизм кантовской эпохи должен все же уступить абсолютному господству национального проекта. По этой причине права, о которых немцы спорили в революционном 1848-м, были гражданскими правами, реализуемыми в государственных границах, а их гимны свободы неизменно сопровождались вспышками национального шо-

28 Все цитаты, за исключением последней, даются по: NAMIER L.B. *Nationality and Liberty* // BLACK E.C. (Ed.). *European Political History, 1815–1870: Aspects of Liberalism*. New York: Harper and Row, 1967. P. 139–141. Источником последней цитаты: TAMIR Y. *Liberal Nationalism*. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 124.

29 JUDT T. *Rights in France: Reflections on the Etiolation of a Political Language* // *Tocqueville Review*. 1993. Vol. 14. № 1. P. 67–108; см. также: BOBBIO N. *Diritti dell'uomo e del cittadino nel secolo XIX in Europa* // DILCHER G. ET AL. (Hrsg.). *Grundrechte im 19. Jahrhundert*. Frankfurt-am-Main: Lang, 1982.

30 См.: SMITH S.B. *Hegel's Critique of Liberalism: Rights in Context*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

винизма. Подобное наблюдалось не только в Германии – «национальный либерализм», отличный от немецкого лишь в деталях, демонстрировался поборниками прав повсеместно.

Описанный альянс между государством и нацией не был какой-то случайностью, трагически погубившей права человека, – напротив, в этом союзе и заключалась их сущность, причем на протяжении большей части их истории. С завершением эпохи революций право на коллективное самоопределение, как его стали называть в XX веке, предложит очевидную основу для гражданских прав. Этому основанию суждено будет оставаться актуальным до недавнего времени, особенно в ходе деколонизации мира после Второй мировой войны. Если лозунг самоуправления, начертанный на знаменах атлантических революций, мог на протяжении XIX столетия и позже вдохновлять многих, то это происходило не из-за того, что их примеры напрямую утверждали «всеобщие права человека». Скорее его притягательность была обусловлена освобождением от монархического деспотизма и от архаичных традиций во французском случае, а также постколониальной эмансипацией от империи и учреждением независимой государственности в американском случае. Как указывала Арендт, центральное положение национальных государств в качестве горнила прав становится вполне объяснимым, если первоочередной задачей выступает создание пространства значимого гражданства, пусть даже ценой утверждения политических границ.

Пожалуй, подчинение прав человека национальному государству могло быть основной исторической причиной того, почему на протяжении XIX века апелляции к ним звучали все глуше. Иными словами, сдвиг к этатизму и национализму в XIX веке случился ввиду сущностных особенностей языка прав. По прошествии времени все более и более ясным становилось, что по-настоящему принципиальное значение имеет не утверждение каких-то абстрактных принципов, а обретение конкретного гражданства. Рассуждения о правах, некогда оправдываемых ссылками на богоданный или естественный характер, по мере их распространения все чаще шли в этатистском или позитивистском ключе. Арендт писала:

«Понятие прав человека было пасынком в политической мысли XIX века. [...] Ни одна либеральная или радикальная партия в XX веке... не считала возможным включать их в партийную программу. [...] Если законы страны не отвечали требованиям прав человека, ожидалось, что люди способны изменить эти законы, в демократических странах – путем законодательства, в деспотиях – революционными действиями»³¹.

31 ARENDT H. *The Origins of Totalitarianism*. P. 293. (АРЕНДТ Х. *Истоки тоталитаризма*. С. 392. – Примеч. перев.)

Права человека представляли прежде всего достижением внутринациональной политики, несмотря на всю свою универсальность.

Бесспорно, имелись и другие причины, объяснявшие медленный, но неуклонный «упадок естественных прав» в XIX веке, когда права все реже рассматривались в качестве естественного ограничения государственной власти и все чаще признавались его порождением. Сегодня в англо-американском мире в ходу утилитаристская критика Иеремии Бентама, называвшего естественные права «чушью на ходулях», как и едкие выпады Эдмунда Бёрка в сторону их абстрактности³². Безусловно верным остается и яркое наблюдение Эли Галеви, заметившего как-то, что настойчивость утилитаристской критики побуждает к такому выводу: если права человека и оставались в публичном обороте, то только «точно так же, как мы при республиканском режиме совершаем покупки с помощью монет, на которых изображены профили павших монархов, не замечая этого и не придавая этому значения»³³. Даже в Великобритании, как отмечали позитивист Джон Остин и коммуитарист-гегельянец Томас Хилл Грин, ключевая роль государства как форума, на котором отстаивались и утверждались права, оставалась неоспоримой. Таким образом, общая картина ясна: несмотря на упадок натурализма, коллективистский – даже националистический – контекст, в котором осмысливались права, упрочивал их союз с государственной властью, с которой даже самые натуралистические доктрины прав с самого начала и теснейшим образом были связаны.

Несмотря на очевидный спад апелляции к «естественному» авторитету прав, они, включая и права человека, запечатлелись в лозунгах довольно необычных гражданских движений современной истории. Женщины присвоили их себе сразу же, а чуть позже за ними последовали и рабочие. Евреям их гарантировали в годы Французской революции, после чего заданный французами тренд начал медленно распространяться по европейскому континенту. На них претендовали и порабощенные чернокожие, что наиболее ярко проявилось в Гаитянской революции, о которой какое-то время почти не вспоминали. В свете оформления нерушимых межгосударственных границ вопросы о правах постоянно ставились иммигрантами; это породило баталии между сторонниками и противниками предоставления им гражданства. Даже животные, по мнению некоторых, заслуживали наделения правами.

Идея использовать эти кампании для объяснения истории прав человека может показаться весьма заманчивой, ведь в них

32 Содержательный обзор англо-американских материалов, посвященных этой теме, см. в статье: WALDRON J. *The Decline of Natural Right* // WOOD A., SONGSUK S.H. (Eds.). *The Cambridge History of Philosophy in the Nineteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

33 HALÉVY E. *The Growth of Philosophic Radicalism*. Boston: Beacon Press, 1955. P. 155.

одерживались победы, оттачивались методы борьбы, велась подготовка к битвам за пределами национальных границ. Но если мы последуем этим путем, то слишком многое будет упущено, а то, что останется, скорее будет запутывать, чем прояснять. Ведь главным следствием утверждения прав во внутренней политике оказался не выход за пределы государства, а постепенное допущение различных категорий подданных к обладанию ими. В состязании за гражданские права всегда сталкивались разные стороны, и каждая толковала пределы и смыслы гражданства по-своему. Эта структурная роль прав, предполагавшая прежде всего гражданскую мобилизацию, а не судебные меры, долгое время оставалась главной³⁴. Несмотря на все различия в программных целях консерваторов, либералов и радикалов, их апелляции к правам объединяло то, что с их помощью все эти политические силы боролись за формы национального государства и смысл гражданства в нем. Уместно вспомнить Гаитянскую революцию, в ходе которой чернокожие настолько же добивались гражданства через упразднение рабства, сколько боролись за права как таковые; вот почему до самого недавнего времени в этом восстании видели провозвестие лишь революционного национализма деколонизации, а не универсального движения за права человека нынешней поры.

СЭМИЮЛ МОЙН
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
ДО ПОЯВЛЕНИЯ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Главным следствием утверждения прав во внутренней политике оказалось постепенное допущение различных категорий подданных к обладанию ими. В состязании за гражданские права сталкивались разные стороны, и каждая толковала пределы и смыслы гражданства по-своему.

Можно, разумеется, выборочно извлекать из недавней истории цели, похожие на защиту прав человека в современном понимании: скажем, кампанию против работорговли и рабства внутри страны и за рубежом или призывы к внешнему вмешательству, которые довольно часто звучали на закате Османской империи на востоке и Испанской империи на западе, побуждая заинтересованные стороны откусывать от них кусочки территории, иногда во имя защиты угнетенных. Поразительно, однако, что эти цели почти никогда не облекались в форму борьбы за права. Транснациональная солидарность христиан или организованных евреев со своими единовер-

34 Об этом пишет, например, Марсель Гоше: GAUCHET M. *Les droits de l'homme ne sont pas une politique // Le Débat*. 1980. Vol. 3; воспроизводится также в: IDEM. *La condition politique*. Paris, 2007.

цами, вне всякого сомнения, опиралась на универалистскую риторику³⁵. Однако более иерархичный (и зачастую религиозный) язык тогдашнего гуманизма гораздо лучше обосновывал сострадательное оказание помощи, не подрывающее империалистических установок и проектов, с которыми она обычно теснейшим образом увязывалась. Что же касается довольно примитивной, но весьма интересной и основанной на договорах практики защиты меньшинств поверх государственных границ, вошедшей в оборот с конца XIX века, начало ей положила защита евреев Восточной Европы, когда великие державы сделали условием суверенитета слабых держав внедрение достаточно просвещенного правления. Удивительно, но подобная защита всегда задумывалась как групповая, даже если ее и подкреплял плохо организованный международный надзор. То был всего лишь поиск гарантий гражданства внутри государства, а не внедрение прямого международного надзора за соблюдением индивидуальных прав – причем он распространялся только на те государства, которые считались ненадежными в обеспечении гражданских прав своих подданных. Позже похожая модель станет основной формой защиты прав, практикуемой Лигой Наций в период между Первой и Второй мировыми войнами. Если это и можно считать попыткой защитить права других, то объектами такой защиты всегда выступали чужие нации, а не чужие индивиды.

По контрасту с этими примерами в период, предшествовавший Второй мировой войне, сражения на домашних фронтах – в отличие от призывов к гуманности за границей и заботы о меньшинствах в отсталых странах – гораздо чаще были связаны с обращениями к правам личности. Такая разница обуславливалась тем, что во внутренней полемике можно было принимать как должное уже сложившееся пространство инклюзивного гражданства, в котором притязания на права могли разделяться смыслами. В одном из упоминаний о правах человека, очень редких в англоязычном дискурсе до 1940-х, сенатор от штата Массачусетс и лидер радикальных республиканцев Чарльз Самнер вскоре после гражданской войны в США отмечал: «Наша война означает, что институты этой страны навеки посвящены правам человека, а Декларация независимости есть вовсе не обещание будущего, а свершение настоящего»³⁶. Внутривнутриполитическая борьба не разорвала, а укрепила связь между принципами прав и основаниями суверенности и, подобно революции, все еще могла иметь насильственные формы.

35 GREEN A. *The British Empire and the Jews: An Imperialism of Human Rights* // Past and Present. 2008. Vol. 199. P. 175–205; LEFF L. M. *The Sacred Bonds of Solidarity: The Rise of Jewish Internationalism in Nineteenth-Century France*. Stanford: Stanford University Press, 2006.

36 Цит. по: DONALD D. *Charles Sumner and the Rights of Man*. New York: Alfred A. Knopf, 1970. P. 423.

Все случаи борьбы, нацеленной на обретение новых прав или наделение ими новых групп, с предельной ясностью иллюстрируют этот тезис. Классическими примерами являются требования революционной эпохи о включении женщин в состав человечества – и включение их в политику, – излагаемые, в частности, в трактатах «Декларация прав женщины и гражданки» Олимпии де Гуж и «В защиту прав женщин» Мэри Уолстонкрафт. Женское движение, на формирование которого ушли последующие полвека, поставило права в центр своей деятельности. Первейшим правом в повестке движения значилось гражданское право на участие в выборах. Несомненно, начиная с Уолстонкрафт феминизм расширял свои горизонты: когда после Первой мировой войны женское население англо-американского мира получило доступ к избирательным правам, движение занялось социальными правами женщин и укреплением их гражданского статуса. Учитывая уникальную роль, какую женщины играют в репродукции и воспитании детей, критики стали настаивать на том, что государство должно не ограничиваться инклюзией, выразившейся в приобщении к выборам, а заняться вездесущими структурами женской зависимости. Однако подобное углубление и упрочение предпосылок гражданства не означало автоматического расширения его границ.

Та же самая взаимосвязь, вовлекающая тему прав в уточнение рамок гражданства, прослеживается во всех кампаниях в поддержку тех или иных социальных прав, впервые сформулированных в качестве таковых во время Французской революции и после нее. Долгое время такая протекция означала защиту прав трудящихся, которая обеспечивалась в процессе внутривнутриполитической борьбы. Во время Французской революции идея социальных прав – которая следовала за различными проектами Старого порядка, направленными на обеспечение нуждающихся работой, – с самого начала закладывалась в тексты первой и особенно второй Декларации прав человека и гражданина, принятой в 1793 году (Год первый, по революционному календарю). Этот политический радикализм изменил ход общественных дискуссий, интегрировав в них «зачатки дискурса социальной защиты, основанной на гражданстве», и, таким образом, с самого начала предполагал общественную интеграцию в той же мере, что и универсальные права³⁷.

После революции Шарль Фурье во Франции и Джон Тельвол в Великобритании попытались расширить орбиту естественных прав, включив в нее права на труд и доход. Фурье писал в 1806 году:

37 JONES G.S. *An End to Poverty? A Historical Debate*. New York: Columbia University Press, 2003. P. 13.

«Наши общественные договоры не могут обеспечить первейшее из естественных прав – *право на труд*. Говоря о “естественных правах”, я не имею в виду химеры “свободы” и “равенства”. [...] Почему философия издевается над этими несчастными, предлагая им права суверенитета в то время, когда они требуют всего лишь прав службы, возможности трудиться на радость праздным?»³⁸

Поколение спустя, когда идея права на труд вернулась, ее преподносили примерно в тех же выражениях. социалист-утопист Виктор Консидеран писал:

«Мы сделаем для счастья низших классов, их подлинного освобождения и настоящего прогресса гораздо больше, если наделим их высокооплачиваемой работой, а не политическими правами и бессмысленным суверенитетом. Самое важное право для народа – это *право на труд*».

В ходе революции 1848 года во Франции одной из главных задач революционеров было возложить на правительство обязанность по организации труда, как это делалось, например, в национальных мастерских³⁹. Во всех этих случаях, согласно замечанию Томаса Хэмфри Маршалла, обретение социальных прав оказывалось в первую очередь итогом ревизии принципов гражданства в рамках государства, а не результатом его преодоления⁴⁰. Иначе говоря, выбор делался между более ранним идеалом *Rechtsstaat* и более поздним идеалом *Sozialstaat*, как называли их немцы; речь шла о переходе от государства, основанного на верховенстве закона, к государству, основанному на благосостоянии, при этом оба идеала предполагали включенность в сообщество.

Несмотря на все упомянутые инициативы, на протяжении XIX века и Новейшего времени защита собственности оставалась наиболее значимым правом как в теории, так и в законодательстве (включая конституционное право). Реагируя на это, общественные движения, которые добивались новых условий включения в политическое сообщество, зачастую были вынуждены вместо выдвижения запросов на новые права заниматься упразднением старых прав. В конце концов, свободно-рыночный консерватизм превратил права человека в свой мощный боевой клич. То, что такие концепции, как «естественные права» и «права человека» (*rights of man*), предстали наилучшими аргументами, которые консерваторам удалось найти в годы

38 FOURIER C. *The Right to Work Denied* // BEECHER J., BIENVENU R. (Eds.). *The Utopian Vision of Charles Fourier*. Boston: Beacon Press, 1971. P. 137. О Тельволе см.: CLAEYS G. *The French Revolution Debate in Britain: The Origins of Modern Politics*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

39 Цит. по: BEECHER J. *Victor Considerant and the Rise and Fall of French Romantic Socialism*. Berkeley: University of California Press, 2001. P. 143.

40 MARSHALL T. H. *Citizenship and Social Class* // ИДЕМ. *Citizenship and Social Class, and Other Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 1950.

межвоенного экономического кризиса, чтобы защитить свободу договора и неприкосновенность собственности от общественного регулирования – а также то, что эти концепции до изобретения прав человека (*human rights*) подвергались суровым нападкам в течение более, чем полувека, – важные факты современной идеологической истории. В Америке консервативные юристы, подобные Стивену Филду, могли беспрестанно взывать к естественным правам и естественности Бога как к своего рода магическому талисману – причем, несмотря даже на то, что, отстаивая эти права, они все больше и больше отождествляли их с защитой капитализма от посягательств со стороны государства⁴¹. Этот резкий разрыв исторической траектории прав человека, произошедший в интервале между революционной эпохой и основанием Организации Объединенных Наций, неизменно оказывается опущен теми, кто пытается реконструировать их историю как историю непрерывного успеха: понятно, что этот эпизод в такой нарратив просто не вписывается. Но, поскольку основное предназначение прав заключалось в утверждении пространства гражданственности, в котором могут конкурировать его альтернативные трактовки, права были инструментом, доступным каждому.

Конкурентный успех сторонников *laissez-faire* в обращении к «правам человека» означал, что критики этой политики нередко нападали на права за их абстрактность, предпочитая конкретные социальные блага. Набирающая силу атака на идеологию *laissez-faire* отнюдь не всегда была связана с выдвиганием новых прав, оставляющим само понятие прав в неприкосновенности. В этом смысле сложно сказать, была ли долгая борьба за социальную защиту в Новое и Новейшее время продвижением дискурса прав или его ослаблением. В самом деле, Фурье и Консидеран уже в общих чертах дали понять, что утверждение права на труд представляет собой серьезный вызов формализму дискурса прав и не может быть простым добавлением нового пункта в их список. Философы, подобные Грину, дополнили негативную свободу в отношении государства позитивной свободой включения в его состав; институционалисты, подобные Роберту Хейлу, новаторски демистифицировали естественные права, указав на их социальное происхождение; реалисты, подобные Уэсли Хохфельду, выявили в них систематически выдвигаемые наборы требований и обязательств, а не неприкосновенные метафизические сущности. Несмотря на частные различия, во всех перечисленных воззрениях просматривался целенаправленный уход от самодостаточности и даже самоочевидности «индивидуальных прав».

41 См.: McCloskey R.G. *American Conservatism in the Age of Enterprise, 1865–1910*. Cambridge: Harvard University Press, 1951. Ch. 5 («Judicial Conservatism and the Rights of Man»).

Вся эта критика, ассоциировавшаяся с британским новым либерализмом, за которым последовали американский прагматизм и реализм, подрывала концепцию прав личности, столь почитаемую апологетами свободы договора. Она вливалась в более широкое прогрессивное движение, сражающееся с устаревшими индивидуалистическими абстракциями ради конкретных социальных благ. Причем в типичном для англо-американцев духе она звучала и выглядела очень либерально. За пределами англо-американского мира схожие атаки на индивидуалистическую метафизику шли гораздо дальше. По мере того, как XIX век подходил к концу, а суверенитет абстрактного государства подвергался неослабной критике, целью мощного нового восстания против формалистской «метафизики прав» – и во имя социальной интеграции и благосостояния – стал и абстрактный индивид. Наиболее интересные аргументы в этом отношении выдвигал французский теоретик солидаризма Леон Дюги, который утверждал, что представления о личности государства и о личности индивида неразрывно связаны друг с другом и потому должны пасть вместе⁴². Учитывая устоявшуюся связь между индивидуальными правами и суверенной государственностью, такое заключение выглядело вполне разумно; ведь к тому моменту еще никому не приходило в голову отстаивать одно вопреки другому. И даже призывы к наделению новыми правами новых людей зачастую оттеснялись волной критики, которой подвергался атомистический индивидуализм во имя социального единства. Например, в конце XIX столетия французские феминистки требовали женского равенства, апеллируя к коллективному благосостоянию общества, а не к присущим индивидам правам⁴³. Аналогичным образом и история рабочего движения демонстрирует, что невозможно восхвалять пролетариев за продвижение прав, не обращая при этом внимания на то, что их требования, подобно требованиям многих других, часто требовали критики самого понятия прав.

Между «революционными правами» и «правами человека» (*human rights*) расположилась еще одна традиция прав, отличавшаяся от каждой из них настолько, насколько обе они отличались друг от друга: традиция гражданских свобод. Тот факт, что политические права гарантировались государственным гражданством, заметным образом повлиял на происхождение

42 См. наиболее известные его тексты: DUGUIT L. *Law and the State* // Harvard Law Review. 1917. Vol. 31. № 1. P. 1–185; ИДЕМ. *Objective Law* // Columbia Law Review. 1920. Vol. 20. № 8. P. 817–831. Ср. обзор по нелиберальным режимам XX века и социальным правам в: PINO P.R. *Housing and Citizenship: Building Social Rights in Twentieth Century Portugal* // Contemporary European History. 2009. Vol. 18. № 2. P. 199–215.

43 См.: SCOTT J.W. *Only Paradoxes to Offer: French Feminists and the Rights of Man*. Cambridge: Harvard University Press, 1996. Ch. 4.

этой новой концепции. В то время как фигуры вроде Джона Уилкса, которые выступали за то, чтобы государство не смело покушаться на заветные свободы слова и прессы, были активны уже в XVIII веке – друзья Уилкса даже учредили Общество сторонников Билля о правах, чтобы оплатить его долги, – *институционализация* активизма, озабоченного гражданскими свободами, состоялась только в конце XIX столетия, сначала во Франции, а потом, в годы Первой мировой войны, в Британии, Америке и Германии. Основанные в то время постоянные организации – такие, как Лига прав человека (Ligue des Droits de l'Homme) или Американский союз гражданских свобод (American Civil Liberties Union), – действительно отстаивали свободу слова, прессы и ассоциаций, главным образом порицая государство, предавшее эти ценности. Они также помогли разработке новых механизмов сдерживания государственной власти – в США, например, посредством конституционного правосудия, – выступившие альтернативами ее революционному свержению или радикальному обновлению. Но, подобно правам революционной эпохи, гражданские свободы тоже черпали свой идеологический авторитет и культурные предпосылки из национального государства. Притязания всех этих групп коренились не во всеобщем праве, а в приписываемых отдельным нациям глубоких традициях свободолюбия. Все эти сторонники гражданских свобод были частью одного феномена, появившегося в разных местах примерно в одно и то же время, причем в своих настроениях они зачастую оказывались интернационалистами. Но одновременно они оставались достаточно верными наследниками революционных прав, чтобы не только ограничить риторические апелляции национальными ценностями, но и не выходить в своей деятельности за пределы родных стран (что в случае стран Европы иногда означало имперские пространства). На протяжении многих лет сторонники гражданских свобод в основном всматривались внутрь собственных стран, не занимаясь страданиями внешнего мира. По этой причине они не стали инициаторами создания международных прав человека – ни как идеи, ни как движения.

Если неразрывная связь между гражданством и правами является центральной чертой их истории, то возникает естественный вопрос: когда и почему правам был придан импульс, выводящий их за рамки национального государства как того основания, которое когда-то было единственным, что наделяло права смыслом? Удивительнее всего в этом контексте, что расцвет международных институций, наблюдаемый во второй половине XIX столетия, никак не повлиял на те национальные рамки, в которых права – до той степени, до которой к ним вообще обращались, – обретали свою ценность. Хотя

Бентам ввел понятие «международный» (*international*) еще в 1780 году, нарастание интернационализации в форме экономической и регуляторной интеграции наряду с воплощением множества других интернационалистских проектов началось только после революции в коммуникационной и транспортной сфере, развернувшейся с 1850 года. Этот процесс охватывал как низкое, так и высокое – от почтовых союзов до работы полиции, от всемирных выставок (с 1855 года) до Олимпийских игр (с 1896 года). Интернационализация, почти никогда не подразумевавшая полного упразднения государства, зачастую просто снабжала его более обширной сценой для самовыражения. Действительно, в конце XIX века становление нового международного пространства шло в тандеме с расцветом все более шовинистических разновидностей национализма, которые после эпохи Мадзини возобладали повсеместно. (Позже появилось даже такое явление, как фашистский интернационализм⁴⁴.)

Если неразрывная связь между гражданством и правами является центральной чертой их истории, то когда и почему правам был придан импульс, выводящий их за рамки национального государства как того основания, которое когда-то было единственным, что наделяло права смыслом?

Международная сфера конца XIX века сделала возможным международный активизм, ранее немыслимый. С той поры интернационализм стал доминирующим вариантом современного универсализма, он предполагал нации, но стремился к их взаимозависимости. Примерно после 1870 года начали возникать международные организации и лиги, часть из которых ставила во главу угла продвижение нового глобального сознания. Начиная с этого времени ежегодно учреждались одна или две подобные организации; затем, в десятилетия, предшествующие 1914 году, это число выросло до пяти, а в период между мировыми войнами – до десяти⁴⁵. Иногда кажется, что интернационализм мог служить кому угодно – от аристократов до бюро-

⁴⁴ SUGANAMI H. *A Note on the Origin of the Word "International"* // *British Journal of International Studies*. 1978. Vol. 4. P. 226–232. Ср.: ARENDT H. *The Seeds of a Fascist International* // *Idem. Essays in Understanding, 1930–1954: Formation, Exile, and Totalitarianism*. New York: Harcourt Brace & Company, 1994. (Арендт Х. *Семена фашистского интернационала* // Она же. *Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм*. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. С. 261–276. – *Примеч. перев.*)

⁴⁵ См.: *Annuaire des organisations internationales*. Geneva, 1949; GEYER M. H., PAULMANN J. (Eds.). *The Mechanics of Internationalism: Culture, Society and Politics from the 1840s to World War I*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

кратов, от рабочих до юристов, – тем не менее никто из них не продвигал идею прав на международный уровень, не говоря уже о попытках обеспечить им надгосударственный правовой статус⁴⁶. Несмотря на то, что чаще всего основанные на правах движения, подобно, например, женскому движению, приобретали международные формы, их интернационализм ограничивался обменом рабочими технологиями и укреплением взаимной поддержки в деле национальной агитации, отнюдь не превращая сам глобальный форум в место творческого или реформистского поиска, если не считать борьбы за международный мир.

Международный социализм предоставляет, пожалуй, наиболее важный повод разобраться в том, почему экспансия интернационализма и взрывной интерес к правам не были связаны и не должны быть связаны между собой. Хотя артикулировать социальную озабоченность в виде притязаний на те или иные права уже давно было возможно, это вовсе не было неизбежно или даже обыденно. Начиная с зарождения в начале XIX века организованного социализма как политического проекта различные движения, входившие в его состав, тяготели в основном к утопическим преобразованиям. Несмотря на какой бы то ни было интерес к правам, проявляемый марксистскими организациями в последующие периоды, сам Карл Маркс был новатором такого отстаивания лучшего мира, в котором права человека представляли проблемой, а не решением. Общий скептицизм в отношении прав, сопутствующих борьбе за рабочее дело, был доведен им до степени полного их отрицания. В статье «К еврейскому вопросу», одном из его ранних текстов, представлена критика современного капиталистического государства как пространства свободы, в котором абстракция прав подменяет «подлинную свободу». Подобно другим, более поздним критикам формализма, Маркс нападал как на государство, так и на права, признавая их неразрывную связь друг с другом; и если он апеллировал к глобальному порядку, то сугубо во имя коммунизма, который требовал преодоления индивидуальных прав.

Хотя у кого-то может возникнуть искушение изобразить подъем «научного» социализма Маркса как катастрофу, поставившую крест на перспективах основанного на правах либерального социализма, это течение само по себе оказалось весьма хилым конкурентом⁴⁷. Даже реформистский социализм

46 Недавнее стирание границы между правами человека и гуманитаризмом привело к тому, что обычные аргументы в пользу преемственности стали вращаться вокруг изменений законов войны, которые, однако, гуманизировали военные действия лишь для принимающих в них участие солдат, не обращаясь к «правам человека» как базису.

47 Ср.: CANTO-SPERBER M., URBINATI N. (Eds.). *Le socialisme libéral: Une anthologie*. Paris: Éditions Esprit, 2003.

конца XIX века, который решил играть по правилам парламентской демократии, а не добиваться насильственной революции, мечтал о долгосрочных утопиях, избавленных от апелляций к правам человека. Карьеры «ревизиониста» Эдуарда Бернштейна в Германии, фабианцев в Великобритании и даже Жана Жореса во Франции – выдающегося социалиста, который преклонялся перед Французской революцией и утверждал, как и многие, что она предвосхищала социалистический утопизм, а не основанный на праве интернационализм⁴⁸, – с предельной ясностью иллюстрируют этот тезис. «Le droit du pauvre est un mot creux», – гласил гимн рабочего человека, а позднее и коммуниста, названный, что важно, «Интернационалом». «И прав у бедных не найдешь»⁴⁹. Впрочем, хотя социализм не отводил правам сколько-нибудь заметного места, он гораздо больше любого другого течения способствовал продвижению интернационализма как политической программы, начиная с учреждения «Международного товарищества рабочих» (International Workingmen's Association, 1864–1876) и продолжая созданием Второго интернационала (1889–1914). История интернационализма, зародившегося в конце XIX столетия, в значительной мере не завершена до сих пор. Однако вполне ясным представляется то, что даже само слово «интернационализм» (особенно если писать его с заглавной буквы) чаще всего ассоциируется с международным социализмом, а либеральные формы интернационализма – например, новое международное право с его сравнительно уважительным отношением к государственному суверенитету, – развивались в основном в открытом идеологическом противостоянии своему ужасающему социалистическому сопернику⁵⁰.

Хотя они пытались больше многих других, даже те социалисты, которые в конце XIX века наиболее рьяно отстаивали интернационализм, не смогли, в конечном счете, сбегать с орбиты государства и нации. Это было наглядно иллюстрировано в 1914 году, когда европейские социалистические партии поднялись на поддержку войны. Их пример убедительно свидетельствует: чтобы космополитизм был осмыслен и определен в русле верховенства и интернационализации прав, все прочие утопии должны были остаться в прошлом. Новейшая история,

48 См.: RÉVÉRIOX M. *Jaurès et les droits de l'homme* // Bulletin de la Société d'Etudes Jaurésiennes. 1986. № 102–103.

49 Как указывает Лешек Колаковский, в немецком переводе этого (изначально французского) стихотворного текста фраза «die "Internationale" erkämpft die Menschenrecht» использовалась для рифмы и против идеологической подоплеки. См.: КОЛАКОВСКИ L. *Marxism and Human Rights* // Daedalus. 1983. Vol. 112. № 4. P. 81. (Строка из финальной версии «Интернационала» дается здесь в переводе В. Граевского и К. Майского. – Примеч. перев.)

50 KOSKENNIEMI M. *The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 67–76.

подобно древней истории с ее разнообразием универсализмов, явила широкий диапазон интернационалистских доктрин; постигнутому их кризису было суждено стать условием для становления международных прав человека. Если нынешние права человека настолько прочно увязываются с космополитизмом, что начинают казаться единственно возможной рамкой для его воплощения, то точно не из-за их древней родословной. Даже в ходе рождения интернационализма в XIX столетии о правах человека не было и речи. И объяснялось это не каким-то интеллектуальным провалом или тайным противодействием – точно не в ту долгую эру прав человека (*rights of man*), когда они оставались порождением государства, не реагирующим даже на новые модели межгосударственных взаимоотношений, по-немногу внедряемые интернационализацией. Нельзя сказать, что люди, жившие в прошлом, были слепы или сбиты с толку, поскольку не разделяли наши нынешние убеждения и не интересовались нашими сегодняшними проектами. На самом деле права человека оказались порождением позднейших и непредвиденных событий, которые перевернули предыдущие установки. И произошли эти события всего поколение назад.

Критикуя то, что он называл «идолом истоков», историк Марк Блок наилучшим образом изложил суть проблемы⁵¹. Конечно, было бы заманчиво предполагать, что струйка растаявшего высокогорного снега становится источником широкого разлива реки ниже по течению; но на самом деле полноводный поток зависит от новых источников, питающих реку. Они могут быть невидимыми, подземными или могут приходить из других мест. История, размышляет Блок, заключается не в том, чтобы отслеживать предшествующие события. Преимущество, что в ней есть, всегда полагается на новизну, а устойчивость старых форм по прошествии времени обуславливают новые обстоятельства. Когда же речь заходит о правах человека, объяснять приходится не устойчивый поток, а неожиданно возникший вал. Отодвигая в сторону заманчивые мифы, приходится констатировать, что права человека – нечто новое в мире, постоянно преобразующем старые потоки, в том числе и прошлую идею прав, до полной неузнаваемости, притом в беспрецедентных обстоятельствах и вследствие неожиданных причин.

Довольно долгое время на протяжении XX века крепкая связь между правами и национальным государством оставалась относительно незыблемой, несмотря на некоторые ранние попытки разорвать ее. В настоящее время государство и его проекты по понятным причинам воспринимаются с подозрением. Однако в долгосрочной перспективе поиск прав за пределами

51 См.: Блосн М. *The Historian's Craft*. New York: Alfred A. Knopf, 1953. Ch. 1. (Блок М. *Апология истории, или Ремесло историка*. М.: Наука, 1973. Гл. 1. – Примеч. перев.)

государства, возможно, очень дорого обошелся, ведь он означает потерю пространства политического членства, которое с давних пор в той или иной форме обеспечивало конкретное государство и даже империя. После Второй мировой войны Арендт первой высказала беспокойство о том, что новая концепция «прав человека» не предполагала ничего похожего и, следовательно, не предоставит ничего похожего на это пространство – что, как и во все другие времена, не будет «ничего священного» в голой абстракции «быть человеком»⁵². Если бы права человека не считались со своим отступлением от прошлой идеи прав, они остались бы бессмысленными или даже контрпродуктивными.

То, что Арендт вообще взялась писать о правах человека, говорит о том, что после Второй мировой войны все же были те, кто надеялся поставить права выше национального государства. Беда заключалась в том, что тогдашнее время не благоприятствовало подобным начинаниям: не в последнюю очередь из-за того, что бóльшая часть мира – и в особенности колониальный мир – все еще нуждалась в тех самых национальных государствах, чье бездумное соперничество совсем недавно привело европейских изобретателей этой политической формы к полнейшему краху. И хотя само словосочетание «права человека» обрело тогда в английском языке новую политическую значимость, в 1940-е его час еще не пробил. Когда спустя десятилетия оно все же вошло в массовое сознание, это произошло не благодаря политическому утопизму, который столь долго подогревал поиски национального государства в Новое время, но через замещение политики моралью. Таким образом, настоящий ключ к истории прав заключается в переходе от политики государства к морали земного шара, которая определяет сегодняшние устремления.

Перевод с английского Андрея Захарова, доцента Российского государственного гуманитарного университета

Этот текст посвящен едва ли не самой горькой проблеме человечества: целенаправленному и массовому уничтожению мирных, невинных, обычных людей другими людьми, в какой-то момент посчитавшими, что они могут это сделать.

Массовая гибель солдат на войне от рук противника или даже массовая гибель мирных жителей, попавших в зону боевых действий, – это «потери». Общественная мораль в ряде случаев готова даже с этим примириться – в отличие от массового убийства мирных граждан как специально организованного действия. Это преступление, у которого нет срока давности. Но как события такого рода помещаются в памяти российского населения: что забыто, а что нет?

Исследователи, работающие в «Левада-центре»¹, не раз задавали респонден-

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

там вопрос «Знаете ли вы о репрессиях 1937–1938 годов?». В 2007-м примерно одна восьмая, а в 2023-м примерно пятая часть взрослых россиян выбрали ответ «практически ничего не знаю». На треть больше стало отвечающих «знаю, но мало». Доля считающих, что они знают «многое и в деталях», была невелика – около 13%, сократившись на четверть. Большая часть – около 45% в 2023-м (снизившись по сравнению с 2007-м на несколько процентных пунктов) – выбрала ответ «знаю в общих чертах».

Тех, кто был свидетелем/участником событий 1930-х и потому их помнит и может рассказать, среди жителей России больше нет. Как нет и тех, кто допрашивал и сажал, кто сидел, кто расстреливал. Нет их современников, на глазах которых или втайне происходило то, о чем сейчас «знают в общих чертах».

Знали ли современники о происшедшем, о том, что теперь называют «Большим террором»? Опросов тогда не было, все знания – из мемуаров, рассказов, книг, и они указывают, что в то время существовало такое же знание–незнание, которое сейчас мы отмечаем среди многих россиян в отношении происходящего на территории Украины. На бытовательском уровне это можно описать как нежеланное знание. На вопрос «Знаете ли вы о...?» человек отвечает «не знаю», имея в виду «не хочу знать» или даже «хочу не знать». Может быть, такова феноменология травмы.

Нынешнее знание о «тридцать седьмом», о котором согласились сообщить по меньшей мере половина опрошенных, в какой-то части тоже является нежеланным. Судя по событиям последнего времени, по тому, чей дискурс становится доминантным, в недалеком будущем, возможно, постановление «О преодоле-

нии культа личности и его последствий», «Архипелаг ГУЛАГ» и подобная им информация на государственном уровне будут признаваться нежелательными – а значит, будут восприниматься таковыми в индивидуальном сознании и в общественном.

Но это впереди. А пока у знания о «тридцать седьмом» есть еще один атрибут – привкус правды. Даже те, кто мало знает об этой части отечественной истории, понимают, что она была тайной, а затем эту тайну открыли. Для массового сознания весьма характерно представление, что истинная правда о важных вещах скорее всего скрыта. Недаром доклад Хрущева на XX съезде сначала имел статус секретного документа, его читали вслух на закрытых партийных собраниях, текст в руки не давали, а коммунистам было запрещено рассказывать о нем беспартийным. Вплоть до наступления эпохи гласности это знание имело характер тайного и запретного².

Поскольку правда обычно от нас скрыта, статус этого знания как тайного был для людей доказательством того, что это правда. Привкусы бывшей тайны и открывшейся правды были характерны для всего, что выплеснула на читателей эпоха гласности. Но она уже позади. Ее сенсации и разоблачения, утратив потенциал новизны, в основном предаются забвению. Сценаристы телесериалов могут извлекать оттуда сюжеты, имена и темы, хранящие след былой сенсационности, и, придав им «современное звучание», продавать властям и зрителю. Но самопроизвольно этот груз из памяти не извлекается. Отвечая утвердительно на вопрос о «тридцать седьмом», респонденты лишь сообщают, что эта информация хранится в их

2 Конечно, доклад Хрущева на XX съезде КПСС для очень многих был сообщением о неслыханном и невообразимом, но для многих он стал разрешением сознаться себе в том, что они это знали.

памяти. В департаменте «забвение», уточняем мы.

Наш следующий вопрос побуждает людей охарактеризовать явление, о котором они помнят. Мы спрашиваем: «Сколько людей в СССР попало под репрессии в 1937–1938 годах?» – и предлагаем шкалу с семью позициями от «сотни людей» до «десятки миллионов». Выбирая ответы, респонденты так или иначе выражают свое мнение о масштабах репрессий: слова-числительные здесь приобретают характер либо тяжелого обвинения (если «миллионы»), либо, наоборот, снятия с тех, кто должен нести ответственность, уж очень тяжелой вины (если «тысячи»).

Сравнивая результаты недавнего опроса и опроса 2012 года, мы видим, что вариант «сотни людей», практически игнорируется; сейчас таких ответов немного побольше, но все равно за пределами точности наших измерений. Мы его передаем не числом, а словами «очень мало». Ответ «тысячи» выбрали шесть человек из ста в 2012-м, ныне к ним прибавилось двое–трое. Это позволяет считать такие мнения маргинальными. На другом краю шкалы в 2012-м были представлены маргиналы иного рода: они оценивали масштабы репрессий в «десятки миллионов». Главное же, что обращает на себя внимание, что ответов с размерностью «тысячи» становится сейчас больше, тогда как с размерностью «миллионы» – меньше. Например, в 2007-м чаще всего выбирали ответ «несколько миллионов», сейчас – «сотни тысяч». Ответы, где фигурируют «миллионы», в 2007-м выбрали общей сложностью более 40% респондентов, в нынешнем – менее 30%.

Память о репрессиях слабеет, усиливается процесс забывания, снизилась острота припоминаемого. Отчасти это, конечно, естественный эффект смены

поколений. Память слабеет, суд потомков становится менее строгим. Но это еще и эффект целенаправленной политики, предлагающей скорбеть не по жертвам 1937 года, ни за что погибшим от руки своих, а только по погибшим от руки врага и завоевавшим великую победу.

Когда людей спрашивали, кто, по их мнению, чаще всего попадал под репрессии в те годы, наиболее частый ответ – «все без разбора, по произволу власти или по доносу завистников» (раньше 45%, теперь около 40%). Так отвечают как те, кто считает 1937–1938-й разгулом «произвола властей», так и те, кто связывает массовые репрессии с дурной моралью людей: много доносчиков, соответственно, много и жертв (а не было бы массы доносов, так не было бы такого количества жертв – то есть общество само виновато). Заметим, что вариант «сажали всех без разбора» представляется довольно безответственным, поскольку отражает представление о репрессиях как о чем-то вроде природной стихии. Раз тогда «без разбора», значит, и теперь уже не разобраться, нечего и пытаться.

Вторым по частоте в 2007-м и 2012 году был ответ, гласящий, что жертвами оказывались «наиболее способные и авторитетные люди» (27% и 25% соответственно). Такой вариант, в отличие от предыдущего, возлагает на тогдашнее руководство страны и «органы» вину за уничтожения цвета нации. В нем можно увидеть стремление менее способных уничтожить более способных из ревности и зависти.

Но поскольку для последних лет характерна тенденция к моральной реабилитация организаторов репрессий, растет авторитет их наследников, то это чувствуют и респонденты. В результате таких ответов стало вдвое меньше,

и с третьего на второе место поднялся вариант, созвучный с пропагандистскими усилиями тех, кто хотел бы исправить урон, нанесенный репутации «органов» в период гласности: репрессиям в основном подверглись те, «кто был явно и скрыто настроен против советской власти». То есть для того времени репрессии были необходимым и неизбежным делом. Те, кто их осуществлял, исполнял свой долг, веление своего времени. Количество жертв обусловлено обилием врагов. (Резон, что достаточно было быть «скрыто настроенным против советской власти», чтобы за это подвергаться репрессиям, идет как само собой разумеющийся).

Совсем немного опрошенных выбрали ответ, что репрессировали «наиболее преданных сторонников советской власти»: он привлек внимание шести–семи человек из ста.

В 2012 году, еще дышавшем воздухом массовых митингов, 48% считали, что «нужно активно обсуждать то, что случилось в те [1937–1938] годы, не забывать свою историю». Но уже тогда 37% выбирали ответ «лучше говорить об этих репрессиях поменьше, не нужно ворошить прошлое». На групповых дискуссиях тогда и позднее приходилось слышать: да, надо обсуждать эти темы, возвращать память о жертвах; да, репрессии в отношении невинных были массовыми преступлениями. Но если это преступления, то, наверное, надо судить тех, кто их совершал? А вот этого не надо. Это посеет раздор в обществе³.

В песнях, например, Александра Галича или Эдуарда Соловьева 1960-х, поднималась тема того, что в современном им обществе, когда массовые репрессии ушли в прошлое, жертвы и палачи жили попеременно. Но идея привлечь вторых

к ответственности ни в песнях, ни в реальности не возникала. Даже намерение выявить имена тех, кто сажал и допрашивал, возникло только в XXI веке и вряд ли будет сейчас реализовано.

Сегодня среди событий из истории России XX века, о которых «надо бы знать и помнить больше, чем прежде», звучат темы, о которых «говорить не хочется». О «массовых репрессиях при Сталине» считает нужным говорить одна пятая взрослых россиян; об «уничтожении евреев во время немецкой оккупации (Холокост)» – одна седьмая; об «этнических чистках и депортациях народов на территории СССР» – одна десятая; о «преследовании инакомыслящих (диссидентов) в Советском Союзе» – одна двадцатая. Когда «репрессии, террор, выселение народов в 1920–1950-е» объединены в один вариант ответа, то он вызывает отклик примерно у четверти респондентов.

* * *

К теме Холокоста, определенной в приведенном выше варианте ответа исторически достаточно узко, можно сделать добавление, опирающееся на иные опросы, где респонденты – не наши современники.

В годы гражданской войны на территории юга России, Украины и Белоруссии действовало множество регулярных и нерегулярных вооруженных формирований, воевавших между собой. Местное крестьянское население, включая вернувшихся с фронтов мировой войны, также было вовлечено в эту войну всех со всеми. И все без исключения вооруженные отряды, банды и регулярные войска производили погромы достаточ-

3 Приходилось слышать, что родственники реабилитируемых могли получить на руки их дела, но фамилии следователей были там вымараны – и родственники это принимали.

но многочисленного в тех местах еврейского населения, о чем рассказывает почти тысячестраничная «Книга погромов»⁴. Эти акции разнились уровнем жестокости, продолжительности и масштабами, но все они радикально превосходили своим размахом и губительными последствиями городские погромы конца XIX – начала XX века. По данным «Книги погромов», в 1918–1922 годах были лишены жизни 150 тысяч евреев.

В этих действиях – разумеется, не координируемых, ибо часто это были враждующие силы, – просматривается общая черта: стремление лишить евреев дела, дома и земли. Были случаи поголовного уничтожения населения местечек. Но, даже когда убивали сравнительно немногих, уничтожались их средства к существованию. Наиболее ясно видна общая цель этих спонтанных и стихийных действий в тех случаях, когда все население местечка убивали или изгоняли, дома сжигали, а место запахивали. Доминантный этнос уничтожал «чуждый» – исторгал его со своей земли. Евреи перестали жить здесь едино и совместно, как живут люди одного народа. Они частью эмигрировали, но в основном бежали в разные города⁵.

Это можно с полным правом назвать словом «геноцид». *Gens*, род, народ был подвергнут убийству, уничтожен в этих

местах. Лидия Милякова, ответственный редактор «Книги погромов», в личной беседе высказывала мнение, что эти процессы были началом или прологом Холокоста. Я присоединяюсь к этой точке зрения, поскольку считаю, что данное понятие должно охватывать все случаи уничтожения евреев как этнической группы. В 1918–1922 годах это происходило стихийно⁶ в форме вытеснения евреев с мест проживания, экспроприации их имущества, физического уничтожения. В годы Второй мировой войны основная часть того, что называют Холокостом, осуществлялась государством и шла планомерным образом, будучи реализацией рационально составленного плана по «окончательному решению еврейского вопроса».

Погромы гражданской войны на западных территориях бывшей Российской империи подробно описаны. В силу сложившихся тогда политических обстоятельств власти Советской России были заинтересованы в сборе соответствующих свидетельств. Несколько еврейских общественных организаций, а также организации Красного Креста проводили на местах тщательные опросы свидетелей (причем часть из них проводилась по стандартизированным опросникам)⁷. Ответы респондентов записывались, наблюдения протоколировались. Архивы

4 Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Сборник документов / Отв. ред. Л. Милякова. М.: РОССПЭН, 2007 (<http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/31-kniga-pogromov-pogromy-na-ukraine-v-belorussii-i-evropeyskoy-chasti-rossii-v-period-grazhdanskoj-voyny-1918-1922-gg-sbornik-dokumentov>). Переиздана в 2018 году.

5 Это подстегнуло процессы ассимиляции, расставания с национальными чертами традиционного еврейства. Среда, претерпевавшая модернизацию в таких особых формах, оказалась весьма благоприятной для порождения деятелей, которые на переходе из традиционного еврейства в российско-европейскую городскую жизнь, культуру, науку сумели внести в нее значительный вклад. Они были помещены туда сначала естественным ходом ассимиляции, а затем описанным насилием над народом, в результате чего он стал одной из «национальностей», отмечаемых в пятой графе советских анкет.

6 В иных воинских частях и армиях погромами руководили командиры и атаманы. Но они сами были агентами стихийного, захватившего всех участников процесса. Механизм стихийного коллективного действия в истории весьма часто проявлял себя (и сейчас проявляет) при столкновениях племен, народов, вообще разных этнических групп.

7 Много позже это назовут методом изучения устной истории, биографическим методом социологического исследования и так далее.

этих опросов и обследований сохранились до нашего времени, в том числе в Государственном архиве Российской Федерации, где и были обнаружены Лидией Милаковой.

Примерно в то же время, когда создавалась и издавалась «Книга погромов», «Левада-центр» изучал российское общественное мнение по темам, которые соприкасаются с этой проблематикой. Из ответов респондентов видно, что тема Холокоста осталась значимой для общественного сознания определенной части россиян – евреев и неевреев. Однако из темы исторической она превратилась в актуальную, касающуюся отношения россиян к ныне живущим евреям. Так, уже в 2020 году более половины респондентов полагают, что утверждения «Холокост – это миф» или «масштабы Холокоста преувеличены» не являются проявлениями антисемитизма. За этим можно видеть нежелание давать евреям возможность утверждать, что они – наиболее пострадавшая в те годы национальная общность. Известно, что на роль народа, принесшего наибольшие жертвы в годы Второй мировой войны, советская – а за ней российская – пропаганда выдвигала советский, затем российский народ. Но в целом «традиционные» претензии к евреям за последние два десятилетия весьма ослабли. Впрочем, и евреев стало очень мало, а «еврейский вопрос» в российском массовом сознании отнесен на периферию. (Его можно возбудить, но для этого нужны специальные усилия.)

* * *

Возвращаясь к другим вопросам о состоянии массового сознания россиян, отметим, что накануне исторического поворота в судьбе России, который состоялся в начале 2022 года, наши опросы зарегистрировали один из максимумов в распространении страхов по поводу репрессивного поведения государства в отношении граждан. Боявшихся публичных унижений, произвола властей, незаконных, массовых репрессий в 2021-м было не меньше, а то и больше, чем небожавшихся. Кроме того, боязнь мировой войны достигла максимума и охватывала тогда две трети взрослых россиян.

В декабре 2022 года, когда мы проводили очередной опрос, россияне уже сжились с новой реальностью. Боязнь мировой войны ослабла, хотя и осталась одним из самых сильных страхов (сильнее страха смерти). Но массовая реакция на новое для страны состояние оказалась чем-то вроде вздоха облегчения: доля боящихся различных неприятных действий со стороны государства упала. Опасаться массовых репрессий и тому подобного в это время стало уделом меньшинства. Остальных охватило некое «сжатие сознания». И хотя в новых обстоятельствах часты сообщения о репрессиях и произволе, а также об успехах и поражениях то одной то другой стороны, основные параметры массовых настроений замерли и не движутся. В этом состоянии массового сознания не видится будущее, перестало ощущаться настоящее и теряет важность прошлое.

Бабий Яр и возмездие: судебные процессы над палачами

ПАВЕЛ
ПОЛЯН

Здесь лежат мои евреи...

Пауль Блобель

Никто не может понять ни глубину, ни объемы этой
псевдочеловеческой ямы.

Яков Бердичевский

1943. На скамью подсудимых: УКАЗ ОТ 19 АПРЕЛЯ 1943 ГОДА

19 ноября 1942 года немецкий военный юрист Эрих Швинге (1903–1994) писал из Полтавы в Вену другому военному юристу, своему давнему коллеге и приятелю Эрику Вольфу (1902–1977):

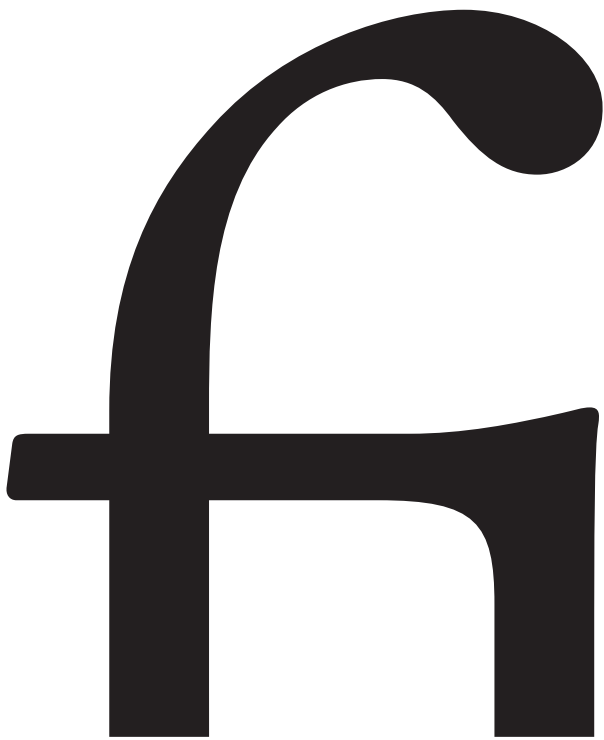
«В Ровно до начала войны было 50 тысяч жителей, из них половина евреи. Из евреев не осталось ни одного, их всех “переселили” (как это принято там говорить), в том числе 17 000 за три дня в ноябре 1941 года и 4000 14 июля этого года. Коллеги могли бы добавить много впечатляющих деталей. Эту войну нам нельзя проигрывать, а то будет худо! Восточнее [Полтавы]

Павел Маркович Полян (р. 1952) – географ, историк и (под псевдонимом Нерлер) литератор; профессор, директор Мандельштамовского центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института географии РАН.

ГЕНОЦИД: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

045

я вообще не видел ни одного еврея, они исчезли все до одного, а ведь в Киеве их должно было быть 100 000!»¹

Как мы видим, уже в конце 1942 года, когда, казалось, ход военных действий был благоприятен для Германии и ее союзников, среди нацистов возникли сильные опасения за исход войны: в случае поражения их преступления против мирного населения станут известны – и за них придется отвечать. Помимо государственной гитлеровской политики сокрытия массовых убийств на расовой и этнической почве (не говоря уже о политических преследованиях) – к примеру, «Операции 1005», о которой пойдет речь ниже, – сами преступники, уже позже, после капитуляции Германии, стали продумывать юридические способы ухода от ответственности.

Во-первых, нередко они пытались утверждать, что не находились на месте преступления – а если и находились, то всегда внутренне протестовали против бесчеловечности своей миссии и с риском для жизни старались избежать участия. Во-вторых, они *прямым образом* якобы ни в чем не участвовали: исполняли обязанности шоферов, секретарей – или, к примеру, сами не расстреливали, а только заряжали оружие для палачей. Наконец, в-третьих, деяния, в которых они, с их слов, участвовали только косвенно, нисколько не противоречили международному праву².

Штандартенфюрер СС и командир зондеркоманды 4а Пауль Блобель (1894–1951) назвал убитых в Бабьем Яре 29–30 сентября 1941 года евреев «моими», так как лично руководил этой «гросс-акцией». Лично он не избег ни правосудия, ни виселицы, но вынесший тогда приговор суд ничего не знал о другой его «гросс-акции» – так называемой «Операции 1005», руководить которой в марте 1942 года его поставил Рейнхард Гейдрих.

Происхождение названия «Операции 1005» банально: это номер письма (от 28 февраля 1942 года) начальника гестапо Генриха Мюллера дипломату Мартину Лютеру, советнику Йоахима фон Риббентропа по еврейскому вопросу. Содержание

1 HOPPE B. (Brb.). *Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland. Bd. 8: Sowjetunion mit annektierten Gebieten II*. München, 2011. S. 541; со ссылкой на: Universitätsarchiv Freiburg. NL 66/1120.

2 Многим повезло: их причастность к массовому истреблению мирного населения в Бабьем Яре никак не всплыла. Характерен пример Германа Дидике, капитана (впоследствии майора) 454-й дивизии. Он командовал первым кúренем Украинской вспомогательной полиции из Житомира, приданным карательным частям накануне расстрела. Родился Дидике в 1894 году в Эрфурте, после Первой мировой учился в университете, знал греческий и латынь. С 1931-го – член НСДАП, до войны – служащий банка (следователь написал «директор банка»). Был захвачен в плен красноармейцами около города Рунов в Чехии 9 мая 1945 года, освобожден в 1948-м. Факт службы в 454-й дивизии, воевавшей на юге России, в его личном деле отмечен, но то, что сама эта дивизия была не пехотной, как записано с его слов, а охранной, а стало быть, и факт личной причастности к преступлению в Бабьем Яре – нет.

операции было таково: эксгумация и кремация останков убитых евреев на всех местах их расстрелов, чтобы замести следы преступлений.

Ниже пойдет речь о процессах над нацистскими преступниками, которые начались еще во время войны – сначала на территории СССР, а потом и в Германии. Из числа первых более известен Киевский процесс 1946 года, но он был лишь одним из двадцати состоявшихся в СССР. Соответствующие дела, в том числе и советских граждан-коллорабационистов, рассматривали военные коллегии Верховного суда союзных республик. Решения коллегий направлялись в Комиссию по судебным делам Политбюро ЦК ВКП(б) – там, как правило, соглашались с вынесенным приговором, но иногда вносили свои коррективы.

ПАВЕЛ ПОЛЯН

БАБИЙ ЯР И ВОЗМЕЗДИЕ:
СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ
НАД ПАЛАЧАМИ

**Уже в конце 1942 года среди нацистов
возникли сильные опасения за исход войны:
в случае поражения их преступления против
мирного населения станут известны – и за них
придется отвечать.**

Общим основанием для осуждения на всех процессах служил указ Президиума Верховного Совета СССР № 160/23 от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» (с грифом «Не для печати»), действие которого было прекращено только в 1983 году³. Часть 1 этого Указа гласила:

«Установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники Родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение».

Всего, по неполным подсчетам Александра Епифанова⁴, за 1943–1951 годы по Указу были осуждены не менее 81 780 человек, в том числе не менее 24 069 иностранцев (военнопленных из Германии и других стран). При этом советских граждан по

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 164. Л. 118–120.

⁴ Епифанов А.Е. *К вопросу об обосновании ответственности гитлеровских военных преступников на территории СССР // Концептуальные подходы к совершенствованию российской правовой системы: материалы Международной научно-практической конференции*. Волгоград: Издательство Волгоградского института управления, 2017.

этому Указу в последний раз осудили в 1951 году – тогда их было девять⁵.

Указ не содержал юридических дефиниций и тем более процедур для определения, кого относить к «изменникам Родины», а кого – к «пособникам врага». Подвести под Указ при желании можно было практически любого, кто оказался под оккупацией и хоть как-то работал на захватчиков – от уборщицы и наборщика до старосты и бургомистра. Вместе с тем такого рода дефиниции разрабатывались и *de jure* даже существовали:

«Положение “О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников” [утверждено прокурором СССР 26 июня 1943 года] вводило примерный перечень признаков преступных действий нацистов с объективной стороны, которые военные следователи и дознаватели должны были раскрывать. Это были факты убийств мирных граждан, насилий, издевательств и пыток, учиненных захватчиками над беззащитными людьми (женщинами, детьми, стариками); увода советских людей в рабство; пыток и истязаний в отношении пленных, больных и раненых советских военнослужащих»⁶.

Смягчить действие Указа было, вероятно, призвано постановление № 22/М/16/У/сс пленума Верховного Суда СССР «О квалификации действий советских граждан по оказанию помощи врагу в районах, временно оккупированных немецкими захватчиками» от 25 ноября 1943 года за подписью председателя Верховного Суда Ивана Голякова.

Но в целом Указ от 19 апреля 1943 года стал юридической основой для первых показательных процессов над немецкими военными преступниками на территории СССР. Одним из первых в этом ряду оказался Краснодарский процесс, состоявшийся уже в июле 1943-го. Но еще раньше Указ был апробирован на советских гражданах. Так, бывший московский адвокат и (во время войны) секретарь военного трибунала Яков Айзенштат вспоминал, что одним из первых, если не первым осужденным по этому Указу был бывший начальник полиции Армавира Сосновский. Во время его казни произошло следующее:

«Сосновский находился в кузове грузовой автомашины. Председатель Военного трибунала огласил приговор. На шею Сосновского

5 Одним из этих девятих был Борис Меньшагин, экс-бургомистр Смоленска. См. о нем: *Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы* / Сост. и подг. текста П. Поляна; сопроводительные тексты П. М. Поляна, С. Амелина, М. Дэвида-Фокса; ком. П. Поляна с участием Г. Суперфина, С. Амелина, В. Лашковой, Н. Поболя. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. В 1952 году по этому Указу были осуждены еще несколько человек – исключительно немцы. В их числе был фельдмаршал Пауль-Людвиг-Эвальд фон Клейст, умерший во Владимирской тюрьме 13 ноября 1954 года.

6 Епифанов А.Е. *Указ. соч.* С. 42.

надели петлю, автомашина отъехала и казнь свершилась. Но в этот момент произошло неожиданное. По Указу от 19 апреля 1943 года повешенный должен был висеть на площади три дня для публичного обозрения. Однако, как только автомашина отъехала, к повешенному подскочили инвалиды войны и стали палками и костылями его бить. В результате обнажилось тело. Этот инцидент был учтен, и при последующих повешениях в Краснодаре и Харькове место казни тщательно охранялось воинскими подразделениями, чтобы не было подобных неожиданностей»⁷.

Варварская публичная казнь, как видим, спровоцировала и варварскую реакцию.

Большинство осужденных в 1943–1946 годах были приговорены к смертной казни именно через повешение⁸, а большинство осужденных в 1947-м – к 25 годам каторжных работ. Причина в том, что 26 мая 1947 года смертная казнь в СССР была временно запрещена. Однако 12 января 1950 года по отношению к изменникам родины, шпионам и подрывникам-диверсантам смертную казнь восстановили, но и наказание в виде 25 лет каторжных работ при этом не отменили.

1946. КИЕВСКИЙ ПРОЦЕСС

Первые три процесса состоялись в 1943 году, еще во время войны: они прошли в Краснодаре (14–17 июля)⁹, Краснодоне (15–18 августа)¹⁰ и Харькове (15–18 декабря)¹¹.

Все остальные проходили после окончания войны, из них три – в 1945 году: в Смоленске (15–19 декабря)¹², Брянске (26–

ПАВЕЛ ПОЛЯН

БАБИЙ ЯР И ВОЗМЕЗДИЕ:
СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ
НАД ПАЛАЧАМИ

7 Айзенштат Я. *Записки секретаря Военного трибунала*. Лондон: ОРІ, 1991. С. 87–90.

8 Смыкалин А.С. *Смертная казнь в форме повешения в СССР (историко-юридический анализ) // Институты государства и права в их историческом развитии. Сборник научных статей к 60-летию Владимира Алексеевича Томсинова*. М.: Е-Зерцало, 2012. С. 238–252.

9 Подсудимые: 11 советских граждан, служивших во вспомогательных частях зондеркоманды СС 10а, в основном на обслуживании газвагенов (автомобилей-душегубок). Приговор: 8 – к смертной казни через повешение; 3 – к 20 годам каторжных работ. Казнь: 18 июля 1943 года в 13 часов на центральной площади Краснодара в присутствии около 50 тысяч человек. О процессе и казни Центральная студия кинохроники в июле 1943 года выпустила кинохронику «Приговор народа»: www.youtube.com/watch?v=xjdglnvcvnc&ab_channel=dtared.

10 Подсудимые: 3 коллаборанта, «предатели и палачи “Молодой гвардии”». Приговор: расстрел. Казнь: 19 августа 1943 года в присутствии более 5 тысяч человек.

11 Подсудимые: 3 немецких военнослужащих и 1 советский коллаборант – водитель автомобиля-душегубки. Приговор: смертная казнь через повешение. Казнь: 19 декабря 1943 года на площади Благовещенского базара в присутствии свыше 40 тысяч человек. Сохранилась кинохроника казни; ее фрагмент см. в фильме Александра Роднянского «Прощай, СССР» (1994): www.youtube.com/watch?v=2jtdhdfvh7e&ab_channel=RadianskeKino7.

12 Подсудимые: 10 немецких военнослужащих от унтер-офицера до ефрейтора. Приговор: 7 – к смертной казни через повешение; 3 – к каторжным работам от 12 до 20 лет. Казнь: 20 декабря 1945 года на Заднепровской площади в присутствии свыше 50 тысяч человек. О процессе и казни Центральная студия кинохроники выпустила кинохронику «Судебный процесс в Смоленске» (режиссер Эсфирь Шуб, 1946): www.youtube.com/watch?v=vjF9kvt-uqu&ab_channel=dtared.

30 декабря)¹³ и Ленинграде (28 декабря 1945 года – 4 января 1946 года)¹⁴.

Процесс в Киеве совпал по времени с четырьмя другими процессами, так же проходившими в январе 1946 года: в Николаеве (10–17 января)¹⁵, Минске (15–29 января)¹⁶, Великих Луках (24–31 января)¹⁷, Риге (26 января – 2 февраля)¹⁸.

Еще десять процессов состоялись в 1947 году: в Сталино (Донецке; 24–30 октября)¹⁹, Бобруйске (28 октября – 4 ноября)²⁰, Севастополе (12–23 ноября)²¹, Чернигове (17–25 ноября)²², Полтаве (23–29 ноября)²³, Витебске (29 ноября – 3 декабря)²⁴, Кишиневе (6–13 декабря)²⁵, Новгороде (7–18 декабря)²⁶, Гомеле (13–20 декабря)²⁷ и Хабаровске (25–30 декабря)²⁸.

- 13** Подсудимые: 4 немецких военнослужащих – 2 генерала, обер-ефрейтор и ефрейтор. Приговор: 3 – к смертной казни через повешение; 1 – к 20 годам каторжных работ. Казнь: 30 декабря 1945 года в 15 часов на городском пустыре в присутствии тысяч жителей Брянска.
- 14** Подсудимые: 11 немецких военнослужащих от генерала до рядового. Приговор: 8 человек – к смертной казни через повешение; 3 – к каторжным работам на сроки от 15 до 20 лет. Казнь: 5 января 1946 года в 11 часов утра на площади Калинина перед кинотеатром «Гигант» в присутствии тысяч ленинградцев.
- 15** Подсудимые: 9 немецких военнослужащих от генерала до рядового. Приговор: 7 – к смертной казни через повешение; 2 – к 20 годам каторжных работ. Казнь: 17 января 1946 года в 17 часов на Базарной площади в присутствии около 70 тысяч жителей Николаева.
- 16** Подсудимые: 18 немецких военнослужащих от генерала до рядового. Приговор: 14 – к смертной казни через повешение; 4 – к каторжным работам от 15 до 20 лет. Казнь: 30 января 1946 года на Минском ипподроме в присутствии 100 тысяч горожан.
- 17** Подсудимые: 11 немецких военнослужащих от генерал-лейтенанта до обер-ефрейтора. Приговор: 8 – к смертной казни через повешение; 3 – к каторжным работам от 15 до 20 лет. Казнь: 1 февраля 1946 года в 12 часов на Базарной площади Великих Лук в присутствии горожан и жителей окрестных районов.
- 18** Подсудимые: 7 высокопоставленных немецких военнослужащих от обергруппенфюрера СС до штандартенфюрера СС. Приговор: все – к смертной казни через повешение. Казнь: 3 февраля 1946 года на площади Победы в присутствии десятков тысяч человек.
- 19** Подсудимые: 12 немецких военнослужащих от генерала пехоты до рядовых исполнителей. Приговор: все – к каторжным работам (10 человек – сроком 25 лет, 1 – 20 лет и 1 – 15 лет).
- 20** Подсудимые: 21 немецкий военнослужащий от генерал-лейтенанта до унтер-офицера. Приговор: все – к 25 годам каторжных работ.
- 21** Подсудимые: 12 немецких военнослужащих от генерал-полковника до обер-ефрейтора. Приговор: все – к каторжным работам (8 человек – сроком 25 лет, 4 – 20 лет).
- 22** Подсудимые: 16 военнослужащих от генерал-лейтенанта до майора – 13 венгров и 3 немца. Приговор: все – к исправительно-трудовым работам в Воркутлаге сроком 25 лет.
- 23** Подсудимые: 22 немецких эсэсовца из дивизии «Мертвая голова». Приговор: все – к каторжным работам (21 человек – сроком 25 лет, 1 – 20 лет).
- 24** Место проведения: драматический театр имени Якуба Коласа, на территории бывшего гетто. Подсудимые: 10 немецких военнослужащих из 53-го армейского корпуса во главе с его командиром – генералом пехоты Фридрихом Гольвитцером. Приговор: все – к каторжным работам сроком на 25 лет.
- 25** Подсудимые: 10 немецких и румынских военнослужащих от генерал-майора вермахта до лейтенанта румынской жандармерии, из них семь этнических венгров и трое венгров – этнических немцев. Приговор: все – к исправительно-трудовым работам в Воркутлаге (8 человек – сроком 25 лет, 2 – 20 лет).
- 26** Подсудимые: 19 немецких военнослужащих от генерала артиллерии до фельдфебеля. Приговор: все – к исправительно-трудовым работам в Воркутлаге сроком 25 лет.
- 27** Подсудимые: 16 немецких военнослужащих, в том числе 11 человек из 110-й пехотной дивизии во главе с генерал-лейтенантом Эберхардом фон Куровски. Приговор: все – к исправительно-трудовым работам в Воркутлаге сроком 25 лет.
- 28** Подсудимые: 12 японских военнослужащих – от главнокомандующего Квантунской армией, генерала армии Отодзо Ямада, до унтер-офицера и санитаря «Отряда № 731», разработавшего бактериологическое оружие. Приговор: все – к исправительно-трудовым работам (4 человека – сроком 25 лет, 2 – 20 лет, остальные – к срокам от 2 до 15 лет).

К этим публичным процессам примыкало множество непубличных, проходивших в закрытом режиме в самых разных местах. Например, состоявшийся 31 июля 1947 года в расположении спецлагеря № 7 на оккупированной территории Германии. Все 15 обвиняемых – немцы, служившие в 9-м полицейском батальоне, – были осуждены за преступления на оккупированной территории СССР, в том числе в Киеве, получив по 25 лет исправительно-трудовых лагерей. Среди них и один из расстрельщиков Бабьего Яра – Фридрих Эбелинг²⁹.

Киевский процесс проходил с 17-го по 28 января 1946 года в зале Киевского окружного дома офицеров. На скамье подсудимых были 15 немецких военнослужащих: 3 генерала, 9 офицеров и 3 младших чинов.

Генералы – это группенфюрер СС Пауль Шеер (начальник охранной полиции и жандармерии Киевской и Полтавской областей), группенфюрер СС Карл Буркхард (комендант тыла 6-й армии во время ее действий на территории Сталинской и Днепропетровской областей) и бригадефюрер СС, оберштурмбаннфюрер СС Экхард фон Чаммер унд Остен (командир 213-й охранной дивизии, действовавшей в Полтавской области, а впоследствии – комендант полевой комендатуры № 392).

Девять офицеров – это оберштурмбаннфюрер СС (подполковник) Георг Хайниш (гебитскомиссар Мелитопольского округа), хауптштурмфюрер СС (капитан) Оскар Валлизер (ортскомендант Бородянской межрайонной комендатуры Киевской области), подполковник Георг Труккенброд (военный комендант Первомайска, Коростеня и ряда других городов), обершарфюрер СС (фельдфебель) Вильгельм Геллерфорт (начальник СД Днепродзержинского района Днепропетровской области), лейтенант Эмиль Кноль (командир полевой жандармерии 44-й пехотной дивизии и комендант лагеря военнопленных в селе Андреевка Балаклеевского района), зондерфюрер Фриц Беккенгоф (сельскохозяйственный комендант Бородянского района Киевской области), обер-ефрейтор Ганс Изенман (военнослужащий дивизии СС «Викинг»), обер-лейтенант Эмиль Йогшат (командир подразделения полевой жандармерии) и Вилли Майер (командир отделения 323-го отдельного охранного батальона).

Трое унтер-офицеров – это Йоганн Лауэр (бывший военнослужащий 73-го отдельного саперного батальона 1-й немецкой танковой армии), Август Шадель (бывший начальник канцелярии Бородянской межрайонной ортскомендатуры Киевской области) и Борис Драхенфельс-Кальювери (бывший заместитель командира отделения полицейского батальона «Остланд»).

ПАВЕЛ ПОЛЯН

БАБИЙ ЯР И ВОЗМЕЗДИЕ:
СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ
НАД ПАЛАЧАМИ

29 Российский государственный военный архив. Ф. 460п. Д. 1878366. Л. 11–13.

Прокурор требовал смертной казни для всех. Приговор, вынесенный 28 января, был таков: генералам и офицерам – повешенье, нижним чинам – 15–20 лет каторги. Казнь была приведена в исполнение уже 29 января на площади имени Калинина (современный майдан Независимости) – главной площади города – в присутствии 200 тысяч местных жителей.

Веревка на шее подполковника Труккенброда оборвалась. Вопреки неписаным правилам жизнь ему не даровали. Нашли новую веревку и еще раз повесили³⁰. А один из молодых казненных офицеров, по свидетельству Якова Бердичевского, тогда мальчишки, оттолкнул солдата с петлей, сам накинул ее себе на шею и шагнул с грузовика.

Киевский процесс имел отношение к преступлениям национал-социализма, совершенным не обязательно в Киеве, а по всей Украине. Из преступников самый старший по званию и одновременно самый близкий к Бабьему Яру фигурант – Пауль Шеер. Еще выше по званию (обергруппенфюрер СС) и еще ближе к Бабьему Яру был Фридрих Август Еккельн: в июне–октябре 1941 года – высший командир СС и полиции в группе армий «Юг». Именно он координировал расстрелы 29-го и 30 сентября. Он был фигурантом другого процесса – Рижского; в Риге его и повесили 3 февраля 1946 года³¹.

В обвинительном заключении Киевского процесса упоминается данная Чрезвычайной государственной комиссией (ЧГК) оценка количества жертв убийств в Бабьем Яре – 70 000 расстрелянных советских граждан еврейской национальности. Среди свидетелей одна – Дина Проничева³² – была из числа самих жертв, она спаслась непосредственно из «оврага смерти». И, судя по всему, именно Еккельн, справившись о группе освобожденных от расстрела украинок, распорядился всех их, включая Проничеву – казалось бы, уже спасенную, – немедленно расстрелять. Другие свидетели: член «рабочей команды 1005» Семен Берлянт, профессор Владимир Артоболевский (очевидец того, как обреченные евреи шли в Бабий Яр) и Моисей Танцюра, бывший главврач Психиатрической больницы имени Павлова и очевидец убийства всех ее пациентов – в первую очередь евреев.

30 Цалик С. 1946: как во время «Киевского Нюрнберга» казнили нацистов // BBC News Украина. 2016. 29 января (www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2016/01/160129_ru_s_tsalyk_blog_historian).

31 Подробнее см.: DAVIES F. *Babyn Jar vor Gericht. Juristische Aufarbeitung in der UdSSR und Deutschland* // Osteuropa. 2021. № 1–2 (<https://zeitschrift-osteuropa.de/hefte/2021/1-2/>).

32 Известны и другие ее свидетельства: например, допрос от 9 февраля 1967 года: Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 7. Оп. 8. Д. 1. Т. 1. Л. 80–84. См. их обзор: BERKHOFF K. *Dina Pronicheva's Story of Surviving the Babi Jar Massacre: German, Jewish, Soviet, Russian and Ukrainian Records* // BRANDON R., LOWER W. (Eds.). *The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2008. P. 291–317.

1945–1946. МЕЖДУНАРОДНЫЙ НЮРНБЕРГСКИЙ ТРИБУНАЛ

ПАВЕЛ ПОЛЯН

БАБИЙ ЯР И ВОЗМЕЗДИЕ:
СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ
НАД ПАЛАЧАМИ

Помимо внутрисоветского контекста, у Киевского процесса, как и у самого расстрела в Бабьем Яре, был и другой правовой фон – международный. Начиная с 30 ноября 1945 года, то есть за полтора месяца до начала суда в Киеве, в Нюрнберге начал заседать Международный военный трибунал (МВТ) над главными военными преступниками, продлившийся до 1 октября 1946 года.

Это был юридически новаторский – буквально революционный – процесс. Решение о проведении МВТ было принято на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (1943), поручившей Европейской консультативной комиссии разработать его устав. В результате появился так называемый Лондонский устав³³ – приложение к Соглашению об уголовном преследовании и наказании главных военных преступников держав Оси, принятый на Лондонской конференции 8 августа 1945 года – уже с участием Франции. Он установил правила и процедуры проведения МВТ, которые были применены на практике менее чем через четыре месяца.

Краеугольным камнем судопроизводства на МВТ стал пакт Бриана-Келлога³⁴, или Парижский пакт, – договор об отказе от войны в качестве инструмента внешней политики стран. Он был подписан в Париже 27 августа 1928 года представителями 15 государств, к которым позже присоединились еще 48 стран, в том числе и СССР (6 сентября 1928 года)³⁵. Договор вступил в силу 24 июля 1929 года, и за его подготовку Келлогу была присуждена Нобелевская премия мира (1930)³⁶.

До его принятия война считалась приемлемым средством внешней политики. Пакт же объявлял неспровоцированное нападение на другую страну преступлением³⁷. Этот же принцип лег в дальнейшем в основу Устава ООН, признающего право стран на самооборону, в том числе и на коллективную. В соответствии с Уставом ООН государства имеют право помогать жертвам агрессии или налагать санкции на агрессора, не

33 Иногда его называют Нюрнбергским. Над его текстом трудились Роберт Джексон, Робер Фалько и Иона Никитченко.

34 По именам инициаторов: министра иностранных дел Франции Аристида Бриана и госсекретаря США Фрэнка Келлога. Сама идея международного пакта об отказе от войны в качестве орудия национальной политики была подсказана Бриану американским антивоенным активистом Джеймсом Шотвеллом.

35 Договор не подписали Швейцария, Аргентина, Бразилия, Мексика, Колумбия и Саудовская Аравия.

36 Бриан получил аналогичную премию еще в 1926 году за подписанные в Локарно договоры, модифицирующие так называемую «Версальскую систему» и смягчающие наложенный на Германию после Первой мировой войны режим репараций.

37 Спустя 10 лет Германия в Польше и СССР в Финляндии наглядно продемонстрировали, как можно легко обходить этот принцип – прежде всего с помощью провокаций.

нарушая при этом собственного нейтрального статуса. Считалось, что заключение пакта стало первым шагом к созданию системы коллективной безопасности в Европе.

Пакт Бриана-Келлога стал одним из правовых оснований для МВТ, на котором руководителям нацистской Германии было предъявлено обвинение в его нарушении. Подчеркнем: не Германии как государству, а ее руководителям. При обвинении в военных преступлениях занятие государственной должности уже не давало иммунитета. Персонализация ответственности за государственные преступления – еще одна из важнейших новаций МВТ.

Революционным был и принцип универсальной юрисдикции. Если бы не Нюрнберг, национальные суды не могли бы осуществлять преследование за преступления, нарушающие нормы международного права. Подсудными МВТ были признаны преступления против мира, военные преступления и – сформулировано впервые – преступления против человечности. К числу последних относился и Холокост, но Холокост в целом. Преступления в Бабьем Яре хотя и упоминались в Нюрнберге, в том числе в обвинительном заключении (как место расстрела под Киевом свыше 100 тысяч мужчин, женщин, детей и стариков), оказались явно не в центре внимания МВТ. Тем не менее перечень представленных суду документов о Холокосте солиден: это и документы айнзатцгрупп (в частности, «группы D», которой командовал Отто Олендорф, сам допрошенный на МВТ), и так называемый «Рапорт Штропа», к которому были приложены фотографии, сделанные по приказу обергруппенфюрера СС и начальника полиции Юргена Штропа, дабы задокументировать подавление восстания в Варшавском гетто весной 1943 года. Довольно много было сказано и об Аушвице-Биркенау: в частности, весьма откровенные показания Рудольфа Хесса, коменданта лагеря, а также его узников, например, Мари-Клод Вайян-Кутюрье.

В середине февраля 1946 года, то есть уже после завершения Киевского процесса, в Нюрнберге дошел черед и до Киева с Бабьим Яром. 14-го, 15-го, 18-го и 19 февраля там проходили заседания, посвященные преступлениям против мирного населения, через которые «просвечивал» и Холокост. Докладчиком был помощник главного обвинителя от СССР Лев Смирнов³⁸. Предварительный список свидетелей, намечавшихся к вызову на Нюрнбергский процесс от СССР, обсуждался и утверждался в следственной части Народного комиссариата государственной безопасности СССР в конце ноября 1945 года³⁹. От Киевской

38 ГАРФ. Ф. Р-7445. Оп. 1. Д. 26.

39 ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1а. Д. 468. Л. 93–101 (<https://nuremberg.media/svideteli/20201127/38146/SSSR-otbiraet-svideteley.html>).

области намечались три кандидата: Давид Будник, Владимир Давыдов и поэт Павло Тычина, в то время министр образования СССР, – приезжал же один Будник. Делегация прибыла в Нюрнберг 21 февраля⁴⁰, тогда как Бабий Яр обсуждался 19 февраля, так что на процессе Будник лично не выступал, но его показания были зачитаны и учтены, а сам он выступал по американскому радио. О Бабьем Яре, причем именно об «Операции 1005», Смирнов представил 19 февраля 1946 года affidavit (письменное свидетельство) Герхарда Адамца из «команды 1005б».

ПАВЕЛ ПОЛЯН

БАБИЙ ЯР И ВОЗМЕЗДИЕ:
СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ
НАД ПАЛАЧАМИ

При обвинении в военных преступлениях занятие государственной должности уже не давало иммунитета. Персонализация ответственности за государственные преступления – еще одна из важнейших новаций МВТ.

Существенным новшеством первых же послевоенных процессов над нацистами стали их кинофиксация и кинодокументация: киноэкран впервые стал антуражем судебных залов. Так, фрагменты документальных съемок в Бабьем Яре и Сырце 1943 года были предъявлены в Киеве 24 января (несколько минут) и в Нюрнберге 19 февраля 1946 года (около 30 секунд). Киевский процесс весь был заснят на киноплёнку, фрагменты были показаны в виде выпуска киножурнала. Нюрнбергский процесс снимался целиком одновременно несколькими национальными командами кинохроникеров.

1947. НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС ПРОТИВ ОЛЕНДОРФА И ДРУГИХ

Вслед за МВТ в Германии прошла серия из двенадцати судебных процессов, на которых к ответственности были привлечены непосредственные участники преступлений – военные, эсэсовцы, медики, проводившие эксперименты над заключенными, юристы.

Это прежде всего процесс «Соединенные Штаты Америки против Отто Олендорфа и других» (дело № 9), инициированный американской оккупационной администрацией. Он проходил во Дворце правосудия в Нюрнберге с 29 сентября 1947 года по 10 апреля 1948-го. Созванный для этого военный трибунал заседал 78 раз, сам процесс продолжался около девяти меся-

⁴⁰ Об этом пишет в дневнике Авром Суцкевер, входивший в эту же делегацию: SUTZKEVER A. *From the Vilna Ghetto to Nuremberg: Memoir and Testimony*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2021. P. 239–244.

цев⁴¹. Все подсудимые занимали руководящие посты в айнзатц-группах СС⁴², практически весь служебный функционал которых состоял из «узаконенных преступлений» – уничтожения евреев, цыган, коммунистов и так далее. Четыре таких группы – А, В, С и D – были сформированы по приказу Гитлера и Гимmlера в мае 1941 года, перед нападением на СССР. Они подчинялись Рейнхарду Гейдриху – начальнику Главного управления имперской безопасности. Личный состав групп формировался из сотрудников СС, СД, гестапо и иных подразделений.

На скамье подсудимых были 22 обвиняемых, из которых 14 осуждены на смертную казнь. Все они подали прошения о помиловании и замене наказания. Среди тех четверых, кого не помиловал Верховный комиссар Джон Макклой, был Пауль Блобель – командир айнзатцкоманды 4а и командир «Операции 1005» по эксгумации и кремации трупов расстрелянных жертв. Кроме Блобеля, фигурантами процесса были и другие палачи Бабьего Яра: в частности, его заместитель, штурмбаннфюрер (майор) СС Вальдемар фон Радецкий, и его непосредственный начальник – командир айнзатцгруппы С, бригадефюрер (генерал-майор) СС Отто Раш.

Адвокат Блобеля – Гюнтер Хайм – пытался защитить своего клиента самыми разными способами. Он упоминал чисто «пруссский» добровольный отказ от индивидуальности и императив долга, субординацию и следование приказам. Хайм мотивировал действия Блобеля также желанием отомстить за жестокости, совершенные Красной армией в отношении плененных немцев. Он указывал на слабое здоровье подсудимого, пытаясь переложить ответственность на его заместителей. Хайм даже старался доказать, что убийства женщин и детей, проводившиеся зондеркомандой 4а, никоим образом не противоречили международному праву, так как советские власти в своей тщательно организованной партизанской войне безжалостно использовали для своих целей и женщин, и детей. Что же касается «Операции 1005», то, недоумевал адвокат, чем же, собственно, преступно сожжение или уничтожение мертвых тел?⁴³

4 марта 1949 года смертные приговоры через повешение были утверждены военным губернатором Макклоем в отношении подсудимых Биберштейна, Блобеля, Блюме, Брауне, Хенша, Клингельхофера, Науманна, Олендорфа, Отта, Зандбергера, Зайберга, Штаймле и Штрауха, а 25 марта – в отношении под-

41 См. подробнее: EARL H. *Accidental Justice: The Trial of Otto Ohlendorf and the Einsatzgruppen Leaders in the American Zone of Occupation, Germany, 1945–1958*. Ph.D. University of Toronto, 2002.

42 *Einsatzgruppe* (нем.) – группа (силы) специального назначения.

43 См., например: *Военные трибуналы Нюрнберга: дело айнзатцгрупп. Сборник материалов*. [Новочеркасск, 2018] (<http://rummuseum.info/node/6389>).

судимого Шуберта. Не стал бы исключением и Отто Раш, но он умер в тюремном госпитале Нюрнберга 1 ноября 1948 года.

В отношении Олендорфа, Науманна, Блобеля и Брауне смертные приговоры были приведены в исполнение в Ландсбергской тюрьме 7 июня 1951 года. Штраух же был выдан Бельгии, где был также приговорен к смертной казни, но умер в бельгийском тюремном госпитале 15 сентября 1955 года. Остальные осужденные после отбытия различных сроков заключения были освобождены.

ПАВЕЛ ПОЛЯН

БАБИЙ ЯР И ВОЗМЕЗДИЕ:
СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ
НАД ПАЛАЧАМИ

1967–1968. ДАРМШТАДТСКИЙ ПРОЦЕСС ПРОТИВ КАЛЛСЕНА И ДРУГИХ

Весьма важное для истории Бабьего Яра юридическое событие состоялось в Дармштадте – так называемый Каллсен-процесс. Со 2 октября 1967 года по 29 ноября 1968-го здесь перед судом присяжных предстали десять офицеров СС. Все подсудимые – члены блобелевской зондеркоманды 4а, так что без упоминания Бабьего Яра на следствии и в суде обойтись не могло. Заслушаны были 175 свидетелей со всего мира, в том числе Дина Проничева из СССР (выступала 29 апреля 1968 года). Осужденные были семеро, их приговорили в общей сложности к 61 году лишения свободы⁴⁴.

Главный обвиняемый – бывший штурмбанфюрер СС Куно Фридрих Каллсен (1911–2001). С мая по октябрь 1941 года он был заместителем Блобеля и командиром одной из двух подкоманд зондеркоманды 4а; в Киеве отвечал за связь с 6-й армией. В звании – тогда – гауптштурмфюрера СС был одним из непосредственных руководителей «гросс-акции», хоть и отрицал это на суде.

После окончания войны Каллсен скрывался под чужим именем. Весной 1946 года он перебрался вместе с семьей в Ной-Изербург, а 10 сентября был арестован и интернирован в лагере в Дармштадте. Во время денацификации классифицирован всего лишь как «последователь», после чего 30 января 1948 года был выпущен из тюрьмы. С мая 1950-го работал в отделе фирмы по продаже торговых автоматов во Франкфурте-на-Майне, занимался правовыми и коммерческими вопросами. Но 25 мая 1965 года вновь был арестован.

⁴⁴ См. приговор: *Tatkomplex Massenvernichtungsverbrechen durch Einsatzgruppen, Kriegsverbrechen. Tatort Berditschew, Bjelaja Zerkow, Charkow, Hrakow, Iwankow, Kiew (Babi-Yar – Schlucht), Luzk, Nowograd, Wolynskij, Radomysl, Shitomir, Sokal Wassilkow. Tatort 41 Gerichtsentscheidungen LG Darmstadt vom 29.11.1968, Ks 1/67 (GStA)*. BGH vom 05.04.1973, 2 StR 427/70. Приводится в: BRACHER K. D. (Hg.). *Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1945–2012*. Bd. 31. München; Amsterdam, 2004. S. 10–26; см. также: <https://junsv.nl/westdeutsche-gerichtsentscheidungen>.

29 ноября 1968 года по обвинению в участии в массовом расстреле в Бабьем Яре Каллсен был приговорен земельным судом Дармштадта к 15 годам тюрьмы и 10 годам поражения в правах⁴⁵. Свой срок отбывал в тюрьмах в Буцбахе и Франкфуртена-Майне. 20 января 1981 года был взят на поруки и условно-досрочно освобожден. Дожил до 90 лет.

Другие шесть осужденных (причем не за преступные убийства, а только за пособничество им) – это Курт Ханс и Адольф Янсен (по 11 лет тюрьмы и по 8 лет поражения в правах), Август Хефнер (9 лет тюрьмы и 5 лет поражения в правах), Александр Рисле (4 года тюрьмы и 3 года поражения в правах), Виктор Вуатон (7 лет тюрьмы и 4 года поражения в правах) и Кристиан Шульте (4,5 года тюрьмы и 3 года поражения в правах). Георг Пфаркирхер, Эрнст Конзее и Виктор Трилл оправданы.

Особенностью практически всех процессов против нацистских преступников, состоявшихся в правовой системе ФРГ, было априорное ранжирование обвиняемых: «основные» (Гитлер, Гиммлер, Гейдрих, их ближайшие пособники) – и все остальные. Но именно в Дармштадте впервые была обозначена ответственность за Бабий Яр и подобные преступления не только СС и СД, но и вермахта.

Дармштадский процесс вызвал слабый интерес прессы. Исключение составили разве что «New York Times», «Frankfurter Allgemeine Zeitung» и городская газета «Darmstädter Echo».

1968–1969. ШТУТГАРТСКИЙ ПРОЦЕСС ПРОТИВ ЗОНСА И ДРУГИХ

После статей в советской и зарубежной прессе в ноябре–декабре 1943-го и публикации «Сообщения ЧГК о разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в г. Киеве» от 29 февраля 1944 года тайна эксгумации в Бабьем Яре и Сырце – и характер ее осуществления – были преданы гласности. После свидетельств в Нюрнберге Герхарда Адамца открылось и подлинное имя всей акции – «Операция 1005». Несколько историков принялись изучать ее обстоятельства, но никто из них поначалу не представлял всего масштаба и логистики этой операции.

Общее руководство «Операцией 1005» осуществлял Пауль Блобель. Штурмбаннфюрер СС Ханс Фридрих Зонс руководил ею в зоне ответственности группы армий «Юг», под началом оберштурмфюрера СС Юлиуса Бауманна была «команда 1005а», действовавшая в Киеве (то есть в Бабьем Яре), а под началом

45 5 апреля 1973 года федеральный Верховный суд ФРГ подтвердил приговор.

хауптштурмфюрера СС Фрица Цитлофа – «команда 1005б», она работала в остальных местах массовых убийств на территории Украины.

Новые данные появились лишь в 1958 году, благодаря анонимному доносу на комиссара Отто Гольдапа – сотрудника Гамбургской криминальной полиции, обвиненного в национал-социалистическом прошлом. Расследование привело к Адольфу Рюбе, экс-референту по еврейским делам гестапо Минска, отбывавшему к тому времени пожизненный срок в тюрьме. В феврале 1960 года он, видимо, надеясь на смягчение наказания, дал показания о причастности Гольдапа (и многих других) к «Операции 1005» в зоне ответственности группы армий «Центр»; а главное – Рюбе обозначил впечатляющий размах всей операции⁴⁶.

Процесс членов зондеркоманды 1005 стартовал в Штутгарте 9 декабря 1968 года. Кроме Ханса Фридриха Зонса, на скамье подсудимых сидели Фритц Цитлоф, хауптштурмфюрер СС Вальтер Эрнст Хельфсгот, сменщик Цитлофа на этом посту, и штурмшарфюрер СС Фритц Кирштайн – делопроизводитель той же подгруппы. Формально в числе обвиняемых значился и Блобель, уже казненный в 1951-м. Впрочем, доживи он до этого процесса, наказание было бы не столь суровым, как в конце 1940-х.

Судей интересовали почти исключительно две вещи. Первое: убивали ли подсудимые кого-нибудь лично? И второе: знали ли они содержание секретного приказа, согласно которому всех членов рабочей команды – как носителей важного секрета – по завершении работ предстоит ликвидировать?

Подсудимые всячески отрицали свою вину и уклонялись от прямых ответов на большинство опасных для себя вопросов. Цитлоф, например, защищался – и довольно успешно – тем, что отобранных для «Операции 1005» рабочих, коль скоро они были партизанами или евреями, все равно ждала бы смерть. Хельфсготу удалось поставить под сомнение тот факт, что именно он был сменщиком Цитлофа. Кирштайн же оправдывался тем, что был лишь делопроизводителем «Команды 1005б» (показания же о том, что его видели на линии расстрельного огня с пистолетом в руке, были отозваны свидетелем).

Процесс широко освещался в прессе, и именно пресса была его активным популяризатором. В самом же зале суда слушателей было мало. Были допрошены 27 свидетелей, в том числе трое из СССР – Давыдов, Будник и Капер, – в феврале 1969 года⁴⁷.

ПАВЕЛ ПОЛЯН

БАБИЙ ЯР И ВОЗМЕЗДИЕ:
СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ
НАД ПАЛАЧАМИ

46 См.: ANGRICK A. "Aktion 1005". Bd. 1. *Spurenbeseitigung von NS-Massenverbrechen 1942–1945*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2018. S. 11–13.

47 См.: Будник Д., КАПЕР Я. *Ничто не забыто. Еврейские судьбы в Киеве, 1941–1943*. Konstanz, 1993. S. 53–54, 184–186.

Вынесение приговора намечалось первоначально на 30 января, а состоялось на полтора месяца позже – 13 марта 1969 года⁴⁸. Приговоры были такие: Зонсу – 4 года тюрьмы (вместо 7, запрошенных прокуратурой) за пособничество в убийстве не менее 200 человек, Цитлофу – 2,5 года за пособничество в убийстве не менее 20 человек, а Хельфсгота и Кирштайна признали невиновными и освободили в зале суда, отнеся на государство расходы по судопроизводству над ними.

Андреас Ангригк, посвятивший «Операции 1005» одноименный фундаментальный труд, закончил его такими словами:

«Большинство тех узников из бригад смертников, что чудом выжили, вероятно, попытались вернуться к повседневной жизни, радоваться мелочам, наслаждаться алым закатом и больше уже не думать о тех пылающих кострах, хоть и зная нутром, сколь такое приспособление ненадежно. Так же и мучители их, уцелев, тоже хотели бы как бы исчезнуть, переложиться в людей с измененной и незаметной жизнью, не привлекая к себе внимания и в надежде на то, что их преступления не вскроются, забудутся, превратятся в великое “никогда такого не бывало”. Отставив фантазии о господстве над миром, они рьяно занялись рулетиками да фрикадельками, хойзле с садиком и собственным авто. И только отдельные узники из бригад смертников – буквально единицы, подобные Вельсу и Файтельсону, – не стали соглашаться на это совместное договорное забытьё и продолжили биться за расследование истины – и ради нее самой, и в память об убитых товарищах. Они и только они не дали “Операции 1005” благополучно завершиться успехом после войны и, в конце концов, сорвали этот большой нацистский план по уничтожению всех следов своих преступлений»⁴⁹.

48 *Gerichtsentscheidungen Landesgerichts Stuttgart vom 13.03.1969, Ks 22/67 und BGH vom 17.08.1971, 1 StR 462/70 // Justiz und NS-Verbrechen. 1968–1969. Bd. XXXI. S. 723 ([https://junsv.nl/westdeutsche-gerichtsentcheidungen](https://junsv.nl/westdeutsche-gerichtsentscheidungen)).*

49 ANGRICK A. *Op. cit.* S. 1215.

Шоа и европейская интеграция¹

МИКАЭЛЬ
МЕРТЕС

НЕГАЦИОНИЗМ – РЕВИЗИОНИЗМ – РЕЛЯТИВИЗМ

Английский писатель Сэмюэл Батлер как-то проципательно заметил: «Хотя Бог не может изменить прошлое, историкам это вполне под силу»². Ему следовало бы добавить: «а политики отчаянно хотели бы это делать». Действительно, то, что можно назвать политической инструментализацией истории, слишком часто формулируется и пропагандируется на государственном уровне. В лучшем случае речь идет о более или менее корректной интерпретации прошлого; в худшем же – о создании новых мифов. Оба сценария следует рассматривать в контексте *оправдания текущей политики*.

Политическая инструментализация истории склонна игнорировать или вообще отрицать темные стороны конкретного – индивидуального или коллективного – прошлого. Психологический механизм, стоящий за этим, Фридрих Ницше описал так: «“Я сделал это”, – говорит моя память. “Я не мог этого сделать”, – говорит моя гордость и остается непреклонной. В конце концов, память уступает»³.

Политическая инструментализация истории практикуется не только на национальном, но и на международном уровне. Наглядными иллюстрациями, подтверждающими этот тезис, могут служить два наиболее важных института европейской интеграции, учрежденных после 1945 года: Совет Европы и Европейский союз. Цели этих учреждений не ограничиваются позитивной плоскостью, отражающей горизонты грядущего; они предполагают и негативную составляющую, обремененную уроками прошлых диктатур, войн, геноцида – катастрофических ошибок и ужасающих преступлений.

Основным вопросом, рассматриваемым в этой связи, является вопрос о том, какое значение для общего исторического сознания западных и восточных европейцев имеет Шоа⁴. Оче-

Микаэль Мертеc (р. 1953) – немецкий писатель, публицист, переводчик, в 1987–1998 годах был политическим советником канцлера Гельмута Коля, в 1998–2006 годах работал журналистом, в 2006–2011 годах занимал пост государственного секретаря федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия по делам федерации и взаимодействию с Европейским союзом, в 2011–2014 годах возглавлял представительство Фонда имени Конрада Аденауэра в Израиле.

1 Настоящая статья написана специально для «НЗ».

2 См.: *Oxford Essential Quotations, 2017: Samuel Butler, 1835–1902* (www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780191843730.001.0001/q-oro-ed5-00002407).

3 NIETZSCHE F. *Jenseits von Gut und Böse. Viertes Hauptstück. Sprüche und Zwischenspiele, Nr. 68.* (Ницше Ф. *По ту сторону добра и зла // Он же. Полное собрание сочинений.* М.: Культурная революция, 2005. Т. 5. С. 78. – Примеч. перев.)

4 Говоря о систематическом убийстве национал-социалистической Германией шести миллионов евреев, я применяю ивритский термин «Шоа» (катастрофа). Обусловлено это тем, что термин «Холокост» (всесож-

видно, что в немецком историческом сознании этот геноцид занимал и занимает центральное место, затмевая собой любые другие преступления, совершенные Германией в прошлом. Однако верно и то, что уже не раз предпринимались и продолжают предприниматься попытки переместить фокус общественного внимания немцев с Шоа на что-то иное. Такие попытки, как представляется, можно разделить на три категории: негационизм, ревизионизм и релятивизм.

Негационизм отмечает исторические факты, которые были тщательно доказаны десятилетиями научных исследований и сбора судебных доказательств. *Ревизионизм* ставит под сомнение эти доказательства и утверждает, что обладает принципиально новыми знаниями. Некоторые ревизионисты реверсивным образом предъявляют обвинения самим жертвам обсуждаемых событий. И хотя не все ревизионисты являются негационистами, по большей части как раз они и снабжают последних аргументационной базой. Наконец, *релятивизм* выступает за альтернативную оценку исторических фактов, которых он, в принципе, не отрицает и даже не ставит под сомнение. Не все релятивисты являются ревизионистами, но именно они предоставляют ревизионистам мотивы для высказываемых ими сомнений. Таким образом, альтернативные оценки могут проложить путь к «альтернативным фактам» – цитируя нашумевшую формулу Келлиэнн Конуэй, советницы бывшего президента США Дональда Трампа.

Политическая инструментализация истории склонна игнорировать или вообще отрицать темные стороны конкретного – индивидуального или коллективного – прошлого.

Негационизм, ревизионизм и релятивизм выполняют апологетическую функцию. Они призваны доказать историческую безупречность социальной группы. Крайне правые не хотят, чтобы им напоминали о преступлениях их собственной нации, а крайние левые не желают вновь слышать о преступлениях коммунизма. Реверсия преступника и жертвы не только очищает совесть сторонников такого приема, но и гарантирует легитимность тем, за кого они заступаются, поскольку преступники, оправдывая совершенное ими зло, трактуют его как форму защитного поведения. Память о Шоа снова и снова подвергается делегитимации со стороны немецких правых. В этом

жение), который в основном используется в англосаксонской языковой зоне, заимствован из религиозных разделов греческого языка; иными словами, он предполагает наличие некоего метафизического смысла, которого не может быть ни у этого, ни у любого другого геноцида.

контексте особую известность приобрело релятивистское заявление, сделанное в 2018 году ведущим политиком партии «Альтернатива для Германии» Александром Гауландом. По его словам, Гитлер и нацисты – всего лишь «пятнышко птичьего дерьма» на тысячелетней и успешной истории Германии⁵.

На вопрос, где проходит грань между недопустимым релятивизмом и допустимыми историческими сравнениями, не всегда можно ответить с легкостью. Чтобы избежать путаницы, следует проводить строгое различие между *приравниванием* и *сравнением*. Релятивисты используют отсылку к преступлениям других, чтобы доказать, что деяния, которые ими оправдываются, не такие уж и исключительные. В этом контексте популярен аргумент «*Tu quoque*» («Ты тоже»): «Вы хотите поговорить о турецком геноциде армян 1915–1916 годов? Давайте сначала поговорим о немецком геноциде гереро и нама в Намибии в 1904–1908 годах!» Уже несколько лет в релятивистской переоценке Шоа участвуют и некоторые левые, работающие в русле постколониальной критики. По сути, они утверждают, что немецкое – а также международное – внимание к этому преступлению против человечности ведет к тривиализации преступлений колониализма. Опираясь на подобную логику, левые противники сионизма ставят под сомнение смысл существования государства Израиль⁶.

Интеллектуальная честность требует, чтобы каждое преступление сначала само по себе было признано преступлением, чтобы был отвергнут соблазн противопоставлять различные преступления друг другу. Иными словами, рассуждающий о преступлениях сталинизма не умаляет тем самым преступлений национал-социализма – и наоборот⁷. Аналогичным образом тот, кто признает геноцид армян, не делает тривиальным геноцид племен гереро и нама; противоположное столь же верно. Выстраивание исторических аналогий отнюдь не доказывает относительность подобных трагедий. Напротив, одной из задач исследования геноцида должно быть сравнение культурных, социальных и политических условий, которые способны спровоцировать геноцид. Симон Визенталь (1908–2005), всемирно известный охотник на нацистов-убийц, каталогизировал такие условия несколько десятилетий назад⁸. Стоит, однако, иметь

5 Автор имеет в виду комментарии, сделанные депутатом Бундестага в июне 2018 года. Подробнее см.: *Слова немецкого политика о Гитлере спровоцировали скандал* // РИА «Новости». 2018. 3 июня (<https://ria.ru/20180603/1521960779.html>). – Примеч. перев.

6 Подробнее см.: MERTES M. *Antisemitismus: das nächste Kapitel* // Stimmen der Zeit. 2022. März. S. 205–215. (МЕРТЕС М. *Антисемитизм: следующая глава* // Неприкосновенный запас. 2022. № 3(143). С. 192–203. – Примеч. перев.)

7 О сомнительности формулы «двойного геноцида» см.: SOKOL S. *The Tension between Historical Memory and Realpolitik in Israel's Foreign Policy* // Israel Journal of Foreign Affairs. 2018. Vol. 12. № 3. P. 311–324.

8 WIESENTHAL S. *Jeder Tag ein Gedenktag. Chronik jüdischen Leidens*. Gerlingen: Bleicher Verlag, 1988. S. 13–27.

в виду, что количественные и качественные сравнения могут оказаться проблематичными, если в политическом дискурсе их используют для выстраивания иерархии жертв.

ДЕЛЕГИТИМАЦИЯ НАЦИОНАЛИЗМА КАК УСЛОВИЕ МИРА

В историческом самосознании Совета Европы и Европейского союза тема Шоа заняла сколько-нибудь заметное место лишь с конца 1990-х – начала 2000-х. В послевоенные десятилетия, как и после демократических революций 1989 года, необходимость европейской интеграции обосновывалась несколькими идеями, узаконивающими ее в публичном дискурсе⁹. В разное время значимость каждой конъюнктурно варьировала, но при этом одна идея постоянно находилась на переднем плане: начиная с плана Робера Шумана 1950 года европейский политический класс был убежден, что интеграция обеспечивает мир, а национализм означает войну. Например, последний из этих тезисов был оглашен французским президентом Франсуа Миттераном в выступлении перед Европейским парламентом 17 января 1995 года. В этом же русле было и заявление председателя Европейской комиссии Жан-Клода Юнкера, сделанное в немецком Бундестаге в День памяти 2008 года: «Кто сомневается в Европе, кто отчаивается в Европе, тот должен посетить ее военные кладбища!».

Согласно этой интерпретации европейской истории, классический идеал неограниченного суверенитета, приписываемого национальному государству, продемонстрировал свою роковую несостоятельность в сражениях двух мировых войн. Показательно высказался по этому поводу Вальтер Халльштайн, первый президент Комиссии Европейского экономического сообщества:

«Возмутительное злоупотребление не только властью, но и идеологией национального государства, обернувшееся для европейского континента беспрецедентными разрушениями, привело к тому, что заметно поколебленным оказался сам его принцип»¹⁰.

Примечательно, однако, что в подобных рассуждениях массовое убийство европейских евреев в лучшем случае лишь *подразумевается*, поскольку непосредственно речь здесь идет о военном противостоянии наций и их союзов. Важно также, что в контексте интеграционных процессов не предполагается упразднение национальных государств или даже наций – дело

⁹ Обзор их эволюции во второй половине XX века см. в работе: KARAMA M. *Struktur und Wandel der Legitimationsideen deutscher Europapolitik*. Bonn: Europa Union Verlag, 2001.

¹⁰ HALLSTEIN W. *Der unvollendete Bundesstaat*. Düsseldorf: Econ, 1969. S. 18.

ограничивается лишь передачей части суверенитета национальных государств на наднациональный уровень.

Иначе говоря, инициаторы европейской интеграции не демонстрировали никакого *постнационального мышления*, но тем не менее, благодаря интеграции, они смогли переформатировать национальные государства в *постклассические* образования с ограниченным суверенитетом. Тем не менее даже в этом новом типе европейского сообщества государств сохранился значительный концептуальный зазор между голлистской «Европой отечеств», с одной стороны, и западногерманским видением федеративной Европы, с другой. Заданное изначально фундаментальное расхождение правительственных подходов к европейской интеграции сохраняется по сей день.

МИКАЭЛЬ МЕРТЕС
ШОА И ЕВРОПЕЙСКАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ

Начиная с плана Робера Шумана 1950 года }
европейский политический класс был убежден, }
что интеграция обеспечивает мир, а национализм }
означает войну.

Тот факт, что феномен Шоа оставался в лучшем случае на заднем плане, означает, что долгое время ему не придавалось никакого самостоятельного значения вне военного контекста. В частности, согласно широко распространенному представлению, истребление евреев было лишь особенно отвратительной частью злодеяний, совершенных национал-социалистической тиранией на захваченных и подконтрольных ей территориях. До тех пор, пока слово «Холокост» не стало общеупотребительным – во многом благодаря одноименному телесериалу 1978 года, который снял Марвин Чомски, – не существовало даже общепризнанного термина для обозначения Шоа. До начала 1980-х в англоязычном мире это понятие целиком растворялось в концепте «немецких зверств времен Второй мировой войны».

История, политика и память

Эволюцию европейской политики памяти довольно легко проследить по истории годовщин, совместно отмечаемых после 1945-го и 1989 года¹¹. Лишь к середине 1990-х 27 января – день освобождения в 1945-м Красной армией лагеря уничтожения Аушвиц-Биркенау – постепенно получило общеевропейское

11 Этой идеей я обязан Анри Руссо. См.: Rouso H. *Les dilemmes d'une mémoire européenne* // DELACROIX C., DOSSE F., GARCIA P. (Eds.). *Historicités*. Paris: La Découverte, 2009. P. 203–221, особенно – P. 216 ff.

признание как День памяти жертв Холокоста, и только спустя еще десять лет, в 2005-м, Организация Объединенных Наций повысила его статус до международного дня памяти. По контрасту с этой датой в отношении двух официальных «дней Европы», отмечаемых в честь запуска европейского проекта, единодушие возобладавало довольно рано: 5 мая с 1964 года чествуются как день основания в 1949-м Совета Европы, а 9 мая с 1986 года отмечается как день презентации в 1950-м плана Шумана.

Дата окончания Второй мировой войны также может считаться общеевропейским днем памяти. Для немцев она ассоциируется с поражением и освобождением одновременно; однако, поскольку акцент в немецком восприятии истории сместился в основном или даже полностью на момент освобождения, они готовы праздновать этот день вместе со своими европейскими соседями и партнерами. Но вот вопрос: о каком именно дне идет речь? О 8-м или 9 мая 1945 года?

Тема, которая на первый взгляд кажется пустяком, обладает огромным взрывным потенциалом. 8 мая вермахт капитулировал во французском Реймсе, а 9 мая – в советском штабе Берлин-Карлсхорст. В Советском Союзе и государствах Варшавского договора в качестве Дня Победы отмечалось 9-е, а не 8 мая. В России и некоторых других государствах-преемниках СССР именно эта дата празднуется до сих пор. В отличие от них, три балтийские республики, сознательно отказавшись от советской и постсоветской традиции политической интерпретации истории и политики памяти, приняли «западное» 8 мая. Поражение Германии, по их мнению, не означало для них освобождения от сталинизма. Ссылаясь на те же аргументы, Польша и Украина в 2015 году отмечали 70-ю годовщину окончания войны 8-го, а не 9 мая¹².

Это подводит нас к последнему эпизоду европейской коммеморации – Европейскому дню памяти жертв сталинизма и национал-социализма, учрежденному Европейским парламентом в 2009 году и отмечаемому 23 августа. В этот день в 1939 году был заключен пакт Молотова–Риббентропа; в соответствии с секретным дополнением к этому документу Советский Союз и Германия разделили между собой сферы интересов в Эстонии, Латвии, Литве, Финляндии, Польше и Бессарабии. Хотя официально этот день является совместным днем памяти, он указывает на противоречия в европейском историческом сознании Востока и Запада, включая и различные взгляды на Шоа.

Очевидно, что Германия и до, и после воссоединения 1990 года имела все основания признавать преступления национал-социалистов. Ей, конечно же, не подобало указывать пальцем

12 См.: VETTER R. *Analyse: Politisches Gedenken – Polen und der 8. Mai 1945 // Bundeszentrale für politische Bildung*. 2015. 26 Mai (www.bpb.de/207253/analyse-politisches-gedenken-polen-und-der-8-mai-1945).

на другие страны, где коллаборационисты и убийцы поддерживали немецких оккупантов, поскольку это было бы сочтено уклонением от принятия собственной ответственности. В других местах, однако, дело обстояло сложнее. С 1980-х все больше европейских государств обращались к исследованиям собственной национальной совести, причем по мере углубления этого процесса некоторым из них пришлось проститься с мифами о жертвах нацизма и сопротивлении ему, прежде не подвергавшимся рационализации. Относительно Западной Европы достаточно упомянуть два примера. После «дела Вальдхайма»¹³ (1986) Австрия была вынуждена пересмотреть свою слишком простую форму самопрезентации как «первой жертвы Гитлера». А в 1995 году, через полвека(!) после окончания Второй мировой войны, Жак Ширак стал первым президентом Франции, публично признавшим ответственность своей страны за депортацию тысяч евреев в нацистские лагеря смерти во время немецкой оккупации.

Процесс примирения с прошлым оказался гораздо более сложным в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, в том числе и в Польше, где до Шоа проживало 3,3 миллиона евреев. Там особенно ярко проявился описанный историком Павлом Махцевичем страх, что «темные стороны нашего прошлого заслоняют положительные примеры героизма и страдания поляков»¹⁴. Вызреванию этого страха способствовали внешние факторы, а именно недостаток чувствительности в Германии и обозначившиеся в России тенденции к релятивизации страданий своих соседей. С польской точки зрения, разделяемой, кстати, не только поляками, остается совершенно неприемлемым тот факт, что Майданек и Освенцим в Германии продолжают называть «польскими лагерями уничтожения» – как, например, это сделал телеканал ZDF в 2013 году в анонсе документального фильма о преступлениях нацизма¹⁵.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПОЛИТИКИ СИМВОЛОВ

Помимо политики памяти и политической интерпретации истории, повышение осведомленности об исключительном значении Шоа, воспринимаемом отдельно от войны, проявилось в новых мерах по борьбе с негационизмом, антисемитизмом,

- 13 Имеется в виду скандал, вызванный раскрытием нацистского прошлого Курта Вальдхайма – бывшего генерального секретаря ООН и кандидата в президенты Австрии от Народной партии. – *Примеч. перев.*
- 14 Цит. по: SCHMIDT-HÄUER C. *Der Ort, der nicht bereuen will* // Die Zeit. 2005. 3 Februar (www.zeit.de/2005/06/Jedwabne/komplettansicht).
- 15 См.: KELLERMANN F. «Für uns ist das ein einziger großer Skandal» // Deutschlandfunk. 2018. 27 August (www.deutschlandfunk.de/klage-aus-polen-gegen-zdf-fuer-uns-ist-das-ein-einziger.2907.de.html?dram:article_id=426560).

расизмом и ксенофобией. Принятые в этом ключе законодательные и административные решения политически оправдывались принципом «воинствующей демократии», который не только допускает борьбу с правым экстремизмом, но и настаивает на ней.

В силу сказанного в 1990-е в Европе нарастала тенденция к криминализации отрицания Шоа. Некоторые страны Восточной Европы распространили уголовное преследование и на деяния, связанные с отрицанием преступлений сталинской эпохи. Действуя в том же русле, Национальное собрание Франции в 2011 году поддержало законопроект, признающий преступлением отрицание геноцида армян. Однако еще до подписания этого акта и его вступления в силу Конституционный совет признал его противоречащим французской Конституции – из-за покушения на свободу выражения мнений¹⁶. Кстати, ссылаясь на это право, несколько европейских стран, вслед за США, отвергли саму возможность привлечения к уголовной ответственности за негационизм.

Вместе с тем в Европе сложился консенсус относительно необходимости криминализации подстрекательства к расовой ненависти, что отразилось в нормах Дополнительного протокола к Конвенции Совета Европы о киберпреступности, криминализирующих акты расистского и ксенофобского характера, которые совершаются посредством компьютерных систем, а также в Рамочном решении Европейского совета о борьбе с некоторыми формами и проявлениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права¹⁷. Оба источника подчеркивают недопустимость грубой тривиализации геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений в публичном пространстве, но при этом оставляют государствам довольно широкую свободу в определении последствий этого для их национального уголовного права.

В Вене в 1997 году был учрежден Европейский центр мониторинга расизма и ксенофобии (European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia – EUMC), на смену которому в 2007-м пришло Агентство Европейского союза по основным правам (European Union Agency for Fundamental Rights – FRA). Агентство среди прочего провело исследования о том, как еврейские граждане ЕС в наши дни сталкиваются с преступлениями на почве ненависти, дискриминации и антисемитизма. Опубликованные результаты получили широкую известность.

16 См. текст документа: *Décision no. 2012-647 DC du 28 février 2012* (www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2012/2012647DC.htm). – *Примеч. перев.*

17 См. тексты этих документов в русских переводах: <https://rm.coe.int/1680081611>; <https://eulaw.edu.ru/ramochnoe-reshenie-o-borbe-s-otdelnymi-formami-i-proyavleniyami-rasizma-i-ksenofobii-posredstvom-ugolovnogo-prava-perevod-chetverikova-a-o/>. – *Примеч. перев.*

Для Германии, публичные настроения в которой после 1945 года были более пацифистскими, чем характер мнений в других европейских странах, императив «Освенцим – никогда больше!» в 1990-е положил начало процессу глубокой саморефлексии. До этого императив «Война – никогда больше!» служил важным аргументом против участия бундесвера в гуманитарных интервенциях. Однако, когда возобладало понимание, что при необходимости делать выбор приоритет все-таки будет отдан императиву о недопустимости Освенцима, немецкое движение за мир распалось на «пацифистов» и «милитаристов».

**С 1980-х все больше европейских государств
обращались к исследованиям собственной
национальной совести, причем по мере углубления
этого процесса некоторым из них пришлось проститься
с мифами о жертвах нацизма и сопротивлении ему,
прежде не подвергавшимися рационализации.**

Стокгольмская и Пражская Декларации

Новая глава европейской памяти о Шоа была открыта в начале 2000 года, когда Рабочая группа по международному сотрудничеству в области просвещения, памяти и исследований Холокоста (Task Force for International Cooperation on Holocaust Education, Remembrance, and Research – ITF) собралась на форум в Стокгольме. Позднее, в начале 2013-го, Рабочая группа была переименована в Международный альянс памяти Холокоста (International Holocaust Remembrance Alliance – IHRA). Основным документом этой организации является «Стокгольмская декларация» от 29 января 2000 года, принятая 31 страной (в том числе 25-ю из 28 стран-членов ЕС), которая заканчивается словами:

«Знаменательно то, что эта первая крупная международная конференция нового тысячелетия объявила о своем обязательстве посеять семена лучшего будущего на почве горького прошлого. Мы сочувствуем страданиям жертв и черпаем вдохновение в их борьбе. Наш долг – помнить о погибших, уважать уцелевших, живущих среди нас, и вновь подтвердить стремление человечества к взаимопониманию и справедливости»¹⁸.

18 См. русский перевод документа: *Stockholm Declaration, 2000, January 27–29* (<https://ru.worldholocaustforum.org/stockholm-declaration/>) – *Примеч. перев.*

Помимо прочего, этот документ знаменует очевидное смещение акцентов с преодоления национализма на еще более радикальный отказ от всего того, что сделало ужас Шоа возможным. Как известно, «семена лучшего будущего» традиционно выступают метафорой новых начинаний, используемой самыми разными деятелями¹⁹; спустя несколько десятилетий после окончания Второй мировой войны она может показаться анахронизмом, но это далеко не так – особенно если иметь в виду, что в Европе память о Шоа сумела занять центральное место в политической инструментализации истории совсем недавно.

Стокгольмская конференция, безусловно, помогла оживить предшествующие усилия по борьбе с негационизмом. Самым впечатляющим и непосредственным ее результатом стали санкции, введенные в 2000 году Европейским союзом в отношении Австрии после того, как Австрийская народная партия вступила в коалицию с национал-консервативной Австрийской партией свободы. Эти ограничения были приняты не на наднациональном уровне, а на уровне четырнадцати национальных государств по отдельности. Правда, в конечном счете, они оказались не слишком успешными: будучи введенными в начале года, они были отменены уже в сентябре. Примечательно также и то, что реакция на формирование аналогичной австрийской коалиции в 2017 году, в отличие от 2000-го, была откровенно спокойной. При этом долгое время оставался открытым вопрос о том, что Европейский союз может делать с членами, которые систематически покушаются на общие фундаментальные ценности. Теперь, впрочем, ответ дает статья 7 Договора о Европейском союзе, которая предусматривает временное отлучение (лишение права голоса) государств-членов в случае «серьезного и стойкого отступления» от общих фундаментальных ценностей.

Наконец, в новом тысячелетии очередная глава в европейской памяти о Шоа была открыта в 2008 году «Пражской декларацией о совести Европы и коммунизме»²⁰. Среди подписавших этот документ есть и борцы за гражданские права: Вацлав Гавел (в 1989–2003 годах – первый президент Чехословакии, затем президент Чехии) и Йоахим Гаук (в 2012–2017 годах – федеральный президент Германии). Основное послание Пражской декларации состоит в том, что Европа «не объединится, пока не сможет воссоединить свою историю, [...] начав

19 Известно, в частности, что эту фразу дословно использовал и Адольф Гитлер, который в 1933 году восхвалял павших в уличных боях нацистов в следующих выражениях: «Их великое желание исполнилось сегодня. Семена лучшего будущего проросли из их крови, их жертвенная смерть стала оплотом, на котором водружено знамя “третьего рейха”». См.: WEBERSTEDT H., LANGNER K. (Hrsgs.). *Gedenkhalle für die Gefallenen des Dritten Reiches. Bd. I: 1932–1933*. München: Zentralverlag der NSDAP, 1939. – *Примеч. перев.*

20 См.: *Prague Declaration on European Conscience and Communism. June 3, 2008. Prague, Senate of the Parliament of the Czech Republic* (www.legal-tools.org/doc/e123be/pdf/).

честное и подробное обсуждение всех без исключения тоталитарных преступлений прошлого века». Всем европейским тоталитарным идеологиям, по мнению авторов документа, присуще «принципиальное сходство в плане их ужасающей природы». Осознание преступлений во всей их совокупности, таким образом, должно формировать мышление всех европейцев – объединяя их.

Пражская декларация вызвала дискуссию, продолжающуюся по сей день. Главный вопрос состоит в следующем: не является ли требование восточноевропейцев о том, чтобы память о преступлениях коммунистических диктатур была интегрирована в общеевропейскую политическую интерпретацию истории, чем-то равнозначным релятивистскому нарративу «двойного геноцида»?

Вне зависимости от позиции сторон эти дебаты можно считать симптомом раскола общеевропейского исторического сознания, преодоление которого не предвидится еще долго. Провозглашение 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и национал-социализма не смогло преодолеть этого раскола, а неутраченные споры о дне окончания Второй мировой войны продолжают оставаться его живым свидетельством. Американский историк Тимоти Снайдер, активно участвовавший в дебатах по Пражской декларации, отмечает:

«Сегодня существует распространенное мнение о том, что массовое уничтожение людей в XX веке имеет огромное нравственное значение для живущих в XXI веке. [...] Массовое уничтожение людей отделило историю евреев от европейской истории, а историю Восточной Европы – от Европы Западной. Убийство не определяло наций, но все же оно обуславливает их интеллектуальное обособление даже спустя десятилетия после падения национал-социализма и сталинизма»²¹.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В обозримом будущем тема Шоа по-прежнему будет иметь центральное значение для общеевропейского исторического сознания. Однако вопрос, насколько обосновано желание некоторых восточноевропейцев интегрировать память о преступлениях сталинизма в общеевропейскую политику истории и памяти, также останется в политической повестке дня.

Как и в непосредственно послевоенный период, сохранение мира по-прежнему будет важнейшей легитимирующей идеей европейской интеграции. Однако императив «Освенцим – ни-

21 SNYDER T. *Bloodlands. Europa zwischen Hitler und Stalin*. München: dtv Verlagsgesellschaft, 2013. S. 21. (СНАЙДЕР Т. *Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным*. Киев: Дуліби, 2015. С. 20. – Примеч. перев.)

когда больше!» препятствует, особенно в Германии, пацифистской интерпретации этой легитимирующей идеи.

Память о Шоа продолжает расшатывать экстремистские позиции правого крыла европейской политики, поэтому отсюда и впредь будут предприниматься попытки контрнаступлений, выражающиеся в негационизме, ревизионизме и релятивизме.

Наконец, для будущего европейской памяти о Шоа важно не только то, что уходит из жизни поколение очевидцев тех событий, но и то, что все чаще встает вопрос о донесении этой памяти до растущего числа иммигрантов, чьи предки не жили в Европе «короткого XX века» (1914–1989).

Перевод с немецкого Вадима Королькова

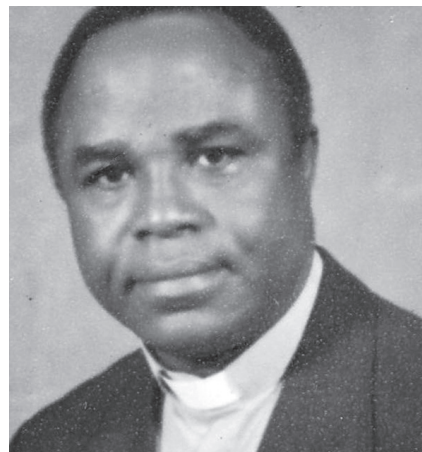
Война в Биафре и дети: эвакуация, реабилитация, репатриация¹

НИКОЛАС
ОМЕНКА

Книга Чинуа Ачебе «Была такая страна» встретила в Нигерии холодный прием. Писатель гневно осудил использование блокады и голода в военных целях, а также горько посетовал на то, что даже через четыре десятилетия после завершения кровавой гражданской войны сокрытие информации о ней остается непоколебимым постулатом государственной политики². Это, как и следовало ожидать, не понравилось многим. Но, как подчеркивает Хью Маккаллум, «Биафра – это история, которую Нигерия никогда не сможет переписать на свой лад, а остальной мир, вопреки своему молчанию, никогда не сумеет предать полному забвению»³.

После введения тотальной блокады бывший Восточный регион Нигерии, всегда отличавший довольно неустойчивой продовольственной ситуацией, быстро оказался на грани голода. Когда 6 июля 1967 года началась война, производящие продовольствие регионы Биафры первыми оказались под контролем федеральных войск. Желая сделать положение региона еще более тяжелым, федеральное военное правительство в январе 1968-го выпустило в обращение новые банкноты, которые получили хождение по всей нигерийской территории, за исключением восставших земель. Таким образом, жители Биафры, которые больше не могли самостоятельно производить продовольствие, лишились возможности и приобретать его на стороне. После того, как в мае 1968-го пал расположенный на побережье Порт-Харкорт, всякая связь между анклавом и внешним миром была потеряна. Именно с этого момента начинается катастрофа всеобщего голода, которая неизменно ассоциируется с войной в Биафре.

Как обычно, первыми пострадавшими оказались дети. К январю–февралю 1968 года среди детей, живущих в лагерях беженцев, все чаще начали фиксироваться случаи истощения.

Николас Ибеавучи
Оменка – профессор истории
католического Университета
имени Годфри Окойе (Энугу,
Нигерия).

- 1 Перевод осуществлен по изданию: ОМЕНКА N.I. *Children in the Nigeria-Biafra War: A Study on Their Evacuation, Rehabilitation, and Repatriation* // KORIEH C.J. (Ed.). *New Perspectives on the Nigeria-Biafra War: No Victor, No Vanquished*. Lanham: Lexington Books, 2021. P. 181–203. Статья печатается с разрешения правообладателя.
- 2 АЧЕБЕ С. *There Was a Country: A Personal History of Biafra*. New York: Penguin Press, 2012. P. 228.
- 3 MCCULLUM H. *Biafra Was the Beginning* (www.biafraland.com/Relief%20Heroes.htm).

С июня по сентябрь алиментарная дистрофия и детская пеллагра охватили уже весь мятежный анклав. По данным наблюдателей Международного Комитета Красного Креста, работавших в Биафре, к лету 1968-го в анклаве ежедневно умирали от голода около трех тысяч человек⁴. Данные о смертности собирали миссионеры, курировавшие лагеря беженцев и центры раздачи продуктов, причем даже в отдаленных районах, а также работники гуманитарных организаций, врачи, власти Республики Биафра. Новорожденные младенцы и совсем маленькие дети умирали раньше всех.

В условиях, когда нигерийское военное командование сделало удушение противника голодом главным инструментом своей политики, а весь мир отказывался замечать происходящее, полномасштабный геноцид в Биафре становился сугубо вопросом времени. Именно такой была ситуация, в которой церковные лидеры Биафры преисполнились стремлением сделать хоть что-нибудь, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу. Принятое ими решение имело важные последствия для заблокированного анклава: оно быстро привлекло к проблемам Биафры внимание международной общественности.

ГУМАНИТАРНОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ЦЕРКВЕЙ

В феврале 1968-го два католических епископа Биафры, Джеймс Мойна из Калабара и Годфри Окойе из Порт-Харкорта, представили папе римскому меморандум, в котором подробно описали злодеяния, имевшие место в Биафре после погромов 1966 года. Среди прочего они упомянули и о «заговоре молчания мировой прессы и великих держав, нацеленном на то, чтобы скрыть ужасающее попрание базовых прав человека и достоинства личности»⁵. Епископы выступили с предложением о том, чтобы Святой престол и Всемирный совет церквей совместно и безотлагательно обратились к обеим сторонам конфликта, призвав их прекратить боевые действия и начать мирные переговоры⁶. Всемирный совет церквей и Ватикан приняли адресованный им вызов: 20 марта 1968 года одновременно в Риме и Женеве было обнародовано обращение к воюющим сторонам, в котором протестантские и католические иерархи объявляли войну бесчеловечной и бесполезной попыткой разрешить кризис, а также

4 ТНОМПСОН J.E. *American Policy and African Famine: The Nigeria–Biafra War, 1966–1970*. New York, 1990. P. 59; см. также: *L'Osservatore Romano*. 1968. 29 giugno.

5 *Memorandum Submitted to the Holy Father on Behalf of the Archbishop and Hierarchy of Onitsha Ecclesiastical Province by Bishop James Moynagh of Calabar and Bishop Godfrey Okoye of Port Harcourt on the Present Tragic War in Their Country*. Archives of the Catholic Diocese of Enugu (ACDE).

6 *Ibid.*

призывали противоборствующие стороны отложить оружие и приступить к обсуждению мира. Кроме того, они предложили всем международным благотворительным организациям оказать срочную помощь гражданским лицам, страдающим в зоне военных действий⁷. На живой памяти то был, наверное, первый случай, когда католики и протестанты единым экуменическим фронтом выступили в поддержку общего дела.

Блокада Биафры была поколеблена после того, как немецкие церкви приняли решение отреагировать на зарождающуюся новую форму экуменического действия. Проведенная ими 28 июня 1968 года во Франкфурте пресс-конференция стала, согласно общему мнению, переломным моментом в намерении христианских церквей всего мира помочь голодающему народу Биафры. Это мероприятие было организовано двумя немецкими организациями – католической «Caritas» и протестантской «Diakonisches Werk», – откликнувшимися на призыв Ватикана и Всемирного совета церквей развернуть работу по совместному оказанию помощи страждущим. Выступая на конференции, отец Тони Бирн был настолько конкретен в описании ужасов, творящихся в Биафре, что некоторые из присутствующих журналистов плакали, не скрывая эмоций⁸. Представленную им картину подтвердил пастор Лотар Кюэль, капеллан немецкой протестантской общины в Лиссабоне, который предложил открыть «воздушный мост» между Биафрой и Европой, подобный «воздушному мосту», функционировавшему во время блокады Берлина. Эта памятная пресс-конференция получила «широкий резонанс в местной и зарубежной прессе, включая радио и телевидение»⁹.

Непосредственным результатом франкфуртской конференции стало настоящее паломничество репортеров и телевизионщиков в окруженную Биафру. Гражданская война в Нигерии вскоре превратилась в первый за всю современную эпоху вооруженный конфликт, в полном объеме освещаемый по телевидению. Наводящие ужас образы умирающих младенцев и высохших от голода детей вызвали волну сочувствия во всем мире, а также потоки денежных пожертвований, одежды, лекарств. Пакеты с медикаментами и продуктами, собранными немецкими католиками и протестантами, из Лиссабона перебрасывались в Порт-Харкорт; для этого церкви покупали места в самолетах, принадлежавших американцу Хэнку Уоргону. Затем, 8 февраля 1968 года, два папских посланника – монсеньор Доминик Конвей, ректор Ирландского колледжа в Риме, и

НИКОЛАС ОМЕНКА

ВОЙНА В БИАФРЕ И ДЕТИ:
ЭВАКУАЦИЯ, РЕАБИЛИТАЦИЯ,
РЕПАТРИАЦИЯ

7 См.: EBERLEIN P.G., KRUSE R. (Hrsgs.). *Nigeria-Biafra: Tatsachen, Berichte, Dokumente zur kirchlichen Hilfsaktion*. Stuttgart: Quell Verlag, 1968. Bd. 1. S. 34.

8 Из личного интервью автора с очевидцем этого события. Фрайбург, 14 сентября 1997 года.

9 EBERLEIN P.G., KRUSE R. (Hrsgs.). *Op. cit.* Bd. 1. S. 25.

НИКОЛАС ОМЕНКА

ВОЙНА В БИАФРЕ И ДЕТИ:
ЭВАКУАЦИЯ, РЕАБИЛИТАЦИЯ,
РЕПАТРИАЦИЯ

монсеньор Джордж Рошо, директор французской организации «Secours Catholique», – лично прилетели в Порт-Харкорт с гуманитарным грузом, собранным «Caritas Internationalis» по поручению папы Павла VI. Этот чартерный рейс положил начало воздушной миссии христианских церквей, католической и протестантской.

Гражданская война в Нигерии превратилась в первый за всю современную эпоху вооруженный конфликт, в полном объеме освещаемый по телевидению. Наводящие ужас образы умирающих младенцев и высохших от голода детей вызвали волну сочувствия во всем мире, а также потоки денежных пожертвований, одежды, лекарств.

В ноябре 1968 года в Риме была учреждена организация «Объединенная церковная помощь» (ОЦП), в которую вошли «Caritas Internationalis», немецкие «Caritas» и «Diakonisches Werk», скандинавская «Nordchurchaid», североамериканские «Canairelief» и «Catholic Relief Services USA», а также швейцарская «Caritas»¹⁰. К январю 1970-го, когда война завершилась, к консорциуму успели присоединиться более тридцати религиозных (христианских, еврейских) и корпоративных организаций гуманитарной помощи. Объединив усилия, они наладили работу крупнейшего с блокады Берлина 1948–1949 годов «воздушного моста»: в пиковые дни обслуживавшие его самолеты выполняли более двадцати вылетов за ночь. Обширные поставки гуманитарной помощи, доставляемой из разных уголков земного шара по воздуху, суше и морю, в конце концов, оказывались на португальском острове Сан-Томе, откуда по ночам перебрасывались на аэродром Ули в Биафре. Эта воздушная гавань, основу которой составлял расширенный кусок автомобильного шоссе, в те времена стала самым загруженным аэропортом Африки. То был уникальный акт неповиновения, совершаемый частью международного общества, которая отказалась подчиняться правилам извращенного миропорядка, ставящего политику выше человеческих жизней.

В самой блокадной Биафре значительная часть гуманитарной деятельности была связана с заботой о детях. К середине октября 1968-го «Caritas» ежедневно раздавала 275 тысяч

10 Более подробно о месте ОЦП в современном гуманитаризме см.: ОМАКА А. О. *The Biafran Humanitarian Crisis, 1967–1970: International Human Rights and Joint Church Aid*. Vancouver: Fairleigh Dickinson University Press, 2016.

пайков в 372 центрах питания. Столько же распределял и Всемирный совет церквей. На ночных бортах, прибывавших с Сан-Томе, привозили в основном медикаменты и продукты с высоким содержанием белка: там были норвежская треска, голландские лекарства и плазма крови, итальянское оборудование для детских лагерей, датские лекарства, немецкие больничные сыворотки, сливочное масло, молоко, мясные и рыбные консервы, фасоль и рис. К сентябрю 1969 года в распоряжении ОЦП были в общей сложности шестнадцать самолетов, которые переправляли в среднем 150–180 тонн грузов за ночь. Это покрывало лишь 40% того минимума, который требовался для проведения успешной гуманитарной операции¹¹. При многих центрах питания были развернуты лазареты, где крайне истощенным детям оказывалась медицинская помощь. Хотя благодаря «воздушному мосту» уровень смертности среди малышей Биафры удалось радикально снизить, для спасения всех больных и умирающих детей требовались дополнительные усилия.

НИКОЛАС ОМЕНКА

ВОЙНА В БИАФРЕ И ДЕТИ:
ЭВАКУАЦИЯ, РЕАБИЛИТАЦИЯ,
РЕПАТРИАЦИЯ

ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ

Обсуждение эвакуации

Во всех вооруженных конфликтах и крупных катастрофах главными жертвами обычно становятся дети. Ни одна война последних десятилетий не унесла больше жизней невинных детей, чем столкновение Нигерии и Биафры. Из примерно трех тысяч ежедневных смертей лета 1968 года подавляющее большинство приходилось именно на детей. При таком уровне смертности никакая нация, будь то суверенная или стремящаяся к отделению, не могла надеяться на выживание в будущем. Угроза вымирания нависла над Биафрой еще до вмешательства «Caritas» и церковных благотворительных организаций, но, несмотря на это, предложение об эвакуации детей в другие страны оказалось дискуссионным вопросом. Позицию правительства Республики Биафра сформулировал сэр Луис Мбанефо, генеральный прокурор. Для него первостепенными были три момента. Первый он называл «проблемой среды»; под этим имелось в виду обеспечение адекватного культурного окружения, в котором детям Биафры предстояло жить после того, как они вылетят и окрепнут. Во-вторых, поскольку мятежную республику признали лишь несколько стран, мест для вывоза было не так много. В случае же отправки эвакуирован-

11 См.: The Daily Telegraph. 1969. September 24.

ных во враждебные страны, по мнению Мбанефо, не имелось никаких гарантий, что малыши, а также сопровождающий их персонал, включая учителей и священников, не будут вопреки их воле переданы властям Нигерии. В-третьих, Мбанефо обращал внимание и на сложности логистики и неясности в том, как вывозить детей и кого именно вывозить в первую очередь. Аэродром Ули подвергался сильным бомбардировкам; собирать там большие детские группы было небезопасно, да и сам процесс отбора тех, кто подлежит эвакуации, тоже представлялся нелегким делом. Генеральный прокурор, однако, заявлял, что правительство Биафры не отказывается от перемещения детей в принципе. «Каждое решение на этот счет, – сказал он, – должно рассматриваться отдельно, со всесторонним учетом того, куда и на каких условиях проводится эвакуация, а также кто за нее отвечает»¹².

Стоит обратить внимание на упоминание враждебных стран. Организация африканского единства и большинство ее членов выступили категорически против отделения Биафры. Даже те страны, которые декларировали свой нейтралитет, тайком поддерживали Нигерию. Своего рода лидером этой группы выступал Камерун. Имея общую границу с бывшим Восточным регионом Нигерии, это государство казалось максимально удобным местом для вывоза голодающих и умирающих детей. Однако в силу своего злополучного нейтралитета оно решительно противилось всем попыткам вовлечь его в гуманитарные усилия, касающиеся Биафры. В сентябре и октябре 1968 года протестантская и католическая церкви Швейцарии обратились к своим партнерам в Камеруне с просьбой учредить – по согласованию с камерунским правительством – сиротский приют, готовый принять голодающих малышей, эвакуированных из Биафры. Швейцарские церкви были готовы взять на себя опеку над детьми. В той ситуации камерунские церкви сделали даже больше, чем от них ожидалось; они учредили Камерунскую организацию помощи – агентство, назначением которого была исключительно помощь детям, пострадавшим от нигерийского конфликта. Населенные пункты Тико и Мамфе, расположенные неподалеку от границы, должны были стать главными транзитными центрами для переправки детей-беженцев. Но реализация проекта всецело зависела от одобрения камерунского правительства¹³.

Камерунский вариант был снова рассмотрен на встрече представителей ОЦП в Риме, состоявшейся 8 ноября 1968 года.

12 *Burgess Carr, Visit to Biafra, November 9–14, 1968: A Diary.* Archives of the German Caritas in Freiburg im Breisgau (AGC). 187.1 biaf – 04/2.

13 *Minutes of the Meetings on 15th October 1968 at 9.00 a.m. at the Presbyterian Station, Buea, West Cameroon.* AGC. 187.1 biaf – 04/3.

Своих делегатов на это мероприятие направили также «Oxfam» и ЮНИСЕФ. Монсеньор Кюн, президент швейцарской «Caritas», выразил оптимизм относительно успеха предполагаемого начинания, в особенности, если к его осуществлению удастся подключить камерунский Красный Крест. Прозвучало также предложение как можно скорее приступить к эвакуации первой группы из трехсот детей; при этом, однако, участники подчеркивали, что, пока не получено официальное разрешение властей Камеруна, проект остается «скорее академическим»¹⁴. В конечном счете, авторизации так и не последовало: политические резоны в очередной раз взял верх над человеческими жизнями.

Между тем среди международных организаций, оказывающих гуманитарную помощь, единодушия тоже не было. Например, «Международный союз защиты детей» воспринимал идею эвакуации довольно прохладно; эта организация предпочитала скорее оказывать помощь на месте, подчеркивая, что «африканский ребенок в гораздо большей степени, чем другие дети, привязан к собственной этнической среде». Ссылаясь на ограниченность имеющихся ресурсов, она заявляла, что перевозка детей в другие страны обернется «мобилизацией колоссальных усилий с ограниченным результатом»¹⁵. Эта позиция поддерживалась и ЮНИСЕФ.

Как и большинство членов ОЦП, а также Красного Креста, американская «Catholic Relief Services USA» была в первую очередь озабочена поддержкой «воздушного моста» и не считала эвакуацию детей неотложным приоритетом. Она обращала внимание на значительные успехи, достигнутые с помощью авиации, и утверждала, что наиболее предпочтительной опцией выступает наращивание интенсивности перелетов при сохранении особого акцента на нуждах детей. На другом краю спектра мнений находилось французское отделение организации «Terre des Hommes», чей представитель, Роберт Финк, предлагал заставить французские министерства и ведомства принять детей из Биафры во Франции. Разумеется, его инициатива была отвергнута французским правительством.

Официальная политика «Caritas Internationalis» была представлена в пресс-релизе, обнародованном 31 октября 1968 года. В нем говорилось, что организация готова участвовать в эвакуации детей только в соседние страны, и не дальше. Именно эта точка зрения в конечном счете и возобладала после того, как правительство Биафры неохотно, но все-таки согласилось

НИКОЛАС ОМЕНКА

ВОЙНА В БИАФРЕ И ДЕТИ:
ЭВАКУАЦИЯ, РЕАБИЛИТАЦИЯ,
РЕПАТРИАЦИЯ

14 *Report on Meetings of Joint Church Aid, Held in the Conference Room of Justicia et Pax, Palazzo San Calisto, Rome, on Friday and Saturday, November 8–9, 1968.* AGC. 187.1 biaf – 06/2.

15 *Pierre Zumbach, Secretary-General, To Save the Children of Nigeria-Biafra.* Geneva, 10 September 1968. AGC. 187.1 biaf – 04/2.

на эвакуацию наиболее истощенных детей в дружественные африканские государства¹⁶.

Решение правительства мятежной республики разрешить эвакуацию детей мотивировалось двумя факторами. Во-первых, отсутствием адекватной медицинской помощи для тяжелобольных в самой Биафре. Скудно оснащенные госпитали были переполнены ранеными солдатами, а больничных коек для малышей элементарно не хватало. Во-вторых, невозможностью обеспечить безопасность детей из-за постоянных бомбардировок медицинских учреждений по всей территории анклава. Правительство Биафры согласилось на эвакуацию при условии, что дети будут выезжать только в соседние дружественные африканские государства; что последующая репатриация будет осуществлена как можно скорее и что не должно быть никакой эвакуации в Европу – за исключением случаев, когда к этому вынуждает особо сложное лечение или когда у больного ребенка есть европейские родственники.

Процесс эвакуации

Как только Одумвегу-Оджуква, президент самопровозглашенной республики, дал разрешение на эвакуацию, «Terre des Nommes» и французский Красный Крест спешно начали вывозить детей, находящихся в критическом состоянии, в Берег Слоновой Кости¹⁷ и Габон – две из пяти стран, которые официально признали Биафру (остальные – Танзания, Замбия и Гаити). Небольшое число детей были эвакуированы в Лусаку, столицу Замбии; позже, однако, это направление было исключено из-за неудобной логистики.

Процедуру эвакуации не удалось подготовить должным образом; так, около четверти детей, доставленных в Либревиль, столицу Габона, прибыли туда без каких-либо документов, их имена и места рождения были неизвестны. Это создавало огромные трудности в плане обеспечения адекватного ухода за юными беженцами и распределения ответственности за них. По большей части это были дети, потерявшие в бунте в той невероятной неразберихе, которая была вызвана обстрелами городов и деревень наступающими федеральными войсками. На встрече в Риме, состоявшейся в ноябре 1968 года, ОЦП проанализировала эти проблемы и разработала базовые принципы, которые в дальнейшем применялись для регулиро-

16 *Caritas Internationalis Defines Policy on Child Relief in Biafra, Geneva, 31 October 1968.* AGC. 187.1 biaf – 04/2.

17 Официальное решение о том, что географическим названием этой страны должно быть французское словосочетание Кот д'Ивуар, было принято только в 1985 году. Поскольку описываемые в статье события происходили раньше, здесь и далее используется название, действовавшее на тот момент. – *Примеч. перев.*

вания эвакуации до самого конца войны. В их число входили: 1) наличие согласия правительств обеих сторон – отправляющей и принимающей; 2) согласованная и четкая политика отбора детей-беженцев в самой Биафре; 3) надлежащая подготовка как отправляющей, так и принимающей стороны; 4) договоренность о том, что каждый ребенок после реабилитации должен иметь право вернуться домой.

Правительство Берега Слоновой Кости, которое с самого начала заявляло о готовности принять детей из Биафры, поручило местному отделению Красного Креста возглавить этот проект. В свою очередь французский Красный Крест и «Terre des Hommes» незамедлительно воспользовались этим предложением и приступили к эвакуации ограниченного числа детей в Абиджан. Однако ОЦП не смогла последовать их примеру из-за логистических ограничений. В ноябре 1968 года возникло предложение использовать для вывоза детей в Абиджан каждый второй борт, приземляющийся в Ули, но это вело к дополнительной нагрузке на самолеты, доставлявшие помощь, и угрожало дезорганизовать весь «воздушный мост»¹⁸.

Детский дом на Сан-Томе

Остров Сан-Томе в то время был одной из португальских колоний на Африканском континенте. Он стал оперативной базой ОЦП, и потому именно сюда было целесообразно доставлять детей на пустых самолетах, возвращавшихся за новой помощью после разгрузки в Ули. После долгих уговоров отца Бирна, представителя «Caritas Internationalis», который координировал операцию по оказанию помощи на острове, местный португальский губернатор согласился на реализацию этой инициативы. К сентябрю 1968 года чиновник разрешил прибытие на вверенную ему территорию 120 детей из Биафры, а забота о них вскоре превратилась для него в гуманитарный проект первостепенной важности. В ноябре монсеньор Байер, генеральный секретарь «Caritas Internationalis», сообщал, что губернатор «существенно обогатил» первоначальную идею¹⁹. Планы чиновника в отношении детей включали строительство комплекса стационарных зданий с собственным госпиталем и зоной рекреации. Представитель ЮНИСЕФ рассказывал: «Мы с отцом Бирном попытались вернуть его с небес на землю, предложив вместо постоянных построек ограничиться временными; он согласился, но настоял на расширенном штате медсестер и докторов»²⁰. О детях за-

НИКОЛАС ОМЕНКА

ВОЙНА В БИАФРЕ И ДЕТИ:
ЭВАКУАЦИЯ, РЕАБИЛИТАЦИЯ,
РЕПАТРИАЦИЯ

18 *Report on Meetings of Joint Church Aid...*

19 *Ibid.*

20 *Excerpts from the Transcript of Tapes from Mr. George Orick, Sao Tomé, 18 September 1968.* AGC. 187.1 b1af – 04/2.

ботились в основном ирландские монахи, которые были вынуждены бежать из Биафры из-за войны. Проект курировался специальным комитетом, который возглавлял сам губернатор. У каждого прибывшего малыша был индивидуальный пакет документов, включавший его историю болезни. Среди организаций, которые финансово поддерживали проект, были «Caritas Internationalis», австрийская «Caritas», а также ежедневная итальянская газета «La Stampa», передавшая комитету пожертвования своих читателей.

«Детская деревня» в Либревиле

«Детская деревня», построенная на окраине столицы Габона, стала крупнейшим экуменическим проектом, когда-либо осуществлявшимся на африканском континенте в интересах детей, которые пострадали от военных действий. Этот совместный гуманитарный проект немецких католиков и протестантов оказался первым подобным начинанием со времен Реформации. В отчете об этом учреждении, датированном июлем 1969 года, говорится о 26 сборных домах. Шесть из них составляли терапевтическое отделение, где размещались 360 детей. Туберкулезное отделение, насчитывавшее еще шесть строений, также предназначалось для 360 маленьких пациентов. 806 выздоравливающих детей жили в четырнадцати домах, составлявших то, что можно было назвать «главной деревней». В каждом из этих зданий предполагались еще по шестьдесят дополнительных мест – за счет установки двухъярусных кроватей. В дополнение к упомянутым 26 жилым постройкам имелись еще четыре здания для проживания европейского персонала и два для сотрудников из Биафры. В отдельном строении располагался актовый зал; наконец, имелся технический блок с кухней, холодильными камерами, прачечной и складскими помещениями. Все здания были оснащены водопроводом, электричеством и прочими удобствами, позволявшими детям и обслуживающему их персоналу чувствовать себя комфортно. Это действительно была миниатюрная современная деревня. Согласно имеющимся подсчетам, ежемесячные расходы на содержание 1500 детей, 90 африканских и 60 европейских сотрудников составляли 400–415 тысяч немецких марок. Львиная доля этих средств приходилась на зарплату и проживание²¹.

Чтобы снять озабоченность правительства Биафры по поводу «культурной среды», в которой детям придется жить после реабилитации, большую часть персонала детского дома

21 Report Part A: Expenditure and Administration, Libreville, 27 July 1969. AGC. 187.1 b1af – 10/1.

укомплектовали медиками, воспитателями и священниками, приехавшими из Биафры. Эти взрослые игбо, мужчины и женщины, обеспечивали самый тщательный уход, в котором остро нуждались маленькие пациенты, оказавшиеся вдали от дома и без родителей.

Сердцем деревенского комплекса была детская клиника, которая считалась в то время «самой оснащенной в центрально-африканском регионе»²². Вместе с тем нехватка медицинских кадров оставалась постоянной проблемой. В докладах о работе учреждения отмечалось, что тринадцать врачей из первоначально набранных продержались на своих местах очень недолго; их пришлось заменять. Двое, однако, выделялись своей преданностью учреждению и продолжительной службой. Первым надо упомянуть доктора Океахилама, педиатра из Биафры, возглавлявшего весь медицинский комплекс детского дома; его неизменно хвалили за глубокое знание тропических болезней и неустанную заботу о детях. Вторая – это немецкая женщина-врач, госпожа Бонн, работавшая в проекте с самого начала. Ее контракт заканчивался в августе 1969 года, но, вместо того, чтобы вернуться в Германию, она предпочла отправиться в Биафру, чтобы возглавить там педиатрическую клинику в Окпоро, где работала до завершения войны в январе 1970-го.

Педиатрическая клиника в Окпоро

Не всех тяжелобольных детей можно было эвакуировать из Биафры по воздуху, и для таких пациентов немецкая «Caritas» открыла специальную детскую клинику на территории самого анклава, в Окпоро. Ремонт в заброшенном здании начался в июле 1969 года, и уже через несколько недель оно, приведенное в порядок, начало принимать первых больных. В клинике трудилась команда европейских врачей во главе с доктором Бонн, пять медсестер и волонтеров из Европы, а также два брата из монашеской общины, основанной католическим подвижником Шарлем Фуко. Большая часть команды перед этим поработала в детском доме в Габоне и имела надлежащий практический опыт. В клинике были также 216 местных сотрудников. В качестве вознаграждения за труд они получали продовольственные пайки, позволявшие выживать им и членам их семей.

Учреждение также служило сборным пунктом для детей, отправляемых в Либревиль. К моменту падения Биафры в январе 1970-го почти тысяча малышей прошла здесь курс лечения.

22 *Hilfsaktion in Libreville für Kinder aus Ost-Nigeria*. AGC. 187.1 nige – 17/1.

9 января 1969 года, когда федеральные войска вплотную подошли к взлетно-посадочной полосе Ули, команда передала клинику на попечение местного доктора и ирландской медсестры. К сожалению, проект в Окпоро не успел заработать в полную силу до гибели мятежного государства, но он вновь начал действовать во время послевоенного этапа реабилитации – вновь под эгидой «Caritas».

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА К РЕПАТРИАЦИИ

После внезапного прекращения войны в январе 1970 года встал вопрос о репатриации детей, ранее вывезенных в Берег Слоновой Кости и Габон. В разрешение разногласий, связанных с этой темой, были вовлечены принимающие страны, а также гуманитарные организации. В число последних входили немецкие «Caritas» и «Diakonisches Werk», которые создали «детскую деревню» в Либревиле и управляли ею; «Caritas Internationalis», которая частично финансировала это начинание; ирландская благотворительная организация «Consegn», поддерживавшая «воздушный мост» Либревиль–Биафра. К тому моменту одна из двух принимающих стран уже «решительно заявила» о том, что запрос на репатриацию детей-беженцев должен инициироваться на правительственном уровне – то есть должен исходить прежде всего от нигерийского правительства²³. Из такой постановки вопроса вытекало, что Берег Слоновой Кости и Габон намеревались использовать репатриацию в качестве разменной монеты в своих попытках смягчить и задобрить Нигерию после того, как они сначала признали, а потом долго поддерживали рухнувшую теперь Биафру.

Еще более серьезным препятствием для репатриации стало противостояние между нигерийским правительством и гуманитарными организациями, ни одна из которых в глазах властей Нигерии не была на хорошем счету. Их обвиняли в покушении на суверенитет страны и ее территориальную целостность, а также в затягивании войны посредством «воздушного моста». Более того, «Caritas» и ОЦП были упомянуты в «черном списке», который генерал Якубу Говон обнародовал 14 января; в документе перечислялись страны и структуры, лишённые права участвовать в восстановительных работах послевоенного периода. Пока боевые действия продолжались, сотрудники иностранных гуманитарных организаций прибывали в Биафру, получая въездные визы правительства самопровозглашенной республики. Завершение войны покончило с этой практикой, и эти

23 J.K. Amisah, *Archbishop of Cape Coast, the Repatriation of the Refugee Children: Preliminary Report, Geneva, Easter Monday, 1970*. AGC: 187.1 nige – 17/1.

люди столкнулись с мрачной перспективой оказаться в разряде персон *non grata*. По указанным причинам, прежде, чем начать репатриацию, гуманитарным организациям предстояло преодолеть полосу дипломатических препятствий, причем на двух уровнях сразу – и на церковном, и на правительственном.

НИКОЛАС ОМЕНКА

ВОЙНА В БИАФРЕ И ДЕТИ:
ЭВАКУАЦИЯ, РЕАБИЛИТАЦИЯ,
РЕПАТРИАЦИЯ

Пока боевые действия продолжались, сотрудники иностранных гуманитарных организаций прибывали в Биафру, получая въездные визы правительства самопровозглашенной республики. Завершение войны покончило с этой практикой, и эти люди столкнулись с мрачной перспективой оказаться в разряде персон *non grata*.

Подготовительные мероприятия на церковном уровне

Поскольку благотворительные организации не могли апеллировать к правительству Нигерии напрямую, они надеялись «пробудить нигерийских церковных лидеров, как протестантов, так и католиков, обратиться к властям с просьбой инициировать репатриацию детей-беженцев»²⁴. Однако руководство местных христианских церквей, поддерживавшее в годы войны разные стороны, по-прежнему оставалось сильно поляризованным²⁵. К марту 1970 года, когда в Габоне и Береге Слоновой Кости началась подготовка к репатриации детей Биафры, у гуманитарных агентств не имелось дружественного им представителя в нигерийских церковных кругах. Епископ Окойе из Порт-Харкорта был единственным епископом, который, осуществляя служение в павшей Биафре, по-прежнему пользовался достаточным дипломатическим влиянием, чтобы обратиться к правительству Нигерии по данному вопросу. Однако этот иерарх не смог вернуться домой из Того, где принимал участие во встрече западноафриканских епископов, проходившей в Ломе с 9-го по 12 января – как раз в те дни, когда война внезапно завершилась. В результате у церковных благотворительных организаций остался единственный вариант: обратиться за помощью к кому-то из зарубежных церковных лидеров.

Они остановили свой выбор на Джоне Кодво Амиссе, архиепископе ганского города Кейп-Кост. 13 марта 1970 года этому

24 ОМЕНКА N.I. *Blaming the Gods: Christian Religious Propaganda in the Nigeria-Biafra War* // Journal of African History. 2010. Vol. 51. № 2. P. 367–389.

25 Ibid.

иерарху была отправлена каблограмма, которую он позже охарактеризовал как «загадочную»²⁶. Через три дня после этой депеши в Гану прибыла делегация «Caritas Internationalis», объяснившая архиепископу, почему он был выбран в качестве посредника. Дело в том, что именно Амисса председательствовал на встрече руководителей нигерийских церквей в Ломе, которая к тому моменту оставалась самой значительной совместной экуменической акцией в поддержку мира, предпринятой самими нигерийскими христианами. Как председатель этого уникального саммита архиепископ Амисса воспринимался «Caritas Internationalis» и другими церковными благотворительными агентствами в качестве ключевой фигуры в предстоящей акции. Именно ему предстояло реализовать двухэтапную стратегию, в которой сначала требовалось объединить поляризованное руководство нигерийских церквей, а затем при его поддержке побудить воинственно настроенное нигерийское правительство не только согласиться на возвращение детей и их опекунов, но и принять участие в самой репатриации – как того требовали принимающие иностранные государства.

Если о ком-то и можно сказать, что он реально подготовил почву для возвращения эвакуированных детей, так это об архиепископе Амиссе. Разнообразие проведенных им тайных – или, как он предпочитал их называть, «частных» – консультаций понастоящему впечатляет. Среди них прежде всего стоит упомянуть организованную в Лагосе встречу с нигерийским церковным руководством, которое представляли архиепископ Эгги и епископ Кейл. В ходе встречи с епископатам Восточно-Центрального штата, куда Амисса нанес «неожиданный визит» 23 июня 1970 года, он сообщил собранию о своих инициативах, направленных на подготовку возвращения эвакуированных детей из Габона²⁷. Ганский архиепископ также наладил связи с Католическим секретариатом в Лагосе и Христианским советом Нигерии – двумя административными структурами, чья помощь в возвращении детей Биафры на родину позже окажется решающей.

Памятуя об особенностях нигерийской церковной политики, Амисса посетил штаб-квартиру Всемирного совета церквей в Женеве и убедил протестантов принять участие в запускаемом проекте репатриации. Кроме того, он объявил, что после визита в Нигерию и Либревиль будет готов встретиться в Найроби с генеральным секретарем Всеафриканского совета церквей, чтобы проинформировать возглавляемое им объединение о предстоящей операции. По его словам, дело будет сделано,

26 Ibid.

27 *Minutes of the Meeting of the Bishops of the East Central State Held at Bishop's House on 23 June 1970.* ACDE.

«если всеблагой Господь позволит ему послужить в интересах человечества и детских душ»²⁸.

Тем временем в Риме и Либревиле также предпринимались серьезные усилия, направленные на обеспечение упорядоченной репатриации детей. В феврале 1970 года доктор Куки, бывший посланник Биафры в Габоне, посетив «детскую деревню», выступил с предложением об ускорении отправки детей домой. Руководители, непосредственно отвечавшие за содержание центра, а именно отец Пинус («Caritas Internationalis») и отец Рухманн (немецкая «Caritas») – приветствовали эту идею, прежде всего из-за массового оттока обслуживающего персонала, в особенности учительниц и медсестер из числа игбо. Ответственные лица видели в этом «одну из причин, заставляющих репатриировать детей максимально быстро»²⁹.

Действительно, после окончания войны многие из женщин, которые ухаживали за детьми, уехали в Европу для продолжения учебы или в попытках найти себе мужей³⁰. Уезжали и мужчины. Так, доктор Океахилам, один из врачей-педиатров, занял преподавательскую должность в Замбии. Директора детского учреждения особенно поразило то, что ради продолжения учебы захотел уехать и один из католических капелланов. «Для священника-игбо сейчас не время уезжать в Америку», – заявил этот руководитель в ответ на поданное ему прошение³¹. Бегство персонала нарушило нормальное функционирование «детской деревни». В отчаянной попытке положить конец отъездам отец Рухманн через епископа Окойе начал высылать деньги семьям сотрудников; тем самым он надеялся убедить их «остаться, чтобы помочь своему народу, который находится в столь великой нужде»³².

Несмотря на такое развитие событий, руководители «Caritas Internationalis» и немецких церковных организаций были категорически против поспешной и непродуманной репатриации. Администраторам «детской деревни» в Либревиле было рекомендовано продолжать работать в сотрудничестве с габонскими властями до тех пор, пока «ситуация не позволит приступить к репатриации детей групповым образом»³³. Между тем Христианскому совету Нигерии и национальной Конференции католических епископов было предложено проинформировать нигерийское правительство о том, что дети вернутся домой группами после того, как будет установлен контакт с их семьями и местами постоянного проживания.

28 J.K. Amisshah, *Archbishop of Cape Coast, the Repatriation of the Refugee Children...*

29 Fr. Ruhmann to Bishop Okoye, Libreville, 23 June 1970. ACDE.

30 Fr. Godwin Ukwuaba to Bishop Okoye, Libreville, 26 May 1970. ACDE.

31 Fr. Ruhmann to Bishop Okoye, Libreville, 23 June 1970.

32 Ibid.

33 Bayer to Fr. Pinus, Rome, 9 March 1970. AGC: 187.1 b1af – 08/1.

НИКОЛАС ОМЕНКА

ВОЙНА В БИАФРЕ И ДЕТИ:
ЭВАКУАЦИЯ, РЕАБИЛИТАЦИЯ,
РЕПАТРИАЦИЯ

Решение притормозить процесс в определенной степени было продиктовано предложением о помощи, которое поступило от Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев. Ожидая репатриации, благотворительные службы, которые осуществляли детские программы, несли огромные финансовые расходы. Например, «Caritas Internationalis» должна была выделять около 42 тысяч долларов ежемесячно на содержание детей, размещенных в габонских семьях в Либревиле, а немецкие протестанты и католики тратили 150–200 тысяч долларов на функционирование «детской деревни».

Выход на сцену структуры ООН, занимающейся беженцами, произошел в подходящий момент: «детская деревня» только что потеряла своего давнего союзника и спонсора в лице ОЦП – консорциума, ответственного за «воздушный мост». Решение прекратить эту операцию было принято на экстренном совещании 22 января 1970 года в Женеве, но исполнительный орган ОЦП пока не был распущен. Встреча его ответственных лиц была назначена на 7 апреля; среди прочего на ней предполагалось обсудить и вопрос о репатриации детей в Нигерию. Реакция епископа Жана Родена, президента «Caritas Internationalis», на назначение этой встречи, свидетельствует об ухудшении к тому времени отношений между ним и ОЦП – или, что более вероятно, между ним и монсеньором Карло Байером, его собственным харизматичным представителем в ОЦП, чья широкая популярность в период воздушных операций затмила его собственную. Прежде всего Роден высказал неудовольствие относительно даты встречи, которая была назначена без его ведома. Затем он сделал следующий обескураживающий комментарий: «По сути дела а) ОЦП больше не существует и б) ОЦП никогда не перевозила детей в Либревиль и не принимала на себя ответственность за их содержание там». По его мнению, ОЦП можно проинформировать о планируемой встрече, но при этом консорциум не будет иметь никакого отношения к разрешению вопросов, связанных с репатриацией³⁴.

Встречу исполнительного органа ОЦП в конечном счете перенесли на 16 апреля – на дату, выбранную самим Роденом. Когда на обсуждение был вынесен вопрос о будущем ОЦП, отношение руководителя «Caritas Internationalis» к консорциуму сделалось вполне очевидным. Среди прочего он предложил интегрировать ОЦП в состав межцерковного отдела благотворительной помощи Всемирного совета церквей³⁵. Другими словами, он не видел для ОЦП какого-либо будущего в качестве независимой структуры.

34 *Rodhain to Bayer, Paris, 11 March 1970.* AGC: 187.1 b1af – 08/1.

35 *Minutes of JCA Executive Working Group Meeting Held at Hotel de Bergues, Geneva on Thursday, April 1970.* AGC: 187.1 b1af – 06/1.

Подготовительные мероприятия на правительственном уровне

НИКОЛАС ОМЕНКА

ВОЙНА В БИАФРЕ И ДЕТИ:
ЭВАКУАЦИЯ, РЕАБИЛИТАЦИЯ,
РЕПАТРИАЦИЯ

В отчете Католического секретариата в Лагосе говорилось, что привлечение правительства Нигерии к репатриационным мероприятиям остается «деликатным политическим вопросом»³⁶. Поскольку все дипломатические связи между Нигерией и Габоном были разорваны, потребовалось посредничество Камеруна, чтобы усадить обе страны за стол переговоров. В октябре 1970 года Нигерию посетил Верховный комиссар ООН по делам беженцев, господин Джеймисон; как сообщал секретарь немецкой «Caritas», доктор Георг Шпехт, именно благодаря его вмешательству было достигнуто соглашение о репатриации детей из Габона и Берега Слоновой Кости³⁷.

С точки зрения нигерийского правительства, двумя камнями преткновения оставались вопросы об агентстве, которому будет поручено осуществление репатриации, а также о пункте, где репатриантам предстояло пересекать границу. В то время как благотворительные организации хотели, чтобы дети были возвращены через церковных посредников, власти Нигерии настаивали на том, чтобы репатриацией занималась Комиссия по восстановлению Восточно-Центрального штата в сотрудничестве с «Международным союзом защиты детей». Такая позиция отражала отношение правительства к католической церкви: власти были крайне раздражены деятельностью церковных гуманитарных структур – в частности, «Caritas», – осуществлявшейся в сепаратистском анклавом во время войны. В связи с этим в январе 1970 года Католическому секретариату пришлось даже «выразить недоумение» по поводу решимости правительства «отстранить персонал [секретариата] от участия в работе по оказанию помощи в анклавом»³⁸.

Что касается вопроса о пункте въезда, то логичной представлялась доставка детей в аэропорт Энугу – столицы Восточно-Центрального штата, – где большая часть малышей-игбо проживала до войны. Но федеральное правительство хотело предвзительно собрать всех детей в Лагосе. Монсеньор Байер, генеральный секретарь «Caritas Internationalis», справедливо замечал, что перевозка детей в лагерь, расположенный в Лагосе, не кажется разумной, поскольку она станет для них «новым потрясением»³⁹. В конце концов, пунктом въезда репатриантов был все-таки выбран Порт-Харкорт.

36 *Report on German Caritas Grants. September 1, 1970 to March 31, 1971.* Archives of the Catholic Secretariat of Nigeria, Lagos (CSL). WE 7/A-I.

37 *G. Specht, Relief for Nigeria from 1 January to 19 October 1970.* AGC: 187.1 nige – 02/5.

38 *Statement of Father John McCarthy, Assistant Secretary of the Social Welfare Department, Catholic Secretariat of Nigeria to the National Advisory Commission of Voluntary Agencies, January 29, 1970.* AGC: 187.1 nige – 01/1.

39 *Bayer to Fr. Pinus, Rome, 9 March 1970.*

В июне 1970 года власти Восточно-Центрального штата Нигерии и «Международный союз защиты детей» подписали меморандум о взаимопонимании. Обязательства, которые принимал на себя штат, среди прочего включали:

- рекрутирование специально подготовленного местного персонала;
- таможенное оформление и хранение прибывающих вместе с эвакуированными материалов и оборудования;
- предоставление гарантий личной безопасности сотрудникам «Международного союза защиты детей»;
- в случае необходимости наем дополнительных специалистов по уходу за детьми и выплата им заработной платы;
- обеспечение жильем иностранного персонала, участвующего в акции;
- предоставление питания, а также образовательных и медицинских услуг детям и лицам, осуществляющим уход за ними.

В свою очередь обязательства «Международного союза защиты детей» предполагали:

- предоставление иностранных консультантов, содействующих реализации планируемых мероприятий, включая идентификацию детей, систематическое сопровождение их переселения и воссоединения с родственниками, а также оказание финансовой помощи семьям, в которые возвращаются эвакуированные;
- выплата заработной платы части нигерийского персонала;
- предоставление транспортных средств для консультативного персонала, а также покрытие прочих его расходов.

Как видно из перечисленных пунктов, соглашение не упоминает местные церкви и иностранные благотворительные организации в качестве участников репатриации. На деле же, как выяснилось в будущем, вся операция, включая и последующие реабилитационные программы, основывалась на финансовом и материальном вкладе немецкой «Caritas» и некоторых других иностранных структур, а также на бескорыстных усилиях местных церквей.

2 сентября 1970 года Католический секретариат Нигерии издал двухстраничную директиву, которая была направлена всем координаторам социальной работы на пострадавших от войны территориях в Восточно-Центральном штате, штате Кросс-Ривер и штате Риверс⁴⁰. Можно усмотреть грустную иронию в том, что вся эта обширная сеть, нацеленная на послевоенное восстановление, в свое время создавалась двумя немецкими гуманитарными организациями. Первой из них была «Misereor», курируемая Немецкой епископской конференцией, а второй – уже не раз упоминавшаяся «Caritas», которой теперь из-за гонений

40 Joseph C. McKenna, *Repatriation of Children from Gabon. Lagos, 2 September 1970*. CSL.

нигерийских военных властей приходилось работать под псевдонимом «Организация доктора Шпехта». Среди прочих мер в директиве Католического секретариата прописывалась и процедура самой репатриации. Хотя церкви и не участвовали в подписании меморандума о взаимопонимании между правительством Восточно-Центрального штата и «Международным союзом защиты детей», правительство Нигерии все-таки решило привлечь к акции местные волонтерские агентства, среди которых Католический секретариат был самым заметным.

Среди помощи, которую могла предложить католическая церковь, в директиве Католического секретариата Нигерии упоминалось следующее:

- предоставление грузовиков для перевозки багажа на дальние расстояния;
- транспортировка детей на близкие расстояния из транзитных центров в их родные деревни;
- волонтерские услуги католического духовенства и верующих-мирян;
- предоставление религиозного попечения в центрах приема беженцев;
- помощь на местах в розыске семей репатриированных детей.

Приемные центры (транзитные лагеря)

Приемные центры, или транзитные лагеря, были созданы в соответствии с комплексным планом, разработанным педиатром-консультантом, доктором Ифеквунигве, в марте 1970 года. Они служили сборными пунктами, из которых возвращающиеся дети отправлялись к своим семьям. Наличие таких лагерей считалось необходимым в связи с акклиматизацией детей перед воссоединением с родителями, а также переходом на местную пищу. Приемный центр должен был отвечать следующим базовым требованиям:

- наличие подходящих зданий для общежитий детей и домов персонала;
- наличие элементов жизнеобеспечения, включая кровати, постельные принадлежности, одеяла, электрогенераторы и тому подобное;
- наличие рекреационных пространств;
- наличие медицинского пункта;
- наличие адекватного питания;
- наличие обученного персонала, включая врачей, медсестер, социальных работников, учителей.

К октябрю 1970 года в Порт-Харкоте, Икот-Экпене, Азумини, Нгор Окпала и Мгбиди были открыты пять транзитных лагерей для детей, возвращающихся в страну.

РЕПАТРИАЦИЯ ДЕТЕЙ ИЗ ЛИБРЕВИЛЯ

Долгожданная репатриация детей из Габона началась 23 ноября 1970 года. В этом месяце состоялись три вывозных рейса, каждый из которых взял в среднем сто детей. Репатриация из Либревиля продолжалась в последующие месяцы и завершилась 8 февраля 1971 года. При отправке учитывался территориальный принцип; из приемного центра в Порт-Харкоте детей распределяли в центры, которые были ближе всего к их родным местам.

Некоторых детей в военное время отправили на лечение в Германию. Их репатриация столкнулась с некоторой заминкой: у них не было нигерийских паспортов. Людвиг Штауфер, возглавлявший «Caritas» в диоцезе Шпайер и, возможно, самый неутомимый помощник голодающих в Биафре, планировал самостоятельно доставить их в Нигерию к концу августа 1971 года. С этой целью он обратился в нигерийское посольство в Бонне за необходимыми проездными документами. В ответ консульский отдел предложил ему предоставить «подписанные родителями подтверждения того, что они готовы принять своих детей, а в том случае, если родители по какой-то причине не смогут сделать этого, гарантийные письма от Национальной комиссии по восстановлению, Католического секретариата Нигерии или архиепископа Фрэнсиса Аринзе, согласно которым они примут на себя ответственность за этих детей»⁴¹. Национальная комиссия по восстановлению обсудила этот вопрос с Министерством иностранных дел, которое в свою очередь предложило посольству в Бонне выдать отъезжающим все необходимые документы на том основании, что комиссия выразила готовность «принять детей и содержать в приемных центрах [sic] до тех пор, пока их не заберут родственники»⁴².

Исходя из этой договоренности пятеро детей были доставлены из Германии в Нигерию 15 декабря 1971 года – правда, в сопровождении брата Рульманна и сестры Синнер, а не доктора Штауфера, как планировалось изначально. Последнему было рекомендовано в ближайшее время не появляться в Нигерии, причем как в его собственных интересах, так и в интересах Католического секретариата. Поясняя доктору смысл этого решения, церковное руководство отмечало: эту рекомендацию следует увязывать с инцидентами, имевшими место в ходе последнего визита Штауфера в пострадавшие от войны районы⁴³. Подробности относительно инцидентов не сообщались, но вся эта история показывает, насколько сложным делом была ра-

⁴¹ J.P. Ruhlmann to G.G. Ganaka, Libreville, 29 July 1971. CSL. WE 7/A-I.

⁴² Ganaka to Ruhlmann. Lagos, 19 August 1971. CSL. WE 7/A-I.

⁴³ Ganaka to Staufer, Lagos, 19 August 1971. CSL. WE 7/A-I.

бота иностранных благотворительных организаций в бывшей Биафре. Возможно, Штауфер допустил какие-то высказывания или шаги, которые не понравились нигерийским властям. Остается лишь сожалеть, что его огромный вклад в гуманитарное содействие Биафре был вознагражден именно таким образом.

Один ребенок из числа вернувшихся из Германии 15 декабря 1971 года оказался, как сообщалось, настолько нездоровым, что уже в аэропорту ему потребовалась скорая помощь. Ранее этот ребенок был очень плох, и потому, собственно, его и перевезли сначала из Биафры в Либревиль, а оттуда в немецкую клинику. Что теперь заставило отправлять его домой в критическом состоянии, остается не ясным. Эта история кажется еще более странной, если сопоставить ее со случаем другого мальчика, также отправленного лечиться в Германию: после выздоровления этот юноша был определен в немецкую школу, а с окончанием учебы для него нашли место в нигерийском филиале компании «Bayer».

Еще десять детей прибыли домой 24 августа 1972 года в сопровождении того же отца Рульманна. Репатриантов разместили в детском общежитии «Армии спасения» в Лагосе. В Германии после выписки из больницы детей выхаживали в немецких семьях, причем двоим из них – Виталису Окорафору и Сирине Элегбе – их временные немецкие родители оплатили школьное обучение после возвращения на родину. В момент репатриации Виталису было десять лет, а Сирине девять.

На каждого репатрированного ребенка заводилось регистрационное дело, содержащее личные данные и медицинскую карту. Эта информация была исключительно важна для программы последующей помощи. Дети, доставленные в приемные центры, в первую очередь регистрировались и обследовались на предмет инфекционных заболеваний. Пока разыскивались или оповещались родители и родственники, их размещали и обустроивали в приемных центрах. Те дети, с происхождением которых все было ясно, довольно быстро воссоединялись со своими семьями.

Приемный центр в Мгбиди со временем превратился в штаб-квартиру «Международного союза защиты детей». Первоначально в этом здании располагалась школа, а во время войны его занял военный госпиталь. Здесь одновременно могли жить семьсот детей; при здании имелась большая игровая площадка. Было также больничное отделение с обученным медперсоналом, которым руководил доктор Зерфас – австралийский врач и глава медицинской команды Союза. Административным директором центра был англичанин по фамилии Уильямс. «Международный союз защиты детей» совместно с Комиссией

НИКОЛАС ОМЕНКА

ВОЙНА В БИАФРЕ И ДЕТИ:
ЭВАКУАЦИЯ, РЕАБИЛИТАЦИЯ,
РЕПАТРИАЦИЯ

по восстановлению штата занимался приемом репатриированных и подготовкой их к воссоединению с родителями.

Репатриация детей из Габона прошла успешно, за исключением эпизода, который был охарактеризован как «единичный сбой»⁴⁴. Группа из 53 детей, среди которых были и тяжелобольные, репатриировалась 27 января 1971 года. В полете из Либревиля в Порт-Харкорт их сопровождали доктор Олупитан, педиатр из Университетской учебной клиники Ибадана, и доктор Арчиллес, педиатр из клиники Либревиля. Перелет в Нигерию и автобусная поездка в Мгбиди, где находился назначенный для этой группы транзитный лагерь, прошли гладко и по плану для всех – за исключением восьми наиболее больных детей. В аэропорту Порт-Харкорта рейс должна была встречать медсестра, которой надлежало сопровождать самых тяжелых пациентов в дороге до транзитного пункта, но она так и не появилась. Два врача были вынуждены арендовать частный самолет, который и доставил лежачих больных в Энугу. Прямо в аэропорту их встретила доктор Кейн, немедленно сопроводившая детей в специализированную больницу. Ей также был передан месячный запас медикаментов, что до глубины души обрадовало доктора Кейн, поскольку, по ее словам, в медицинских учреждениях Восточно-Центрального штата не было буквально ничего. Подобные самоотверженность и преданность были присущи всем, кто отвечал за репатриацию; эти люди не жалели ни средств, ни сил для выполнения своей миссии.

ДЕТИ ИЗ ЧИСЛА ВНУТРЕННЕ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ

Из-за своей драматичности и медийного внимания репатриация детей Биафры из Габона и Берега Слоновой Кости затмила более масштабные и срочные реабилитационные мероприятия, проводимые в интересах детей из числа внутренне перемещенных лиц. Для них были созданы свои транзитные центры в Ихиоме, Изуаколи, Окпоро и Огва. Эти лагеря находились под управлением благотворительного фонда «Спасите детей». Некоторые юные беженцы воссоединялись со своими семьями непосредственно здесь; другие же – при содействии федерального Министерства здравоохранения и региональных департаментов социального обеспечения – добирались отсюда до родных мест. В основном речь шла о таких штатах, как Юго-Восточный, Риверс и Средне-Западный. Первые два входили в состав бывшего Восточного региона; во время войны перемещенные дети оказались среди миллионов беженцев, нашедших убежище в мятежном анклав.

44 Bericht über eine Reise durch Ost-Nigeria, Libreville, 15 February 1971. AGC. 187. 1 nige 02/2.

ВОССОЕДИНЕНИЕ И ПРОГРАММЫ РЕАБИЛИТАЦИИ

НИКОЛАС ОМЕНКА

ВОЙНА В БИАФРЕ И ДЕТИ:
ЭВАКУАЦИЯ, РЕАБИЛИТАЦИЯ,
РЕПАТРИАЦИЯ

Реабилитация как репатриированных, так и внутренне перемещенных детей предполагала две очень важные процедуры – отслеживание и последующую помощь. Первая из них предшествовала воссоединению, вторая следовала за ним.

Отслеживание

По имеющимся оценкам, около 25% детей, отправленных в Либревиль, не имели никаких документов, удостоверяющих личность: их имена, семейная принадлежность, места происхождения были не известны. С ноября 1968 года ОЦП начала придерживаться жесткой документационной политики, что впоследствии позволило большинству репатриированных беспрепятственно воссоединиться со своими семьями. В большинстве случаев контакт с родителями и родственниками детей, имеющих документы, устанавливался еще до их репатриации. Возвращение же в семьи детей, у которых документов не было, оказывалось мучительным, а иногда и вовсе невозможным делом. В приемных центрах таких малышей называли «трудными»⁴⁵. К декабрю 1971 года из Либревилья и Берега Слоновой Кости был репатриирован 3971 ребенок. Из них 42 «трудных» ребенка оставались невоссоединенными в транзитном пункте Мгбиди. К октябрю того же года в центре находились еще 216 внутренне перемещенных «трудных» детей, 155 из которых были доставлены в Мгбиди из транзитных лагерей фонда «Спасите детей» в Ихियोме, Исуаколи и Окпоро⁴⁶.

Для розыска родственников использовались разнообразные стратегии:

1) *Оповещения*. Объявления с информацией о детях звучали по радио и в церквях.

2) *Представление фотографий*. В процессе репатриации альбомы с фотографиями всех детей, отправленных за границу, были разосланы правительствам нигерийских штатов и благотворительным агентствам. Массовым распространением этих фото в затронутых войной регионах занимались сотрудники социальных служб, а также церкви и прочие публичные институции.

3) *Идентификационные поездки*. В первые послевоенные месяцы общественный транспорт практически не функционировал; из-за этого родители и родственники детей, пребывавших в транзитных лагерях, особенно в Мгбиди, не имели возможности приехать туда, чтобы искать пропавших на месте. Поездки

⁴⁵ *Interim Report: I.U.C.W. Activities, July – December 1971*. CSL. WE 127/C. Vol. 1.

⁴⁶ *Ibid.*

с целью опознания предполагали отправку грузовиков в отдаленные районы – такие как Эгбема и Нгор Окпала, – чтобы доставлять оттуда в Мгбиди родителей, потерявших детей.

Все эти меры принесли определенные результаты. Из 42 репатриантов, вернувшихся из других стран и к декабрю 1971-го еще остававшихся в Мгбиди, троих удалось идентифицировать и вернуть родителям. Из 216 внутренне перемещенных детей, находившихся в том же лагере в октябре 1971 года, 59 были возвращены родственникам. Остальные дети, чье происхождение оставалось неизвестным, продолжали жить в Мгбиди.

В большинстве случаев контакт с родителями и родственниками детей, имеющих документы, устанавливался еще до их репатриации. Возвращение же в семьи детей, у которых документов не было, оказывалось мучительным, а иногда и вовсе невозможным делом.

Последующие программы помощи

В апреле 1971 года господин Окези, специалист по питанию, подготовил отчет, в котором утверждал, что 10% детей, воссоединившихся со своими семьями, «находятся в опасности» и что в большинстве случаев это связано с недоеданием⁴⁷. С начала репатриации в ноябре 1970-го и до декабря 1971-го четверо из вернувшихся в родные места умерли из-за нехватки пищи. Программа последующей помощи была призвана скорректировать те ситуации, в которых дети, прошедшие реабилитацию в транзитных лагерях и детских центрах, возвращались к родителям, не имеющим возможности заботиться о них должным образом.

До воссоединения и по ходу него были проведены детальные исследования, нацеленные на выработку медицинских, пищевых и социальных стандартов для принимающих семей. Для того, чтобы наметить адекватный уровень помощи, в которой нуждалась та или иная семья, дети были разбиты на три группы:

– Категория А. Дети, чьи родители были относительно способны заботиться о них, получая незначительное стороннее содействие.

– Категория В. Дети, чьи родители были мертвы.

⁴⁷ Ibid; см. также: OBIKEZE D.S., MERE A.A. *Children and the Nigerian Civil War: A Study of the Rehabilitation Programme for War-Displaced Children*. Nsukka: University of Nigeria Press, 1985. P. 21.

– Категория С. Дети-сироты, воссоединенные с родственниками, находящимися в крайней бедности. Сюда же помещались и дети, страдающие от таких серьезных заболеваний, как туберкулез, сердечная недостаточность или эпилепсия.

В ситуации особого риска оказывались дети из категорий В и С, для которых получение последующей медицинской и продовольственной помощи было сочтено обязательным. Именно им разработчики программ уделяли приоритетное внимание.

В каждом случае предусмотренные меры содействия реализовались командами, состоящими из медсестры, одного или двух диетологов и социального работника. Команды, работающие на местах, всегда имели с собой запас продуктов и медикаментов, а также наличные деньги для немедленной выдачи в экстренных ситуациях. Другие виды помощи, оказываемой семьям вернувшихся домой детей, включали предоставление временного жилья, сельскохозяйственных орудий, саженцев, одежды, кур-несушек и так далее. Проверки, как используется предоставленная помощь, проводились через четыре–пять недель после ее оказания. Католический секретариат Нигерии был тесно вовлечен в программы воссоединения и последующей поддержки, прикомандировав к фонду «Спасите детей» находящегося на ежемесячном жаловании полевого работника, оснащенного мотоциклом «Honda».

Программа последующей поддержки была нацелена на то, чтобы сделать семьи вернувшихся детей самодостаточными. Самым бедным семьям предоставлялось не только продовольствие, но и беспроцентные кредиты, позволяющие возобновить их довоенную хозяйственную деятельность. Учитывая, что почти каждая семья в Биафре, включая и те, которые в довоенные времена были зажиточными, вышли из катаклизма нищими, практически все семьи, вернувшие себе детей, воспользовались программами поддержки.

Помимо сиюминутного эффекта, содействие семьям в том, чтобы они могли опереться на собственные силы, решало также долгосрочную задачу. В довоенный период игбо не знали такого явления, как уличное попрошайничество. Все нищие, которых можно было встретить в их крупных городах, были выходцами либо с нигерийского Севера, либо из соседних стран. Многие представители этой этнической группы испытали настоящий шок, увидев теперь своих соплеменников побирающимися на улицах. Семьи, которые ранее были известны трудолюбием и предприимчивостью, эффективно использовали кредиты, полученные от «Caritas», выйдя на самообеспечение в рекордные сроки.

Известна история матери троих детей, перебивавшейся милостыней до того, как ей оказали помощь. Получив благотвори-

НИКОЛАС ОМЕНКА

ВОЙНА В БИАФРЕ И ДЕТИ:
ЭВАКУАЦИЯ, РЕАБИЛИТАЦИЯ,
РЕПАТРИАЦИЯ

рительные деньги, она вложила их в бизнес по выпечке бобовых лепешек и вскоре уже могла содержать свою семью сама. Был также случай тринадцатилетнего мальчика, который, стремясь прокормить себя и четырех младших братьев и сестер, занимался плетением корзин. Католический секретариат пришел ему на помощь, назначив ежемесячное пособие. Благодаря этому, его братья и сестры смогли пойти в школу, а он сам смог окончить выпускной класс. И это лишь пара примеров из множества, показывающих, как скромная поддержка помогала менять жизни ее получателей⁴⁸.

РАСХОДЫ НА УПРАВЛЕНИЕ ЦЕНТРАМИ

Теоретически расходы на содержание транзитных центров были совместным бременем всех заинтересованных государственных и общественных организаций. Но на деле основную часть финансовых тягот взяла на себя немецкая «Caritas». Парадоксальным образом эта благотворительная институция по-прежнему была отстранена федеральным военным правительством от участия в восстановительных работах из-за поддержки ею «воздушного моста» в Биафру. Однако вместо того, чтобы обиженно откланяться и полностью свернуть свою деятельность, немцы просто переименовали «Caritas» в «Организацию доктора Шпехта», а потом в «Департамент общественного служения за рубежом». Структура продолжала свою гуманитарную миссию на разоренных войной территориях, действуя через Католический секретариат Нигерии – причем с еще большим рвением.

Как только в октябре 1970 года благодаря вмешательству Верховного комиссара ООН по делам беженцев было достигнуто соглашение о репатриации детей, немецкая «Caritas» выделила на эти цели стартовый грант в размере 183 тысячи марок. Согласно отчету Католического секретариата за 1971 год, «Международный союз защиты детей» не смог выполнить свои финансовые обязательства «по причинам, не связанным с программой репатриации»⁴⁹. Поэтому Секретариат был вынужден поддерживать свою деятельность за счет части грантовой помощи, полученной им от немецкой «Caritas» на собственные реабилитационные программы. Иначе говоря, из 50 тысяч долларов, полученных от «Caritas» на расселение детей, репатрированных из Габона и Берега Слоновой Кости, Католический секретариат потратил почти 20 тысяч долларов на выплату заработной платы работникам «Международного союза», рабо-

⁴⁸ *Resettlement of In-State Displaced Children, Report, 20 July 1971.* CSI.

⁴⁹ *Report on German Caritas Grants, September 1, 1970 to March 31, 1971.*

тавшим в приемных центрах в Мгбиди и Порт-Харкорт с января по апрель 1971 года – в период, который был временем «самой интенсивной деятельности»⁵⁰. Сотрудниками, о которых идет речь, были местные жители, отвечающие за программы по розыску семей, их воссоединению и последующему сопровождению. Кроме того, в их число входили сотрудники, ухаживающие за детьми в самих центрах, а также отвечавшие за их бесперебойную работу – делопроизводство, медицинское обслуживание, питание, прачечную, охрану, транспорт и так далее⁵¹. Это была огромная платежная ведомость, от исполнения которой зависел весь реабилитационный проект.

Первоначально «Международный союз защиты детей» должен был завершить программу реабилитации к концу июня 1971 года, но федеральное правительство продлило его мандат до конца сентября, чтобы позволить организации выполнить мониторинг воссоединения вернувшихся детей с родными и позаботиться о тех детях из приемного центра Мгбиди, чьи родственники пока найти не удалось. В поисках 400 тысяч швейцарских франков, требуемых на три дополнительных месяца функционирования, женевское руководство «Международного союза» обратилось опять-таки к немецкой «Caritas»⁵². В ноябре 1971-го «Caritas» объявила, что сделанный ею очередной взнос в размере 14 965 фунтов стерлингов станет ее последним пожертвованием в программу.

1 октября 1971 года «Международный союз защиты детей» официально прекратил свою миссию в Нигерии, а заботу о детях, пребывающих в транзитном центре в Мгбиди, взяло на себя правительство Восточно-Центрального штата. Господин Чуку, его ответственный работник, занимающийся вопросами социального обеспечения, был назначен административным директором центра. Следуя курсу правительства на ликвидацию государственных домов опеки, возглавляемое им учреждение активизировало поиск приемных семей для последних детей, еще остававшихся на тот момент в центре.

* * *

Биафра стала громким сигналом тревоги, разбудившим весь мир. Урок, который она нам предлагает, предельно ясен: политика должна быть поставлена на службу людям, а не наоборот. К сожалению, дети продолжают становиться жертвами вооруженных конфликтов во всем мире, а политическое и

50 Ibid.

51 A. E. Moser to G. G. Ganaka, Lagos. 23 September 1971. CSN. WE 127/C, vol. 1.

52 Pierre Zumbach, Secretary-General of IUCW, to Georg Specht, Geneva, 21 July 1971. AGC. 187.1 nige – 17/1.

НИКОЛАС ОМЕНКА

ВОЙНА В БИАФРЕ И ДЕТИ:
ЭВАКУАЦИЯ, РЕАБИЛИТАЦИЯ,
РЕПАТРИАЦИЯ

НИКОЛАС ОМЕНКА

ВОЙНА В БИАФРЕ И ДЕТИ:
ЭВАКУАЦИЯ, РЕАБИЛИТА-
ЦИЯ, РЕПАТРИАЦИЯ

дипломатическое позерство блокирует доступ гуманитарной помощи к голодающим и страдающим маленьким людям. Война в Биафре стала предвосхищением подобных событий: она не зря признается «системообразующим опытом для современного гуманитаризма»⁵³. Гуманитарные усилия церковных благотворительных организаций, направленные на оказание помощи детям Биафры, стали первейшим уроком экуменического единения, который еще только предстоит полностью оценить и распространить на весь мир.

Перевод с английского Андрея Захарова, доцента Российского государственного гуманитарного университета

53 DE WAAL A. *Famine Crimes: Politics and the Disaster Relief Industry in Africa*. Oxford: James Currey, 1997. P. 72.

Последнее заключение

ХЕРШ
СМОЛЯР

Отрывок из книги «Где ты, товарищ Сидоров?»¹

Херш Смоляр (1905–1993) родился в бедной еврейской семье в небольшом польском городе Замбрув, который в то время входил в состав Российской империи. Когда Смоляру было 11 лет, он был вынужден бросить школу и пойти работать. Вскоре он примкнул к рабочему движению. По-видимому, на Смоляра повлиял его старший брат Натан – активист левой сионистской партии «Поалей Цион»². Впрочем, вскоре Херш Смоляр примкнул к большевикам; в 1918–1920 годах он руководил местной организацией еврейской социалистической молодежи, а в 1920-м, когда Красная армия в ходе советско-польской войны заняла Замбрув, стал членом местного Революционного комитета. После ухода красных в 1921 году Смоляр бежал из Польши в СССР.

Сперва 16-летний Смоляр поселился в Киеве, где начал активно публиковаться в местной еврейской прессе. Спустя два года его приняли в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, готовивший кадры для Коминтерна, и Смо-

Херш Смоляр (1905–1993) – еврейский писатель и журналист.

- 1 Перевод осуществлен по изданию: SMOLAR H. *Vu bistu, haver Sidorov?* Tel-Aviv: I.L. Peretz Publishing House, 1975. Мы благодарим наследников Херша Смоляра за любезное разрешение на перевод. К сожалению, мы не можем выполнить их просьбу использовать в нашей публикации оригинальный вариант фамилии автора книги – Смолар (Smolar), а не Смоляр (Smoliar), как его стали называть после войны в советской прессе, так как именно под фамилией Смоляр наш герой вошел в научный и публицистический обиход на русском языке. – *Примеч. ред.*
- 2 ETRAICH G. *Metamorphoses of Morgn-frayhayt* // ETRAICH G., KRUTIKOV M. (Eds.). *Yiddish and the Left: Papers of the Third Mendel Friedman International Conference on Yiddish*. London: Routledge, 2001. P. 176.

АРХИВ «НЗ»

ляр переехал в Москву. Находясь в Москве, Смоляр неоднократно прерывал учебу из-за партийных заданий: его посылали то в Харьков, то в Умань для усиления местных кадров еврейских коммунистов³. В 1928 году Смоляру в качестве агента Коминтерна поручили вести подпольную деятельность в Западной Белоруссии, где коммунисты находилась под запретом.

Западная Белоруссия с 1921-го по 1939 год входила в состав получившей независимость Польши, где в 1926-м установился авторитарный режим Юзефа Пилсудского, который жестко преследовал оппозицию, прежде всего левую. Из одиннадцати лет в межвоенной Польше шесть Смоляр провел в тюрьмах. Последним местом его заключения стала тюрьма строгого режима в Бресте, куда помещались самые опасные для польского государства преступники. Предлагаемый ниже фрагмент из воспоминаний Смоляра посвящен его пребыванию в этой тюрьме и побегу оттуда. В брестской тюрьме содержались осужденные по Брестскому делу⁴ («за подготовку государственного переворота») председатели оппозиционных партий, коммунисты, белорусские и украинские националисты, среди которых был и Степан Бандера. Помещение брестского замка было полностью переоборудовано под тюрьму строгого режима и надежно охранялось. 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу и началась Вторая мировая война. 13 сентября польские военные и власти оставили брестскую тюрьму и запертых в ней заключенных. Часть из них (среди которых был Смоляр) смогла сбежать, а часть осталась в камерах и была освобождена уже войсками вермахта 17 сентября. 22 сентября Брест, следуя секретному приложению к пакту Молотова-Риббентропа, был передан советским властям, которые продолжили пользоваться тюрьмой.

После побега из брестской тюрьмы Смоляр добрался до советской территории. У него не было документов, удостоверяющих личность, так что к нему отнеслись с подозрением: долго допрашивали и не хотели пропускать. Смоляру помог старый партийный товарищ, узнавший его и за него поручившийся. Позднее он сказал Смоляру, что тому повезло «сидеть там», потому что «здесь» он бы уже «лежал», намекая на репрессии 1937–1938 годов⁵. У него были основания для этих слов: многие советские коммунисты из польских евреев были арестованы и расстреляны во время Большого террора⁶. Позднее Смоляр узнал, что в его деле в советском архиве в Минске хранилась

3 ETRAJKN G. "Smolar, Hersh" // *The Yivo Encyclopedia of Jews in Eastern Europe*. New Haven: Yale University Press, 2008. P. 1764–1765.

4 Судебный процесс против руководства центристских и левых партий Польской республики, входивших в блок «Центролев». Проходил с 26 октября 1931 года по 13 января 1932 года в Варшавском окружном суде и стал одним из крупнейших политических процессов довоенной Польши.

5 SMOLAR H. *Op. cit.* S. 156.

6 ETRAJKN G. *Metamorphoses of Morgn-frayhayt*. P. 177.

телеграмма от 1937 года, в которой говорится, что его разыскивают как тайного польского шпиона⁷.

В 1940 году Смоляр оказался в Белостоке, столице Западной Белоруссии, по приглашению с гитлеровской Германией захваченной СССР. Город в то время был местом сосредоточения польско-еврейских писателей, бежавших на советскую территорию из оккупированной нацистами Польши. В Белостоке Смоляр занимался изданием коммунистической газеты на идише «Белостокер штерн» («Белостоцкая звезда»). Там же Смоляр встретил свою будущую жену Валентину Найдуса (1909–2004) – сестру поэта Льва Найдуса. Во время нападения Германии на СССР Смоляр находился в Минске, и его семье удалось эвакуироваться. Когда немцы заняли город, Смоляр оказался в гетто, где возглавил подпольную боевую организацию. Позднее ему удалось уйти из Минска, и он примкнул к местным партизанам. Уже после Второй мировой, в 1946 году, в Москве были опубликованы воспоминания Смоляра «Fun Minsker geto» («Из Минского гетто»; в русском переводе книга известна как «Мстители гетто») – одно из немногих произведений на русском языке, затрагивающих тему еврейского сопротивления. Находясь в партизанском отряде, Смоляр занимался выпуском газет на русском и идише.

В 1946-м вместе с женой Смоляр вернулся в Польшу, где занимал ключевые посты в Центральном комитете польских евреев⁸ и общественно-культурном обществе евреев в Польше⁹. До 1968 года Смоляр был главным редактором идишеязычной газеты «Folks-shtime» («Глас народа»)¹⁰. Эта газета имела особое значение как для Польши, еврейское население которой было почти полностью уничтожено во время Холокоста, так и для СССР, где до 1961 года (основание журнала «Советиш Геймланд») литературная жизнь на идише сохранялась только в Биробиджане – столице Еврейской автономной области. Статья Смоляра «Undzer veytik un undzer treyst» («Наша боль и наше утешение»), опубликованная в «Folks-shtime» в 1956 году (после доклада Никиты Хрущева о «культе личности»), пролила свет на то, как в ходе сталинских репрессий были уничтожены ключевые организации и деятели советской культуры на идиш в 1948–1952 годах. В 1968-м в ходе антисемитской кампании

ХЕРШ СМОЛЯР

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ГДЕ
ТЫ, ТОВАРИЩ СИДОРОВ?»

7 SMOLAR H. *Op. cit.* S. 253.

8 Центральный комитет польских евреев (1944–1950) – культурно-просветительская, благотворительная, образовательная и представительная организация польских евреев, выживших после Холокоста в Польше.

9 Общественно-культурное общество евреев в Польше – общественная еврейская организация в Польше, целью которой является удовлетворение культурных потребностей еврейской общины страны, ее представительство в официальных органах, развитие литературных, научных и художественных знаний, сохранение идиша и охрана еврейского наследия. Общество было основано в 1950 году и существует по сей день.

10 «Folks-shtime» – главный печатный орган евреев в послевоенной Польше (1946–1991). Газета выходила на идиш и на польском языках.

в Польше Смоляр был уволен со всех постов и исключен из партии, а его сыновья были даже арестованы.

В 1971 году Смоляр эмигрировал в Израиль, его жена и дети не последовали за ним и остались в Польше. В Израиле он работал в Иерусалимской национальной библиотеке, преподавал в Тель-Авивском университете, занимался написанием новых трудов и редактированием старых. Воспоминания «*Vu bistu, khaver Sidorov?*» («Где ты, товарищ Сидоров?»), отрывком из которых является глава «Последнее заключение», были написаны и изданы уже в Израиле. Смоляр скончался в Тель-Авиве в 1993 году.

Херш Смоляр прожил насыщенную жизнь: ярый коммунист с юных лет, агент Коминтерна, занимавшийся подпольной деятельностью в Польше и проведший в заключении шесть лет, активный участник Сопротивления в Минском гетто, партизан, главный редактор газеты «*Folks-shtime*», оказавшей значительное влияние на восстановление еврейской литературной жизни в ПНР и СССР, автор статьи, приоткрывшей миру правду об уничтожении Еврейского антифашистского комитета. С 1968 года жизнь Смоляра изменилась кардинальным образом: изгнанный из партии, которой он посвятил многие годы, уволенный со всех постов, он уехал в Израиль, находившийся по ту сторону «железного занавеса». Тем не менее Смоляр остался коммунистом, правда, в собственной трактовке коммунизма, не принимая советской идеологии¹¹. Его автобиографическая книга «*Vu bistu, khaver Sidorov?*» является интереснейшим источником идеологической, политической и культурной истории прошлого века.

[Ася Лейдерман]

* * *

Я думал, что так плохо, как было политическим заключенным посреди глухих толстых стен средневековой гродненской тюрьмы, быть уже нигде не может.

Чтобы уничтожить нашу тюремную организацию и сломить в нас достоинство политзаключенных, гродненская администрация устроила внезапное нападение, во время которого нас осыпали ударами и отобрали наши вещи, принудив переодеться в вонючие лохмотья уголовников. Еще они попробовали заставить нас работать. Я сидел вместе с белорусским интеллигентом Петром Радзюком¹², который был старостой гродненской коммуны. Когда его после подавления нашего всеобщего

11 ЕСТРАІКН Г. *Metamorphoses of Morgn-frayhayt*. Р. 197.

12 Петр Радзюк – член Коммунистической партии Западной Белоруссии, главный редактор легально издававшегося в Вильно белорусского сатирического журнала «Асва» (Оса), который был закрыт в 1934 году, после чего Радзюка приговорили к шести годам тюрьмы. *Здесь и далее примеч. перев.*

протеста против тюремного террора перевели обратно в камеру, его красивое благородное лицо было иссиня-черным, а тело сплошь покрыто синяками и ссадинами. В коммуне слышались голоса о том, что молчать больше нельзя, терять уже ничего, нужно выходить на борьбу. Приходилось в самых тяжелых условиях бесконечно убеждать товарищей, что подобный поступок будет как раз на руку тюремным сатрапам. С «воли» помощи можно было уже не ждать, потому что не было больше ни партии, ни «красной помощи». Опирались лишь на собственные силы в перспективе означало возможность столкнуться с еще более суровыми репрессиями.

За такую позицию меня сильно критиковала Соня Мадейскер¹³, член тюремного комитета, впоследствии героиня виленского гетто, зачастую пользуясь при этом... туалетным «телефоном». Она считала меня пропащим оппортунистом, который нарушает законы борьбы против фашизма.

Как ни тяжело это было в условиях гродненской тюрьмы, мы все же вели широкую политическую образовательную работу. В нашу коммуну тогда входили белорусские поэты Филипп Пестрак¹⁴, Валентин Тавлай¹⁵ и талантливый журналист Яков Миско¹⁶, вместе с которыми мы по ночам, накрывшись одеялами, залезали под нары и в полутьме писали отчеты, готовили программы для литературных «мероприятий» и тезисы для дискуссий на философские, экономические и исторические темы. Из рук в руки переходили стихи наших поэтов, которые декламировались во время революционных праздников. Такая работа укрепляла в политических заключенных мужество и цементировала коммуну.

Мы готовились встретить новый 1939 год. Уже подготовили отчет с итогами уходящего года и прогнозами на следующий – как обычно, ободряющими. Внезапно рано утром, за день до нового года мне приказали собирать вещи и – по этапу. Куда? Никто не знал. В тюремной камере специального вагона для заключенных меня приковали к старому революционеру Тео-

ХЕРШ СМОЛЯР

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ГДЕ
ТЫ, ТОВАРИЩ СИДОРОВ?»

13 Соня Мадейскер (1914–1944) – уроженка Вильно, активный член Коммунистической партии Польши, в годы Великой Отечественной войны, участница еврейского партизанского движения.

14 Филипп Семенович Пестрак (1903–1978) – советский белорусский писатель, деятель национально-освободительного движения в Западной Белоруссии. В 1929 году арестован и осужден на пять лет тюрьмы. В общей сложности провел в заключении 11 лет.

15 Валентин Павлович Тавлай (1914–1947) – белорусский советский поэт, критик, публицист, переводчик, общественно-политический деятель, участник национально-освободительного движения в Западной Белоруссии. За подпольную работу неоднократно арестовывался польскими властями. В 1939 году, накануне прихода РККА, был приговорен к расстрелу. Впоследствии член Союза писателей СССР (1941) и участник Великой Отечественной войны.

16 Якуб Герасимович Миско (1911–1981) – белорусский прозаик, публицист, журналист, поэт, переводчик, критик. В 1932–1934 годах работал в главном секретариате организации «Змаганне», в 1933–1934-м руководитель редакции виленской «Беларуской газеты» (до № 6), легального издания Коммунистической партии Западной Белоруссии. В 1930-е неоднократно подвергался арестам польских властей, провел несколько лет в тюрьме.

дору Ковалевскому и молодому деревенскому бойцу Григорию Жуку. Мы договорились, что в какую бы тюрьму нас ни привезли, мы втроем должны попытаться установить друг с другом связь. Для конспирации мы решили, что Теодора будут звать «Пять», Гришку – «Десять», а меня – «Пятнадцать».

Сутки мы простояли на какой-то большой станции. Кажется, кто-то заметил надпись «Брест». Вскоре вагонный «телефон» передал это всем. В памяти всплыла брестская тюрьма, где палач-воевода Костек-Бернацкий¹⁷ по прямому указу Пилсудского пытал членов ППС¹⁸, крестьянских партий и других оппозиционеров. Вскоре нас выставили по трое в ряд – так же, как мы были прикованы друг к другу. Мы шагали по сонным брестским улицам, где лишь изредка попадались случайные прохожие, стройным четким шагом, как во время демонстрации, чтобы разбудить народ. Пусть о нашем прибытии узнают...

Нас поместили в новое здание, которое еще достраивалось. Высокие каменные стены снаружи не выглядели как тюремные. Они были обложены маленькими красными кирпичиками, которые смягчали суровый вид непрозрачных окон с плотными решетками. Центральный коридор, где нас выстроили, был широким и длинным. Оттуда, как в тюрьме Синг Синг¹⁹, были видны камеры на всех этажах.

В сопровождении офицеров и рядовых охранников показалось небольшое существо со светлыми волосами и тупым животным видом. Оно представилось как начальник тюрьмы и произнесло краткую речь:

«Это совсем новое здание, которое было построено по последнему слову техники. Оно еще не просохло. Стены вы просушите уже своими костями. Из этой тюрьмы выходят либо “исправившимися”, “освобожденными” от коммунистических идей, либо мертвыми. Выбор зависит от вас. Режим в тюрьме соответствующий. Ни зимой, ни летом окна открывать нельзя. Близко к ним не подходить. Все должны носить тюремную форму, всегда застегнутую. Если слышно, что кто-то идет по коридору, все заключенные должны встать лицом к стене. Никаких газет, книг и тетрадей. Никаких передач с воли. Никаких прогулок также не будет. Двора еще нет... При малейшей попытке установить связь друг с другом – карцер. И не как где-нибудь на сутки, а на целую неделю или дольше».

Нас разделили по камерам. Там мы встретили заключенных из других варшавских тюрем. Оказалось, что самое новое

17 Вацлав Костек-Бернацкий (1884–1957) – в 1930-м был назначен комендантом Брестской крепости. В 1932 году занимал должность Полесского воеводы. На этом посту Костек-Бернацкий стал известен созданием концентрационного лагеря в Березе-Картузской со специальным режимом для политзаключенных.

18 Польская социалистическая партия (Polska partia socjalistyczna – PPS, 1892–1948), деятельность которой была запрещена в Польской Республике.

19 Синг Синг – тюрьма строгого режима в штате Нью-Йорк, США.

(и последнее) творение режима Санации²⁰, недавно отстроенная брестская тюрьма, предназначалась только для политических рецидивистов. У каждого из нас за плечами уже был отсиженный срок. По опыту тех, кого перевели сюда раньше, режим здесь был похож на «порядок» в соседнем концлагере Береза-Картузская²¹.

С чего начать? Прежде всего установить связь между собой. Как именно, если на прогулку нас в ближайшее время не выведут, а туалет, куда нас водят, залит цементом, так что некуда вставить записку, и каждый раз, после похода туда проводится досмотр?

Я начинаю искать через тюремный телеграф «Пятого» и «Десятого» – на нашей стороне их нет. Вместе со мной в камере сидели бывший член секретариата Коммунистического союза молодежи Польши Юзеф Кофман и деятель крестьянской партии. Вместе мы решили рекомендовать ближайшим соседям каждый раз, когда они видят кого-то из администрации, говорить о праве на прогулку, на получение еды с воли и написание писем, чтобы успокоить наши семьи, которые не знают, где мы находимся. Эти рекомендации, как мы узнали спустя месяцы, различными способами дошли до всех этажей в качестве директивы. У всех возникла уверенность, что, несмотря на строгую изоляцию, в новой тюрьме уже возник тюремный комитет, решения которого нужно исполнять... Тюремная администрация тоже вскоре почувствовала, что начинает развиваться закономерное единство политических заключенных. Тогда нас начали одного за другим переводить в другие камеры, чтобы таким образом разорвать контакты. Часть людей поместили в особый изолированный флигель, где находились только одиночные камеры. Туда поместили приговоренного к 15 годам тюремного заключения Александра Завадского²² (впоследствии председателя Государственного совета Польши) и уже упомянутого молодого активиста Юзефа Кофмана.

Нам ни разу не удалось пробиться сквозь эту тотальную изоляцию. Принимать решения, даже самые важные, приходилось только на собственную ответственность. Некоторых послаблений мы все же добились. Время от времени нас группа-

ХЕРШ СМОЛЯР

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ГДЕ
ТЫ, ТОВАРИЩ СИДОРОВ?»

20 «Режимом Санации» называли систему власти, установленную Пилсудским в Польше с середины 1920-х.

21 Береза-Картузская – концентрационный лагерь, созданный властями Польской Республики в 1934 году в одноименном городе на территории Западной Белоруссии в качестве места внесудебного интернирования противников правящего режима. С 1934-го по 1939 год в нем содержались по обвинению в антигосударственной деятельности противники режима: коммунисты; деятели еврейского, украинского и белорусского национальных движений; польские политические оппоненты Юзефа Пилсудского.

22 Александр Завадский (1899–1964) – польский государственный и военный деятель, Председатель Государственного совета Польской Народной Республики в 1952–1964 годах. В 1920–1930-х принимал активное участие в борьбе с режимом Пилсудского, за что неоднократно арестовывался и провел в тюрьме свыше 11 лет.

ми выводили на короткие прогулки во двор, где была свалена куча строительных материалов. Но было в этом одно преимущество: мы гуляли не по кругу, как в других тюрьмах, а вперед–назад, и каждый раз во время разворота удавалось сказать другому несколько слов.

Нам было запрещено получать газеты, и мы даже не знали о нападении Гитлера на Польшу. Узнали об этом мы только тогда, когда на больницу по соседству с нашей тюрьмой упали первые бомбы. Нам дали знать, насколько велика опасность... сами гитлеровцы. Оказалось, что прямо перед 1 сентября 1939 года полиция провела ряд арестов среди членов многочисленных прогитлеровских организаций в Польше. Несколько сотен нацистов посадили в брестскую тюрьму, и во время налета немецкой авиации они разбили тюремное окно и громко кричали «Хайль Гитлер!».

День ото дня дисциплина в тюрьме падала. Мы больше не становились лицом к стене, слышав шаги в коридоре. Во время всех налетов гитлеровской авиации охранники исчезали из коридора, чтобы спрятаться в подвалах. Тогда мы впервые осмелились приоткрыть окно и выглянуть в тюремный двор. Мы увидели много автомобилей, бочки с бензином и высшее руководство в зеленых тюремных мундирах, которое возились у машин, видимо, готовясь уехать.

Посоветовавшись с нашими ближайшими соседями, мы решили потребовать вызвать к нам начальника тюрьмы. Это должен был сделать студент-еврей из Белостока Голдберг, который сидел справа от нашей камеры. Ожидание длилось недолго, и вскоре пришел начальник в сопровождении высокопоставленных служащих. Студент передал наше решение вступить в польскую армию, чтобы вместе со всеми сражаться против Гитлера. В качестве доказательства нашей позиции мы передаем все деньги, который каждый из нас внес как тюремный депозит, в защитный фонд. Начальник, уже без своего обычного заносчивого тона, тотчас отклонил наше предложение, махнув рукой – мол, «обойдемся без вас», и тихими кошачьими шагами вышел из камеры.

Однажды утром мы увидели, что на смотровой башне стоит не тюремный охранник, а обычный солдат – и к тому же не особо молодой. Мы решили аккуратно завести с ним разговор и расспросить его, что слышно. Но на наши слова вооруженный солдат никак не отреагировал, даже не повернулся в нашу сторону. Мы заметили женщину по ту сторону тюремного забора и принялись кричать ей: «Позовите людей, пусть нас выпустят! Не отдавайте нас гитлеровцам!»

В тот день мы уже не получили обеда. До обеда мы начали стучать в дверь и звать охранников. Но никто не ответил.

Это значит, что мы остались одни, нас оставили врагу. Мы выглянули из окна – солдат тоже исчез. Мы принялись кричать всем заключенным: «Товарищи, ломайте двери! Охраны больше нет! Гитлеровцы близко!» – и вскоре мы взяли длинную тяжелую скамью из нашей камеры и начали проламывать ею дверь. Стук по всей тюрьме все усиливался. В одной из камер уже удалось пробить дверь. Кто-то нашел связку ключей и начал открывать одну камеру за другой. С третьего этажа неистовым голосом кричат: «Товарищи, это провокация! Нас всех до единого перебьют! Оставайтесь на местах». На это мы отвечаем: «Все собираемся в тюремном дворе. Скоро придет решение руководства!»

В особых камерах сидели преступники-рецидивисты. Их наши товарищи тоже выпустили. Опытные «сидельцы», они первым делом бросились забирать тюремный депозит, лучшую одежду, часы и другие ценные вещи и поспешили скрыться. Во дворе тюрьмы мы вчетвером – Александр Завадский, Юзеф Кофман, Тацяй и я – совещались, что делать дальше. Посреди разговора мы увидели, что к нам приближается заключенный, которого ведут под руку два сопровождающих. Он представляется: *Бандера*. Он выглядит тяжело больным. Мы знаем, что собой представляет этот предводитель украинских националистических террористических организаций. На его вопрос: «Что мы делаем дальше?» – ему отвечает старый украинский революционер Тацяй: «Что мы будем делать, нам известно. Но с вами нам сейчас не по пути». Группа украинских террористов отвела своего вождя в сторону. В Бресте он дожидался гитлеровцев, чтобы начать свой кровавый путь борьбы вместе с оккупантами против партизанского движения.

Между собой мы быстро пришли к соглашению, что мы все тотчас выдвигаемся к Брестской крепости, чтобы вступить в армию. Это решение мы сообщили всем. Мы сразу же двинулись по направлению к крепости. Улицы были совсем пустыми. Мы встретили несколько солдат и капитана верхом на лошади. Он остановил нас и спросил, куда мы идем и откуда. Нашим ответом он был невероятно удивлен. В крепости уже никого нет. Гитлеровцы в 20 километрах от Бреста. Он посоветовал нам как можно скорее убираться отсюда.

Мы снова совещались – и внезапно среди нас возникли расхождения. Завадский считал (и Кофман был с ним согласен), что нужно двигаться к советской границе. Тацяй и я полагали, что нужно пробираться окрестными лесами по направлению к «Красной Воляни» и там, «на базе», решить, что мы делаем дальше. Оба предложения мы передали товарищам, на которых еще была тюремная униформа. Мы разделились. Большинство пошло с нами. Остальные выбрали направление на Пинск.

Три дня мы провели в лесах. Местные крестьяне давали нам еду и какую-то одежду. Начали появляться бывшие политзаключенные из других тюрем, из лагеря в Березе-Картузской. Откуда-то принесли радио, и так мы узнали, что 17 сентября советская армия перешла бывшую границу с Польшей. Лесами мы ушли к Ковелю.

В этом городе нас приняли очень дружелюбно, выделили место в доме, который был предназначен для бывших политических заключенных, снабдили едой и сразу подключили к работе по созданию новых органов власти. По опыту 1920 года местные товарищи во главе с бывшим политзаключенным Захидным учредили Ревком. Все его члены «исполняли свои обязанности» в тюремной одежде, пока не поступил приказ от советских органов, что ни Ревком, ни местная инициатива не нужны. Специальные присланные люди из СССР повсеместно создают временные городские управления.

При всей доброжелательности со стороны местных жителей в Ковеле я чувствовал себя чужим. Мне хотелось как можно скорее оказаться в Вильно, встретиться со старыми товарищами и вместе с ними решить, что делать дальше. Но добраться до Вильно тогда было непростым делом. Нужно было ехать до Луцка и там в военной комендатуре получить разрешение.

Казалось уже, что разрешения я не получу. В глазах лейтенанта, который записывал мои ответы, я заметил большое подозрение. Чего стоят все мои рассказы, если при мне нет ни партийного билета, ни клочка какой-нибудь другой «бумажки» – поди поверь ему.

Из соседней комнаты вышел светловолосый полноватый майор, который начал прислушиваться к моим ответам. Внезапно он прервал меня неожиданным вопросом: «Скажите мне, товарищ, это вы или нет?» – и назвал меня по имени и фамилии. Я внимательно на него посмотрел и узнал моего старого товарища Емельяна – Милку, как мы называли его в киевском губернском комитете комсомола. Он сразу отвел меня к себе в кабинет, и мы начали разговаривать о наших жизненных путях, с тех пор как они разошлись в середине 1920-х. Перед тем, как попрощаться, Милка обнял меня и прошептал на ухо ужасную тайну: «Какое счастье, – сказал он, – что ты там сидел. У нас бы ты лежал».

Перевод с идиш Аси Лейдерман

Аллегии, монады, история

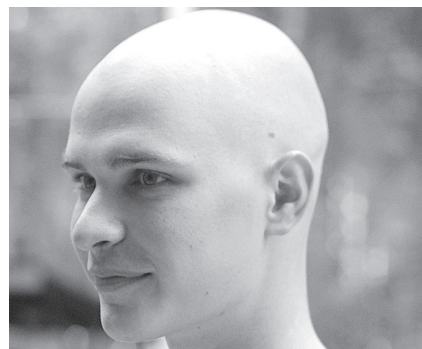
ОЛЕГ
ЛАРИОНОВ

Заметки на полях книги Фредрика Джеймисона
о Вальтере Беньямине¹

1

«**Х**од истории, каким он предстает под знаком катастрофы, в сущности, не может занять мыслящего человека более, чем калейдоскоп в детских руках, в котором при каждом повороте весь порядок обрушивается, складываясь в новый. Этот образ оправдан, и оправдан основательно. Понятия господствующих всегда были зеркалами, благодаря которым возник образ некоторого “порядка”. Калейдоскоп нужно разбить»².

Что заметнее, важнее, сложнее в этом пассаже из Вальтера Беньямина – содержание или выражение, мысли или метафоры, концептуальное или фигуральное? Согласно Фредрику Джеймисону, который начинает свою книгу с другой цитаты из той же серии заметок «Центральный парк», вопросы формы принципиальны для понимания текстов Беньямина, мыслящего не абстрактными универсальными понятиями и логическими процедурами, а тропами и актами «фигурации». Разработанный им тип письма отстраивался от систематической философии – вроде доминировавшего в то время в немецких академических кругах неокантианства – и воплощал форму-

Олег Алексеевич Ларионов (р. 1998) – историк литературы, аспирант Оксфордского университета. Сфера научных интересов – русская литература XVIII века, интеллектуальная история, гуманитарная и социальная теория.

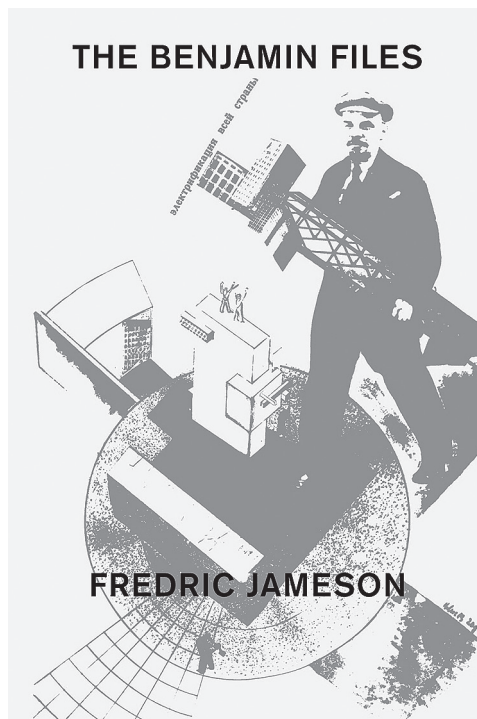
- 1 JAMESON F. *The Benjamin Files*. London; New York: Verso, 2020. Далее ссылки на конкретные страницы даются в скобках в тексте.
- 2 Беньямин В. *Центральный парк* // Он же. *Бодлер*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 192.

**КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ**

лированную Гёте идею «нежного эмпиризма»: «Есть тонкая эмпирия [*zarte Empirie*], которая теснейшим образом отождествляется с предметом и таким путем становится настоящей теорией»³. Это следовало из прагматической – то есть в конечном счете политической – установки Бенямина: выбор предмета и средств его описания не отражал запросов чистого познания, но диктовался потребностями текущего момента, контекстом исторически конкретной ситуации. В сфере политики олицетворением этой волюнтаристской логики был, конечно же, Ленин, попавший на довольно странную обложку книги Джеймсона. В своих текстах Беньямин *ad hoc* комбинировал элементы различных языков и стилей, стремясь выработать для каждого случая наиболее действенный и точный концептуальный и риторический аппарат, причем за этим внешним разнообразием терминов, фигур и мотивов – от марксистских и фрейдистских до мистических и теологических – обнаруживается, как утверждает Джеймсон, единая основополагающая логика письма и мышления.

Мандельштам однажды заметил: «Вся “Мадам Бовари” написана по системе танок. Потому Флобер так медленно и мучительно ее писал, что через каждые пять слов он должен был на-

3 Гёте И.В. *Максимы и размышления* // Он же. *Избранные философские произведения*. М.: Наука, 1964. С. 326.

чинать сначала»⁴. Нечто подобное Джеймисон говорит о Беньямине: он пишет «эпизодами» и «сериями», его тексты полны разрывов, провалов, несоизмеримостей, они дробятся на отдельные части, абзацы, даже предложения, образуя при этом не романтические «отрывки» (предполагающие тотальность, «фрагментами» которой они являются), а цельные самодостаточные «монады». Это принцип не только формальный, но и содержательный: Беньямин мыслит замкнутыми на себе дискретными моментами и ситуациями, «периодами без переходов», которые не поддаются безболезненному опосредованию и обобщающей гомогенизации. Центральным нервом такого письма и мышления становится «диалектика предела и границы», «точки и прямой» – иначе говоря, напряжение между автономией единичного объекта и ее преодолением, проблема движения от монады к монаде, размыкание и связывание их друг с другом. Согласно Джеймисону, Беньямин не был способен написать книгу в традиционном смысле, примером чего служит «Происхождение немецкой барочной драмы» – диссертационное сочинение, строгий академический формат которого на каждом шагу блокирует присущее Беньямину диалектическое движение мысли, разнося по разным главам обсуждение формальных и содержательных особенностей исследуемого жанра. Напротив, образец свойственного ему типа письма представляет другая вышедшая при жизни Беньямина книга «Улица с односторонним движением» – собрание разнородных заметок, зарисовок и афоризмов, которые принципиально не приведены к общему знаменателю, к единому концептуальному тезису, к однозначному выводу. Именно эти «монадичность» и «серийность» – Джеймисон соотносит их с «монтажом аттракционов» Эйзенштейна и «эффekten очуждения» Брехта, которые, впрочем, как раз таки тяготели к дидактической предзаданности значения, – вышли на поверхность в последних работах Беньямина: тезисах «О понятии истории» и монументальном неоконченном проекте «Труд о пассажах»⁵, в которых тасуются, сопрягаются, парадоксально сводятся вместе и никогда не сливаются, не маскируют и не преодолевают разрывов и несовпадений самоценные предложения и абзацы, образы и идеи.

2

Джеймисон был одним из первых, кто начал последовательно знакомить американскую публику с наследием Беньямина,

4 МАНДЕЛЬШТАМ О.Э. *Девятнадцатый век // Он же. Сочинения*. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 199.

5 Его русский перевод лишь недавно стал публиковаться в журнале «Versus».

марксистской мыслью и, шире, европейской традицией философски фундированного осмысления литературы, культуры и общества. Сейчас – когда англоязычная глобализованная академия не только усвоила этот способ анализа, но и десятилетиями воспроизводит его в промышленных масштабах, а Беньямин стал, по едкой формулировке Джеймсона, «тотемным предком» (с. 105) индустрии *cultural studies*, попал во всевозможные университетские списки для чтения и разошелся на цитаты, ритуальные ссылки и поверхностные применения, – трудно представить, насколько вразрез с господствовавшими тогда в американской академической среде конвенциями – подозрением к любому спекулятивному мышлению и «темному» стилю, приверженностью к эмпиризму и «здравому смыслу», не говоря уже о неприятии левой критической традиции, – шли диалектическая аргументация и соответствующие ей «немецкие» закрученные предложения книги Джеймсона «Марксизм и форма. Диалектические теории литературы двадцатого века» (1971)⁶. В эту работу вошел наряду с главами об Адорно, Маркузе, Блохе, Лукаче и Сартре и публиковавшийся за пару лет до этого отдельно очерк о Беньямине⁷. Теперь, полвека спустя, Джеймсон решил снова представить наследие важного для себя автора, на этот раз посвятив ему целую книгу.

Беньямин мыслит замкнутыми на себе дискретными моментами и ситуациями, которые не поддаются безболезненному опосредованию и обобщающей гомогенизации. Центральным нервом такого письма и мышления становится напряжение между автономией единичного объекта и ее преодолением.

Внимательный читатель и зоркий критик французской теории 1960–1970-х, сам активный деятель той столь отчетливо миновавшей эпохи расцвета и преобразования гуманитарной мысли, он по большей части продолжает использовать разработанные тогда инструменты и приемы анализа текста. Подобно структуралистам, Джеймсон рассматривает корпус сочинений Беньямина синхронно, как единый метатекст и описывает его через набор ключевых понятий и оппозиций, важнейших приемов, инвариантных тем и мотивов, порой даже визуализируя свой

6 Эти радикальные различия эксплицирует сам Джеймсон в предисловии к книге, см.: JAMESON F. *Marxism and Form: Twentieth-Century Dialectical Theories of Literature*. Princeton: Princeton University Press, 1971. P. IX–XIX.

7 Ibid. P. 60–83.

анализ в виде несколько загадочных, ни разу не поясненных схем. В постструктуралистском же духе он не стремится жестко и однозначно упорядочить и иерархически расположить все эти элементы и сформулировать законы их функционирования; пытаясь нащупать самые значимые дихотомии, антиномии, вопросы и напряжения, он далек от того, чтобы редуционистски их формализовать, составить из них конечный список и свести к нему всю динамическую множественность значений беньяминовских текстов. Книга скорее предлагает серию взаимосвязанных интерпретаций, схватывающих один и тот же предмет в разных ракурсах и аспектах – обнаруживая общие моменты и фундаментальные свойства, но не претендуя на их исчерпывающую каталогизацию. Пристальное чтение работ Беньямина – преимущественно имманентный анализ, внимание Джеймисона к мельчайшим нюансам значений слов и предложений, виртуозное умение вычленять и тонко описывать логики, управляющие смысловым развертыванием текстов, остроумно очерчивая их концептуальные пределы и слепые пятна, – во многом напоминает то, как работал с сочинениями европейской философской традиции Деррида. А рассыпанные по книге одобрительные ссылки на Лакана, Барта, Фуко и (почему-то особенно часто) на Делёза дополнительно укрепляют в ощущении, что – глядя с временной дистанции, из иной исторической ситуации и эпистемы – у американского марксистского критика и именитых французских мыслителей, которым он так много и вдумчиво оппонировал, общего едва ли не столько же, если не больше, сколько различного.

Джеймисон не занимается интеллектуальной историей – предпочитая истолковывать Беньямина в его собственных категориях, через внимательное чтение и комментирование конкретных пассажей и привлечение параллельных мест из других его сочинений. Он не нуждается в сплошной контекстуализации за счет внешних источников, хотя возникающие время от времени упоминания значимых для Беньямина или актуальных для его понимания авторов и явлений, а также редкие ссылки на исследовательскую литературу демонстрируют превосходную осведомленность Джеймисона во всех возможных культурных и социальных контекстах и его исключительную общую эрудицию. На периферии внимания Джеймисона находится и фигура самого биографического Беньямина, хотя опять же проходя брошенные замечания не оставляют сомнений, что обстоятельства жизни автора анализируемых текстов ему прекрасно известны, и время от времени в тексте встречаются биографические ссылки, которые, однако, как специально оговаривается, «не являются психологическими: они в лучшем случае феноменологические и в худшем – психо-

аналитические, но всегда философские» (с. 94). Наконец, несмотря на регулярное повествование от первого лица и достаточно вольный и отделанный – с метафорами, сравнениями, шутками, вереницами культурных ассоциаций и отсылок – стиль, Джеймисон точно не сочиняет эссеистику – для него это слишком конвенциональный, конформистский, либеральный (если не прямо буржуазный) жанр, связанный с прессой, индивидуалистской «психологией» и ни к чему не обязывающими «этическими суждениями». Практикуемый им тип письма он называет «теорией» – тем самым политически заряженным «нежным эмпиризмом», который отстраивается от систематической философии и работает на уровне не только понятий, но и тропов, диалектически колеблясь между анализом формы и содержания, воспроизводя эту диалектику в собственном устройстве. В этом отношении исследование текстов Беньямина оказывается для Джеймисона проектом автogeneалогии, саморефлективной реконструкцией работы своего блестящего предшественника и заочного наставника – реконструкцией, что закономерно, если не апологетической, то сочувственной (в отличие от дерридианской деконструкции) и идиосинкратической.

3

Одним из важнейших аналитических понятий и интерпретативных инструментов для Джеймисона служит аллегория. Вслед за Беньямином, который воскрешал эту дискредитированную противопоставлением символу в романтической эстетике фигуру в работах о барочной драме и Бодлере, Джеймисон обратился к ней уже в «Марксизме и форме». Гораздо более подробно учение об аллегории было изложено в его *tagnit opus* – книге «Политическое бессознательное. Нарратив как социально-символический акт» (1981), увенчавшей период, когда Джеймисон преимущественно занимался теорией литературы. За ним последовал переход к более широкой культурной критике и появление очень влиятельного «Постмодернизма, или Культурной логики позднего капитализма» (1991); последняя на сегодняшний день версия джеймисоновской теории аллегории представлена в работе «Аллегория и идеология» (2019). Отправной точкой для Джеймисона служит тезис о фрагментации жизни при капитализме. В современных либеральных обществах существует фундаментальный разрыв между коллективным и индивидуальным: люди разобщены и замкнуты в узкой сфере своего личного существования; это дробление поддерживается аппаратами «психологии» и «эти-

ки», утверждающими автономию и сепарированность субъекта и навязывающими мышление в морализаторских категориях добра и зла; результатом оказывается невозможность объединения и солидарности, неспособность вообразить и потребовать радикально иные, общие формы опыта и дефицит подлинно политического мышления и действия. Стремясь выйти из этого тупика, Джеймисон находит себе неожиданного союзника – христианскую традицию библейской экзегезы. Выполняя «свою идеологическую миссию в качестве стратегии по ассимиляции Ветхого Завета Новым, по переписыванию еврейского текстуального и культурного наследия в форме, подходящей для использования гоями [*Gentiles*]⁸, эта традиция разработала систему четырех уровней истолкования, четырех «смыслов» Священного Писания. «Буквальные» исторические события Ветхого Завета (например исход из Египта) читаются в «аллегорическом» ключе как прообразы событий из жизни Христа (воскресение), что позволяет затем извлечь из них индивидуальный «моральный» (раскаяние и обращение в веру отдельного грешника) и коллективный «анагогический» (будущее всего человечества – Второе пришествие и Страшный суд) смысл. Эта герменевтическая практика установления соответствий и осуществления перекодировок сшивает те самые пласты опыта, которые оказались разорванными в современности: индивидуальное и коллективное, приватное и публичное, психологическое и историческое, личное и политическое.

Джеймисон превращает христианскую экзегетику в секулярную марксистскую герменевтику: следуя многоступенчатой процедуре нюансированного истолкования, критик обнаруживает «политическое бессознательное» художественного текста и опознает в его отдельных героях и сюжетных коллизиях фигуры социальных и национальных аллегорий, помещая этику в горизонт политики и истории, восстанавливая тем самым связь индивидуального и коллективного. Также он признает и подчеркивает, что даже в современном мире именно теология оказывается особенно пригодной для того, чтобы помыслить коллективность, – причем не только помыслить, но и представить, воплотить в рассказах, сюжетах, историях. Этим Джеймисон объясняет присутствие иудео-христианских мотивов и образов в сочинениях Бенъямина: лишь обращение к ресурсам фигурального языка теологии позволяет восполнить нехватку коллективного историко-политического смысла и дать образ общего дела и цели. Иначе говоря, мессианское читается как аллегория революционного. Здесь мы встречаемся с одной из важнейших установок всего интеллектуального проекта

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

АЛЛЕГОРИИ, МОНАДЫ,
ИСТОРИЯ...

8 ИДЕМ. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. London; New York: Routledge, 2002. P. 14.

Джеймисона: его обаятельной открытостью к любым произведениям искусства и продуктам мысли, компетентной вовлеченностью и заинтересованностью в самых разных художественных и теоретических явлениях, каждое из которых будет внимательно и уважительно рассмотрено и понято на своих собственных основаниях – чтобы затем, однако, быть переписанным в марксистском ключе. Аллегорическая операция перевода чего угодно на объявленный самым главным язык истории и политики признает наличие и универсальную ценность утопического импульса в любом идеологическом артефакте, но это спасение и искупление достигается лишь ценой присвоения и подчинения импульсов и артефактов абсолютной истине марксизма. Именно так Джеймисон и читает Беньямина: пристальное внимание к конкретности словесного выражения уравнивается умением резко и вольно абстрагироваться, переключаться с буквального на фигуральный смысл, переписывать рассматриваемый текст в другом коде, в нужной для себя перспективе.

Аллегорическая операция перевода чего угодно на язык истории и политики признает наличие и универсальную ценность утопического импульса в любом идеологическом артефакте, но это достигается лишь ценой присвоения и подчинения импульсов и артефактов абсолютной истине марксизма.

Обращаясь к раннему сочинению Беньямина «О языке вообще и о языке человека», Джеймисон видит в этом отталкивающемся от книги Бытия спекулятивном рассуждении «притчу о языке современности [*modernity*], “падшем” языке, отданном “коммуникации” и инструментальности» (с. 52). Событие грехопадения, в результате которого уничтожилась изначальная гармония автономных, но глубинно соотнесенных имен и вещей, а человек «покинул непосредственность в сообщении конкретного, имя, и впал в бездну опосредования всякого сообщения, слова как средства, суетного слова, в бездну болтовни»⁹, должно пониматься как прообраз, префигурация, аллегория наступления Нового времени и дробления языка на множество индивидуальных этических суждений и высказываний. Теологический код задает нарративную рамку, которая позволяет анализировать и критиковать настоящее на фоне

9 Беньямин В. *О языке вообще и о языке человека* // Он же. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М.: РГГУ, 2012. С. 22.

сконструированного как его противоположность и якобы ему предшествовавшего умозрительного прошлого. Прошлое это предстает у Беньямина в двух вариантах. Во-первых, как поистине райский, утопический космос, подчиненный логике «подобий» – не поверхностных визуальных «сходств», а именно глубинных «нечувственных подобий», бодлеровских «соответствий» между людьми и звездами, словами и вещами, голосом и письмом, – утраченный мир, рудименты которого доживают свой век в астрологии, графологии, хиромантии¹⁰. Во-вторых, Беньямин воображает мрачное прошлое мифа и мифического насилия, античной трагедии, столкновения богов и людей, диалектики речи и молчания, сложных соотношений человека с инстанцией судьбы и аппаратами правосудия, – констелляцию проблем, с разных сторон обсуждавшихся в «Судьбе и характере», «К критике насилия», «Происхождении немецкой барочной драмы».

Современность была для Беньямина эпохой утраты полноты существования в мире и оскудения «опыта». Согласно Джеймисону, этот сквозной сюжет объединяет в одну серию три программных беньяминовских шедевра – эссе «О некоторых мотивах у Бодлера», «Рассказчик» и «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». Повествования о новых шоковых «переживаниях» жителя современного города и связанной с ними не менее новой поэзии; о закате уходящего корнями в более ранние эпохи искусства устного рассказа и сопутствующих ему форм коллективной жизни и труда, вытеснении его иными, печатными медиа и жанрами письма; об исчезновении «ауры» искусства при появлении средств репродуцирования, фотографии и кино очевидным образом пересекаются и переплетаются, высвечивая в разных перспективах общую историю трансформации современной человеческой чувствительности и оформляющих ее социальных, политических и эстетических структур. Для Джеймисона при этом исключительно важно, что нарративы Беньямина в конечном счете безоценочны: он не оплакивает утрату ауры и, наоборот, не приветствует развитие кинематографа; не объявляет описываемые им изменения хорошими или плохими; не разрабатывает, наконец, новой теории искусства, в которой понятие ауры заменит «прекрасное» традиционной философской эстетики. Нет, он занимается аналитической фиксацией сдвигов; констатирует факты; вводит ауру как чисто негативное, регистрирующее понятие, призванное маркировать отсутствие, а не описать присутствие; выполняет очень четкую прагматическую, политическую задачу: его тезисы «отбрасывают ряд устаревших по-

10 См.: Он же. *Учение о подобию; О миметической способности* // Он же. *Учение о подобию...* С. 164–187.

нятий – таких, как творчество и гениальность, вечная ценность и таинство, – неконтролируемое использование которых [...] ведет к интерпретации фактов в фашистском духе»¹¹. Иначе говоря, Беньямин отказывается от индивидуальных этических суждений и действует на коллективном уровне политики. Этот принцип Джеймисон считает абсолютно необходимым для практикуемого им жанра «теории». Начиная с «Политического бессознательного»¹² на этом витке аргументации он апроприрует и переписывает в марксистском ключе призыв Ницше к мышлению «по ту сторону добра и зла» – призыв, поясняет на всякий случай Джеймисон, не «к необузданной злобе и безнравственности,.. а к историчности» (с. 53).

Избегание личного и морализаторски-оценочного Джеймисон находит и в образующих, в его интерпретации, трехчастную серию бенъяминовских текстах о городах. Они тоже складываются в исторически и политически заряженный и преодолевающий этические бинарности нарратив о современности: в Неаполе Беньямин выискивает остатки докапиталистических форм коллективной жизни; Берлин его детства воплощает апофеоз буржуазного обособления и замыкания в интерьерах собственных квартир; Москва позволяет заглянуть в потенциальное коллективистское будущее. Вымысливание личной перспективы особенно наглядно в двух последних случаях: достаточно сравнить наполненный страстями «Московский дневник» с опубликованным по его материалам очерком «Москва», а также «Берлинскую хронику» – с «Берлинским детством на рубеже веков»: прустинское последовательное автобиографическое повествование перерабатывается в дискретную серию автономных сцен, ситуаций, эпизодов, столь характерных для Бенъямина, – монад, в которых накладываются и густо смешиваются описание и осмысление, репрезентация и концептуализация. Эти формы письма и мышления – «диалектические образы» или «мыслеобразы» (*Denkbilder*) – играют центральную роль и в его теории истории.

«Исторический материализм стремится к тому, чтобы зафиксировать образ прошлого таким, каким он неожиданно предстает историческому субъекту в момент опасности»¹³. Этот образ «предстает ему как монада», в которой «он узнает знак мессианского застывания хода событий – иначе говоря, революционного шанса в борьбе за угнетенное прошлое», – и «ухватывается за него, чтобы вырвать определенную эпоху из гомогенного движения истории», в результате чего «уда-

11 Он же. *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости* // Он же. *Учение о подобии...* С. 191.

12 См.: JAMESON F. *The Political Unconscious...* P. 223.

13 Бенъямин В. *О понятии истории* // Он же. *Учение о подобии...* С. 240.

ется сохранить и сублимировать [...] в одной эпохе весь ход истории»¹⁴. Связь настоящего с тем или иным моментом прошлого устанавливается за счет их структурного подобия – того самого, которое в других текстах Бенямина фигурировало как древний принцип устройства всего мира. Два разнесенных во времени исторических момента соотносятся аллегорически, как взаимные проекции и перекодировки: утопический импульс одной эпохи отзывается и, в идеальном случае, реализуется в другой, подобно тому, как завершённые на одном уровне события Ветхого Завета на другом уровне достигают «исполнения» в событиях Нового Завета. Для самого Бенямина двумя важнейшими историческими монадами, к которым он считал возможным получить «доступ» из настоящего, были эпоха барокко XVII века и Франция периода Второй империи. При этом выбор того или иного момента в прошлом – жест волюнтаристский и даже насильственный, акт цитирования, который взрывает «континуум истории»¹⁵. Построение книги Джеймисона – от первых глав, в которых формулируется тезис о принципах беняминовского письма и мышления, к последней, посвященной «истории и мессианскому», – создает впечатление, будто тезисы «О понятии истории» оказываются лишь очередной иллюстрацией этих предзаданных фундаментальных свойств. Однако это именно что иллюзорный эффект композиции – на самом деле поздние тексты Бенямина по теории истории служат для Джеймисона отправным пунктом и ключом ко всему наследию мыслителя; это из них заимствуется ключевое понятие монады с ее диалектикой точки и прямой, дискретного и континуального, которое ретроспективно проецируется на весь беняминовский корпус текстов. В финале книги мы, наконец-то, добираемся до того ядра, к которому тайно тяготели и из которого исходили предшествующие главы, предложенные в них интерпретации и задействованный для этого терминологический аппарат.

4

Джеймисон так или иначе комментирует, хотя бы бегло, все самые важные сочинения Бенямина, а также останавливается на ряде менее известных, а порой и совсем маргинальных текстов – и даже посвящает отдельную главу его излюбленным героям и, как сказал бы Делёз, «концептуальным персонажам» (фланер, игрок, дитя, коллекционер, исторический материалист). Тем не менее этот всесторонний очерк беняминовского насле-

14 Там же. С. 248.

15 Там же. С. 246–247.

дия вряд ли может послужить хорошим и доступным в него введением. Джеймисон не делает читателю никаких скидок – в тексте не найти ни каких-либо связанных биографических и исторических пояснений, ни методологических деклараций. По-видимому, предполагаемый адресат должен быть хорошо знаком и с фигурой Бенямина, и – особенно – с методом Джеймисона, что не может не придавать книге некоторого налета отталкивающей эзотеричности. Но преодолевшие эту герметичность и вникнувшие в непроясненные принципы и предпосылки подобного способа мысли, принявшие правила игры и специфические конвенции такого жанра вознаграждаются довольно ярким образцом теоретического письма. Счастливым плодотворным и неутомимым автором, Джеймисон в очередной раз написал книгу, которую – несмотря на мелкие погрешности вроде повторов отдельных формулировок, цитат и шуток – можно назвать, как и многие другие его сочинения, блестящей: впечатляюще цельной, словно на одном дыхании созданной, полной острых и тонких мыслей, стилистически и риторически богатой, вольной и одновременно верной марксистски-гегельянским диалектическим установкам, глубоко впитавшей, пользуясь словами из «Дара», «живительную истину Гегеля: истину, не стоячую, как мелкая вода, а, как кровь, струящуюся в самом процессе познания»¹⁶.

Бросающаяся в глаза независимость и оригинальность мысли Джеймисона не переходит, как уже говорилось, в субъективную сентиментальность этических суждений – в частности, он не спекулирует на трагических обстоятельствах смерти Бенямина, вообще ее не упоминая. Не останавливаясь на личности Бенямина и уж тем более на своем к ней отношении, он фокусируется только на коллективном уровне истории и политики. Ему важно подчеркнуть, что Бенямин существовал в контекстах, радикально иных по сравнению с привычными нам, – в период культурного доминирования литературной публичной сферы и печатной периодики, на страницах которой он выступал в роли критика, чутко реагировавшего не только на актуальные художественные явления, но и на центральный конфликт времени: монументальную борьбу либерального капитализма, фашизма и коммунизма. Если не совершить специального усилия понимания, то очень многое в текстах и жизни Бенямина – от фундаментальных, организующих всю его мысль напряжений и вплоть до регулярных отсылок к проституции и сексистским тропам, на которых Джеймисон специально задерживается в одном из отступлений, – будет казаться чуждым для нас, живущих в эпоху торжества неолиберализ-

16 Набоков В. В. *Дар* // Он же. *Собрание сочинений русского периода*. СПб.: Симпозиум, 2002. Т. 4. С. 422.

ма и господства новых, преимущественно визуальных, медиа. Эпоху, характеризующую Джеймисоном – достаточно предсказуемо, в самых общих чертах, широкими мазками и характерными деталями, – доведенной до предела коммодификации, глобального потепления, громоздящихся куч неразлагающегося пластика, технологий распознавания лиц и смутной угрозы фашизма впереди (вышедшая осенью 2020 года книга была, вероятно, дописана еще в 2019-м и должна читаться в соответствующем американском контексте).

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ
АЛЛЕГОРИИ, МОНАДЫ,
ИСТОРИЯ...

Беньямин существовал в контекстах, радикально иных по сравнению с привычными нам. Он выступал в роли критика, чутко реагировавшего не только на актуальные художественные явления, но и на центральный конфликт времени: монументальную борьбу либерального капитализма, фашизма и коммунизма.

И все же в этом подчеркнута безличность, пребывающем по ту сторону добра и зла изложении можно, кажется, нащупать один персональный момент – и даже увидеть в нем свойство именно «позднего» Джеймисона. Беньямин принадлежал к тому же «мы», к которому Джеймисон причисляет самого себя и своих читателей: он был буржуазным интеллектуалом. Осознавая свою классовую позицию, он продумывал пути ее возможной трансформации (свидетельством этой рефлексии служит эссе «Автор как производитель») и вообще был далек от порой проецируемого на него образа апатичного меланхолика. Джеймисон тем более охотно опровергает расхожие представления о «левой меланхолии» Беньямина, которую тот на самом деле критиковал в одноименном тексте, что способствовало некогда их распространению: уже в названии главы о Беньямине из «Марксизма и формы» появляется слово «ностальгия», а в первом предложении – «меланхолия». Тем не менее даже этот, более активный и ориентированный на будущее, джеймисоновский Беньямин не может претендовать на полную причастность к такой важнейшей теологической и политической категории, как «надежда», которая по праву принадлежит угнетенным. Позиция Беньямина может быть выражена словами Кафки из разговора с Максом Бродом, которые он неоднократно цитировал: «Ибо, как говорит Кафка, в мире бесконечно много надежды, но только не для нас»¹⁷. В подобном

17 Беньямин В. *Из переписки с Гершомом Шоломом* // Он же. *Франц Кафка*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. С. 118–119.

же положении ощущает себя и западную образованную публику сам Джеймисон – и возникает соблазн опознать в этих размышлениях форму непрямого высказывания об итогах его собственной деятельности, о многих десятилетиях популяризации марксистских интеллектуальных и политических принципов, о менявшихся исторических обстоятельствах, которые, можно предположить, вызывали в Джеймисоне то большие, то меньшие ожидания. Книга завершается выводом, к которому он пришел к 2020 году: еще раз повторив, что «надежда существует», но «не для нас», Джеймисон заключает, что «это не счастливый конец, но и не конец истории» (с. 247).

P.S.

После 24 февраля 2022 года обращение российских интеллектуалов к фигуре Бенямина и тезисам «О понятии истории» было предсказуемым и закономерным ходом¹⁸. Несмотря на несколько непродуманный автоматизм этой ассоциации, а также бестактность – в случае россиян – прямых аналогий и отождествлений, судьба и тексты Бенямина в самом деле по-новому воспринимаются в наши дни. Можно процитировать, например, финальные строки напечатанного в 1930 году эссе «Теории немецкого фашизма», посвященного сборнику под редакцией Эрнста Юнгера «Война и воины». Говоря об интеллектуалах, выбравших путь прославления традиций, войны и милитаризма, Бенямин заключает:

«Живые воплощения грозных хтонических сил, несущие в походном ранце своего Клагеса, не познают и десятой доли того, что природа готова открыть своим менее любопытным и более рассудительным детям, которые видят в технике не фетиш всеобщего заката, а ключ к достижению счастья. Рассудительность эта проявится в тот момент, когда они перестанут видеть в грядущей войне некий магический рубеж и, постепенно свыкнувшись с ней как с явлением обыденным, шаг за шагом постараются превратить ее в войну гражданскую, на деле используя ловкий марксистский трюк, который один только и способен одолеть мрачное руническое заклятье»¹⁹.

18 См., например: «Катастрофа и есть подлинно историческое чувство нас сегодняшних» // Коммерсантъ Weekend. 2022. 15 апреля (www.kommersant.ru/doc/5294897).

19 Бенямин В. *Теории немецкого фашизма* // Он же. *Маски времени. Эссе о культуре и литературе*. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 375.

Ар Деко, или Взгляд Медузы

ВЛАДИСЛАВ
ДЕГТЯРЕВ

Героини портретов Ар Деко производят странное впечатление: все эти эффектные женщины, как правило, статуарны и холодны, но никогда не бывают эротичными, даже если и пытаются время от времени таковыми казаться. Их попытки сыграть теплоту и мягкость всегда неубедительны. Больше того – они похожи на представительниц какой-то иной расы, сотворенных из более тяжелых материалов, нежели обычные человеческие плоть и кровь. Так, персонажи картин Тамары Лемпицкой выглядят отлитыми из бронзы, а затем раскрашенными, настолько тяжелы их тела, даже обнаженные, настолько остры пряди их волос, о которые, кажется, можно порезаться. Чем-то подобным был бронзовый гигант Талос, охранявший Европу на Крите и побежденный коварной Медеей. Или же это последние преадамиты, потомки титанов, а может быть – падших ангелов. Пусть все эти женщины совершенны, но их совершенство чисто скульптурного рода.

О том, чем обладает и чего лишена статуя, воплощенная форма, по сравнению с живыми людьми, точно и глубоко высказался Жан Старобинский в эссе «Взгляд статуй». Статуя, утверждает он, есть воплощение совершенства, поэтому героини греческих мифов, возжелавшие такого совершенства, наказаны за свою гордыню превращением в камень¹.

¹ Старобинский Ж. *Взгляд статуй* // Он же. *Чернила меланхолии*. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 456.

Владислав Владимирович Дегтярев (р. 1974) – культуролог, преподаватель Факультета свободных искусств и наук СПбГУ.

**ЖИВОЕ,
МЕРТВОЕ,
САКРАЛЬНОЕ
МОДЕРНОСТИ**

И это превращение, стоит добавить, всегда происходит насильственно. Если Дафна или Филера сами хотят превратиться в деревья, то, чтобы захотеть стать камнем, нужно обладать трагическим барочным сознанием микеланджеловской Ночи, до которого беломраморной Греции было так же далеко, как до неба:

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать – удел завидный...
Отраднo спать, отрадней камнем быть.

Перевод Федора Тютчева

Вывод Старобинского сводится к следующему: в мире греческих мифов «наказанием для тех, кто верит в собственное совершенство, в законченность собственной красоты, служит обретение этой законченности»². Это верно, однако нужно как-то объяснить странную двойственность всего, что связано с превращениями, поскольку в греческих мифах превращение человека в камень, животное или растение – словом, в любой природный объект, выступает и как наказание, и как награда. Самые известные из персонажей, ставших растениями, запечатлены Никола Пуссенom в «Царстве Флоры» (1631), и идиллический характер картины нарушает только Аякс, бросающийся на меч. Животными же стали Кадм и Гармония, Арахна, Прокна и Филомела. Причины и возможный смысл этих метаморфоз не имеют в себе ничего общего, однако все они необратимы, за единственным исключением, которым была Ио. И камень здесь – лишь одно из тех природных тел, которыми может стать человек, хотя его естественные свойства от человека максимально далеки. Поэтому антропоморфность статуи ограничена свойствами материала: статуя неподвижна и тверда, она заимствует у человека форму и наполняет ее другим содержанием.

Это содержание настолько совершенно (можно даже сказать, что оно и есть совершенство), что выразительности греческой скульптуры и тому впечатлению, которое она производит на нас, нисколько не вредит утрата головы и конечностей. Похоже, что статуя *par excellence* – это как раз греческий торс, лишенный головы и рук, то есть малейшего намека на психологию, сведенный к изображению телесности как таковой. И в этом статуи подобны механизмам, столь же совершенным в своей форме и функциях. В свидетели мы можем призвать Генриха фон Клейста. В эссе «О театре марионеток» он – устами своего собеседника, господина Ц., – говорит так:

«Чем туманнее и слабее рассудок в органическом мире, тем блистательнее и победительнее выступает в нем грация. [...] Но, как две

2 Там же.

линии, пересекающиеся по одну сторону от какой-либо точки, пройдя через бесконечность, пересекаются вдруг по другую сторону от нее, [...] так возвращается и грация [...] таким образом, в наиболее чистом виде она одновременно обнаруживается в том человеческом телосложении, которое либо вовсе не обладает, либо обладает бесконечным сознанием, то есть в марионетке или в Боге»³.

Впрочем, говоря о совершенстве зверя, или механизма, или же превращающегося в камень (наверняка – в мрамор) прекрасного тела, мы остаемся в рамках романтической логики Старобинского и Клейста. Следуя этой логике, можно отождествить механизмы, зверей и богов (Клейст, собственно говоря, так и поступает). Однако Ар Деко возникло после романтизма и отрицает многое в его представлениях и системе ценностей. Поэтому, чтобы объяснить специфику Ар Деко, стоит поискать другую логику и другие метафоры. Попробуем это сделать.

Итак, если все монументальные женщины с картин первой половины XX века и не статуи, и не механизмы, то можно задать вопрос: а живы ли они? Или же (как ни страшно этого предполагать) они умерли и то, что нам показывают, – лишь коллекция мертвых тел вроде знаменитого собрания Фредерика Рюйша?

Хочется сказать, что они ни то и ни другое, а какие-то неуспокоенные мертвецы, навсегда застрявшие между жизнью и смертью. Как говорит о наступающем времени героиня романа Густава Майринка «Зеленый лик» (написанного в 1916 году, в начале эпохи Ар Деко), «из глубин земли исходит какая-то парализующая духота – но не смерть, – и эту духоту, эту невозможность ни жить ни умереть, мне кажется, и подразумевал мой отец, говоря об утрате последних устоев»⁴.

О подобном персонаже рассказывает и Старый Мореход в балладе Сэмюэла Тейлора Кольриджа «Сказание о старом мореходе»: это Жизнь-в-Смерти:

Там только Женщина одна.
То Смерть! И рядом с ней
Другая. Та еще страшней.
Еще костлявей и бледней –
Иль тоже Смерть она?

Кровавый рот, незрячий взгляд,
Но космы золотом горят.
Как известь – кожи цвет.
То Жизнь-и-в-Смерти, да, она!
Ужасный гость в ночи без сна,
Кровь леденящий бред.

Перевод Вильгельма Левика

3 Клейст Г. фон. *О театре марионеток* // Он же. *Избранное*. М.: Художественная литература, 1977. С. 518.

4 Майринк Г. *Зеленый лик*. СПб.: Азбука, 2004. С. 77.

Впоследствии, уже на излете Ар Деко (в 1943 году), Мервин Пик изобразит эту Жизнь-в-Смерти как женщину-скелет с обтянутым кожей черепом, без носа, но при этом – с живыми внимательными глазами, длинными светлыми волосами и преувеличенно пухлыми губами соблазнительницы.

Кажется, что персонажи греческих мифов, будучи превращенными в камень, точно так же застревают между жизнью и смертью. Окаменевшая Ниоба, по свидетельству Овидия, не перестает плакать:

Вот у нее и язык с отвердевшим смерзается небом;
Вот уже в мышцах ее к напряженью пропала способность,
Шея не гнется уже, не в силах двинуться руки,
Ноги не могут ступить, и нутро ее все каменеет.
Плачет, однако, и вот, окутана вихрем могучим,
Унесена в свой отеческий край. На горной вершине
Плачет: поныне еще источаются мрамором слезы⁵.

Животные (и люди в том числе), согласно Карлу Линнею, растут, живут и чувствуют – камни же только растут⁶. Но даже Линней не смог бы объяснить, к какому из царств природы мы должны причислить окаменевшую Ниобу или тех, кто превратился в камень под холодным взглядом Медузы.

* * *

Голландский художник и теоретик искусства Давид Пьер Хумберт де Супервиль (1770–1849) в 1827–1832 годах опубликовал работу «Опыт о безусловных знаках в искусстве»⁷. Интереснее всего, пожалуй, третья, неизданная, часть его трактата, известная под названием «Медуза». Этот текст, соединяющий или, лучше сказать, смешивающий, в себе цитаты из разных источников с оригинальными мыслями автора, представляет собой странный рецидив барочной учености в романтическую эпоху. Такое смешение стилей интересно само по себе, но сначала стоит кое-что сказать о названии труда.

В греческой мифологии Медуза была одной из трех Горгон, младшей смертной сестрой бессмертных Сфено и Эвриалы, и единственной из них, обладавшей смертоносным взглядом. История убийства Медузы Персеем общеизвестна, как и фрейдовская интерпретация ее отрубленной головы. Однако Хумберту де Супервиллю удается сказать (в изложении современной исследовательницы) о Медузе нечто неожиданное:

5 Овидий. *Метаморфозы*. VI. 306-312.

6 Линней К. *Философия ботаники*. М.: Наука, 1989. С. 9.

7 D. P. G. H. DE S. [HUMBERT DE SUPERVILLE D. P. G.]. *Essai sur les signes inconditionnels dans l'art*. Leyden: C. C. Van der Hoek, 1827.

«Медуза представляет собой образ нашей Луны, и это тело, как и все прочие луны или спутники, есть обломок или частица мира, существовавшего ранее. [...] Тысячи лет протекли на земле без Луны. Жителей Аркадии называли *Proselenoi*, людьми, жившими до того, как появилась Луна. [...] Новозеландцы сохраняют рассказы о времени, когда Луны не было. Легенда об одноглазых циклопах свидетельствует, что в отдаленнейшие эпохи существовал только один небесный источник света. Как же тогда наш мир обзавелся своим спутником? Так же, как Сатурн, Юпитер и, возможно, даже Венера обзавелись своими. [...] Из-за столкновения с небесным телом от нашей Земли, как и от других планет, был оторван фрагмент. Часть Солнца, оторвавшаяся от него, столкнулась с Землей, отколол от нее кусок. В результате этого столкновения Земля получила свою нынешнюю орбиту и Луну. [...] Луна символизирует отрубленную голову, поскольку сама была отторгнута от Земли»⁸.

Эти слова нужно объяснить с учетом контекста, и прежде всего – того времени, когда они были произнесены. Времена, как известно, меняются. Одни эпохи оказываются заморожены зрелищем реальных и мнимых катастроф, менявших облик Земли. Таким был XVII век – эпоха барокко, когда иезуит-энциклопедист Атаназий Кирхер воображал себе Вавилонскую башню, которая перевернула бы земной шар.

Но есть и другие времена, когда людей буквально гипнотизирует идея упадка, медленного, но неуклонного вырождения всего, что есть в нашем мире живого. Это викторианство, классический XIX век, который стал таковым после появления книги Чарльза Дарвина.

Ар Деко в этой схеме оказывается рядом с барокко, но только как его несовершенное подобие. Стиль предчувствия и переживания катастрофы ничего не мог сделать для ее преодоления, в то время как художники и архитекторы барокко сумели предложить современникам и товарищам по несчастью лекарство и утешение. Петербургский искусствовед Александр Степанов пишет:

«Люди, у которых почти не было передышки в череде трагических событий XVII века, нуждались в отвлечении от жестокой реальности, в психологической компенсации. Витальное искусство барокко выполняло роль утешителя, создавая яркую альтернативную, воображаемую действительность. [...] Искусство... стало единственной областью деятельности, благодаря которой человек мог восстанавливать свою духовную целостность»⁹.

Однако весь XX век, ничуть не менее страшный и кровавый, чем век барокко, прошел под знаком искусства, которое (в сво-

8 STAFFORD B. "Medusa" or the Physiognomy of the Earth: Humbert de Superville's Cosmological Aesthetics // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, 1972. № 35. P. 310–311.

9 СТЕПАНОВ А. Чем нам интересно барокко? // Логос. 2018. № 4. С. 194–198.

ей высокой и честной ипостаси) всячески отрещивалось от роли утешителя и провозвестника какой бы то ни было духовной гармонии. Мир «Автопортрета в зеленом “Бугатти”» Тамары Лемпицкой способен предложить нам радость и утешение ничуть не более, чем мир «Герники» Пикассо.

Свою логику, позволяющую отождествить Луну с головой Медузы, Хумберт де Супервиль объясняет довольно неуклюже: ночью все спят, а спящие похожи на мертвых – только и всего. Однако из этой примитивной метафоры можно извлечь очень многое для истолкования того времени, которое наступило через сто лет после написания его работы. Луна, ставшая глазом Медузы, освещает своим мертвенным и мертвящим светом всю эпоху Ар Деко.

* * *

Французский генетик Франсуа Жакоб пишет:

«До самого конца XVIII века не существовало четкой границы между существами и предметами. Живое без перерыва продолжалось в область неодушевленного. Все в мире было непрерывно, и, как говорил Бюффон, “можно незаметными шагами спуститься от наиболее совершенного существа к самой бесформенной материи, от наилучшим образом устроенного животного к самому грубому минералу”. Фундаментального разграничения между живым и неживым тогда еще не было. [...] В течение XVII столетия и большей части XVIII качество организации материи, названное в XIX веке “жизнью”, никак не различалось. Функций, необходимых для жизни, пока еще не было; были только функционирующие органы. Целью физиологии было распознавать их механизмы и устройство. Таким образом, в XVII веке не было причин, чтобы искать специальное место для живых организмов, выделяя их из машинерии вселенной. [...]

До XIX века не только не существовало четкой границы между существами и предметами, но и мир живого представлял собой непрерывную сеть. Все было взаимосвязано и смешано. Природа не совершала прыжков. Она наводила мосты между четвероногими, птицами и рыбами, простирая свои связи таким образом, что все сближалось, соединялось и переплеталось друг с другом. [...] Поэтому между самым низким и самым высоким уровнем в ряду живых существ есть бесконечное число переходных звеньев. Все живые существа образуют единую последовательность, непрерывную цепь, которая, по словам Бонне, “трепещет на поверхности земного шара, проникая в бездонные глубины Моря, взмывая в Атмосферу, вторгаясь в небесное Пространство”. Только незнание скрывает от нас некоторые звенья этой цепи и морочит натуралистов призраками отсутствующих звеньев. Связь между индивидами всех родов представляется столь тесной, что, рассматриваемые в целом, они вполне могли “образовать единую сущность, единое

универсальное существо, в котором сами стали бы частями», как писал Адансон»¹⁰.

ВЛАДИСЛАВ ДЕГТЯРЕВ

АР ДЕКО, ИЛИ ВЗГЛЯД
МЕДУЗЫ

Но что мы получаем, добавив к этой модели мира стихию жизни? Сквозь оптику романтизма мир барокко, или (что то же самое) мир описанной Мишелем Фуко «классической эпохи», представляется чудовищем Франкенштейна, собранным из отдельных частей и сшитым буквально на живую нитку. Вспомним, что Мэри Шелли описывала это искусственное существо как соразмерное подобие человека, не имевшее в себе ничего пугающего, но вызывавшее тем не менее безотчетный страх.

Можно еще вспомнить знаменитые строки из первой части «Фауста», в которых Гёте (но, замечу, устами Мефистофеля) говорит как раз об отвержении романтизмом механистичности предыдущей эпохи (или эпох). Новооткрытое явление жизни не сводится к сумме частей живого существа, и в этом коренится основное отличие организма от механизма:

Но даже генезис узнав
Таинственного мирозданья
И вещества живой состав,
Живой не создадите ткани.
Во всем подслушать жизнь стремясь,
Спешат явленья обездушить,
Забыв, что если в них нарушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать¹¹.

Просвещение отделило часть культуры («слова») от своеобразно понятой природы («вещей»), но эти «вещи» включали в себя и живые организмы, и рукотворные объекты. Другими словами, граница между «культурным» и «природным» в те времена проходила не там, где ее провели романтики и где она проходит сейчас.

Ар Деко (и модернизм как его частный случай) можно рассматривать как реванш механицизма, случившийся в постромантической (поствиталистской) культуре. Что же касается модернизма с его фиксацией на проблемах языка (а согласно Максиму Шапиру, модернизм занят разработкой нового художественного языка, в то время как авангард – переосмыслением прагматики художественной деятельности¹²), то она воз-

10 Ясов F. *The Logic of Life. A History of Heredity*. New York, 1973. P. 33–34; 46–47. Шарль Бонне (1720–1793) – швейцарский натурфилософ, автор концепции «лестницы существ». Мишель Адансон (1727–1806) – французский ботаник, изучавший логику классификации живых организмов.

11 ГЁТЕ И. В. *Фауст* // Он же. *Собрание сочинений: В 10 т.* М.: Художественная литература, 1976. Т. 2. С. 68–69 (перевод Бориса Пастернака).

12 ШАПОР М. И. *Эстетический опыт XX века: авангард и постмодернизм* // *Philologica*. 1995. Vol. 2. № 3–4. С. 135–143.

вращает нас в мир, подобный миру барокко, но лишенный при этом барочной логики и/или риторики, объединяющей все сущее. Основное же отличие Ар Деко от барокко заключается в коллажном принципе устройства стиля. А коллаж возможен только тогда, когда есть конфликтующие начала и сопротивление материала, поэтому в барочном мире-конструкторе он возникнуть не может. Для коллажа нужно жесткое противопоставление живого и неживого и сознание того, что живое невозможно разобрать на части и собрать заново. В отличие от барочных монстров или фантазий Джузеппе Арчимбольдо, коллаж принципиально неорганичен поэтому и производит на зрителей столь болезненное впечатление. Более того, коллаж возникает, когда между двумя конфликтующими началами или принципами нельзя сделать выбор, опирающийся на ценностные критерии. То есть в этой ситуации оказываются в равной степени скомпрометированными такие оппозиции, как «традиция vs. новаторство», «условность vs. натурализм» и любые другие, какие только можно сформулировать.

Просвещение отделило часть культуры («слова») от своеобразно понятой природы («вещей»), но эти «вещи» включали в себя и живые организмы, и рукотворные объекты. Граница между «культурным» и «природным» проходила не там, где ее провели романтики и где она проходит сейчас.

Представители же радикальных флангов Ар Деко – как левого (условный Ле Корбюзье), так и правого (столь же условный Альберт Шпеер) – воспринимают свой однозначный выбор как следствие нравственной позиции. Этот выбор формулируется ими как выбор между сложными формами, обремененными шлейфом историко-культурных ассоциаций, и простыми, таких ассоциаций лишенными. В любом случае единство (в противоположность коллажу) ощущается радикально настроенными эстетамы как нечто положительное. Как писал Владимир Паперный в книге «Культура два»¹³, сталинская архитектура стремится соединить в себе все, что было в мировой архитектурной истории хорошего. Что же касается Ар Деко, то оно способно соединить буквально все что угодно, поскольку все элементы этого мира (в том числе и живые) равнозначны и представляют собой «лишь груды поверженных образов»¹⁴, связь между кото-

13 Паперный В. *Культура два*. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

14 «Ибо узнал лишь / Груды поверженных образов» (Элиот Т.С. *Бесплодная земля* (перевод Андрея Сергеева)).

рыми с крушением классической европейской культуры оказалась безвозвратно утраченной. В барочном же мире-конструкторе все элементы ощущаются как одинаково ценные, поскольку согреты и освящены присутствием бога, которое связывает их воедино вне зависимости от наших намерений. То есть коллаж оказывается следствием смерти бога, провозглашенной Фридрихом Ницше около 1880 года.

Похоже, что разница между Ар Деко и барокко такая же, как между трансмутацией и коллажем. Алхимическая трансмутация, по-видимому, основана на принципе непрерывности¹⁵: предполагалось, что любое вещество можно превратить в любое другое, проведя его через все промежуточные стадии. Поэтому портреты Арчимбольдо, составленные из фруктов или рыб, подчеркивают единство мира. Коллаж, напротив, построен на представлении о разрывах в ткани мира. А дискретно организованный мир есть то же самое, что механизм.

Культура Ар Деко предпочитает механическое органическому, но, кажется, чувствует при этом некоторую неловкость. Николай Заболоцкий писал в 1947 году в стихотворении «Я ищу гармонии в природе»:

И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.
И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Можно заметить, что механический «труд» для Заболоцкого выступает не только антонимом анархической «свободы», но и единственным средством, вносящим в мир этическое измерение, хотя и за счет его расколдовывания.

Итак, мир, лишенный бога, приобретает качества механизма, причем плохо работающего и стремящегося к саморазрушению, как машины Жана Тэнгли. Известная максима Мартина Хайдеггера гласит, что техника чревата катастрофой, но это замечание лишний раз подтверждает ее титанический характер, и в том, что «Титаник» носил именно такое название, можно видеть некий провиденциальный смысл. Титанизм и механицизм обладают внутренним родством, но титаны неумны, и это обстоятельство вселяет в нас некоторую надежду. Возможно, именно глупость титанов, ведущих себя как слоны в посудной лавке, имел в виду Джулио Романо, когда изобразил их на

15 См.: Лавджой А. *Великая цель бытия*. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

стенах Палаццо дель Тэ в Мантуе, гибнущими под обломками колонн и архитравов: так высокая культура всегда побеждает грубую силу, которая на нее покушается, пусть даже через самопожертвование.

Вернемся тем не менее к нашим механизмам. Механистическая логика модернизма, основанная на непреложных следствиях из незыблемых причин – наиболее поверхностная из возможных, поскольку она исключает случайность. Если барокко могло приручить случайность, то модернизм, стремясь ее избежать, терпит крушение, подобно Эдипу, неуклонно приближавшему свою судьбу. Вячеслав Локтев в книге «Барокко от Микеланджело до Гварини» пишет:

«Парфенон как воплощение рациональности, целеустремленности, тектонической логики должен был бы показаться художнику барокко трагически обреченным, как обречен царь Эдип в момент, когда в игру вмешивается хаос, слепая стихия. А ведь устойчивость и безопасность, к которой тщетно стремился Эдип, оказывается, могут быть достигнуты совсем иначе. Стоящий рядом с Парфеноном Эрехтейон – тот случай, когда “слепые” и “нецеленаправленные” поступки непредвиденно обезвреживают разрушительные силы. Эрехтейон и комедия не боятся динамики и непредвиденного, поскольку обращают и то и другое в свой “строительный материал”.

Поразительно, что именно в комедии исчезает опасность разрушения, рок обезоружен, обманут. Его обошли, притворившись союзником, отдавшись на волю случая. Эдип и Парфенон “действуют” напрямик, серьезно и только разумно, а за их спиной неотвратимо стоит Рок. Так абсолютно счастливый на вид человек невольно вызывает тревогу за него. Трагедия начинается спокойно, уверенно, “правильно” и кончается ужасно. В комедии – часто нескладное, “угрожающее” начало и радостный, счастливый финал.

Барочный ансамбль, начиная с конфликта, с импровизации, с немотивированного передразнивания, дает в итоге такое ощущение, как если бы с Роком, слепой стихией, хаосом была достигнута надежная договоренность»¹⁶.

Можно сказать, что Медуза в греческом мифе выступает как геометр: она подменяет жизнь формой, изгоняя всякий призрак случайности. И если Луна – это голова Медузы, то идеальный мир, находящийся выше лунной грани, оказывается миром смерти. Именно так его описывает итальянский профессор Филострато в романе Клайва Стейплза Льюиса «Мерзейшая мощь» (1945), который можно рассматривать как реквием культуре Ар Деко. Под многими рассуждениями этого персонажа мог бы подписаться Филиппо Маринетти, много размышлявший о соединении человека и машины. В частности, Филострато произносит следующую апологию искусственности:

16 Локтев В.И. *Барокко от Микеланджело до Гварини. Проблема стиля*. М.: Архитектура, 2004. С. 212.

«В человеке органическая жизнь произвела Разум. Она сделала свое дело. Больше она нам не нужна. Мы больше не нуждаемся в мире, кишасщем жизнью, словно его покрыла плесень. И мы избавимся от нее. [...] Мы постепенно постигаем, как этого добиться. Мы учимся поддерживать тело химическими веществами, а не мертвыми животными и растениями. Мы учимся воспроизводить себе подобных без соития»¹⁷.

Устами Филострато Льюис последовательно раскрывает природу той культуры, которая, гордясь своим рационализмом, породила не только социально-эстетический проект Ле Корбюзье, но и социально-антропологический проект Адольфа Гитлера. Согласно Льюису, и то и другое в равной степени оказывается проявлением влечения к смерти. Вот еще одна пространная цитата, без которой, как мне кажется, здесь невозможно обойтись:

«Полная Луна глядела на них... Стерильный свет залил комнату.

– Вот он, мир чистоты, – сказал Филострато. – Гольй камень, ни травы, ни лишайника, ни пылинки. Даже воздуха нет. Ничто не портится, не гниет. Горный пик – словно пика, острая игла, которая может пронзить ладонь. Под нею – черная тень, в тени – небывалый холод. Если же сделаешь шаг, выйдешь из тени, ослепительный свет режет зрение, словно скальпель, камень обжигает. Вы погибнете, конечно. Но и тогда не станете грязью. В несколько секунд вы станете кучкою пепла – чистым белым порошком...

– Да, – сказал Марк, глядя на Луну, – мертвый мир.

– Нет! – почти прошептал Филострато... – Там есть жизнь... Разумная жизнь. Внутри. Великая чистая цивилизация... Им не нужно рождаться и умирать. Только *canaglia* рождается и умирает. Главные живут вечно. Они сохраняют разум, они хранят его живым. А органическое тело заменяют истинным чудом прикладной биохимии... Они почти свободны от природы, они связаны с ней очень тонкой нитью... Там есть и внешние жители, как бы дикари. На другой стороне существует грязное пятно, с лесами, водой и воздухом. Великая раса стремится дезинфицировать планету, но дикари еще сопротивляются. Если бы перед вами предстала другая сторона, вы бы увидели, как уменьшается зеленовато-голубое пятно. Словно кто-то чистит серебряную посуду»¹⁸.

Изображая лунный мир, Филострато будто бы описывает типичное произведение графики 1920–1930-х – лишенное полутонов, с рваными контурами и локальными пятнами ярких, контрастных цветов, где человеческие персонажи (если они есть) распадаются на пятна абсолютного света и столь же абсолютной черноты. Далее следует проекция идеала на ближайшее будущее:

17 Льюис К.С. *Мерзейшая мощь* // Он же. *Собрание сочинений: В 8 т.* М.: Фонд имени отца Александра Меня; СПб.: Библия для всех, 2003. Т. 4. С. 140.

18 Там же. С. 142–143.

«Мы победим смерть, другими словами – победим органическую жизнь. Мы выведем из этого кокона Нового Человека, бессмертного, свободного от природы. Природа была нам лестницей, и мы ее оттолкнем»¹⁹.

* * *

Если согласиться с преобладающим мнением, что модернизм в живописи начался с интереса к архаике и искусству «дикарей» (которое еще в конце XIX века проходило по разряду этнографии), то придется признать, что аналогом «Авиньонских девиц» Пабло Пикассо нужно считать не белые параллелепипеды Ле Корбюзье, не имеющие никаких исторических прообразов, а расплотившиеся в архитектуре 1920-х зиккураты. Эти ступенчатые пирамиды можно видеть на рисунках американского художника Хью Феррисса, придающего им рациональное обоснование, связанное с нормами освещенности, согласно нью-йоркскому закону о высотном зонировании 1916 года. Однако то, что было практической необходимостью на улицах Манхэттена, продолжается как модное поветрие в Лондоне, Париже, Берлине, Стокгольме и даже в Москве, где хитроумный Алексей Щусев придает (и, надо сказать, очень уместно) мавзолею усопшего большевистского вождя черты гробницы ближневосточного деспота.

Откуда эти зиккураты появились, понять несложно – гораздо труднее разобраться в том, какими были психологические причины их неожиданного появления и столь широкого распространения. Хотя раскопки Генриха Шлимана в Трое и Микенах и не оказали воздействия на формы искусства 1870–1880-х, уже в 1900-е, благодаря работам Артура Эванса в Кноссе, ситуация изменилась. Формы же зданий, подобных зиккуратам, в Ар Деко происходят то ли от ступенчатых пирамид доколумбовой Америки, то ли из Вавилона, где в 1899–1917 годах проводил раскопки Роберт Кольдевей. Как ни странно (или, наоборот, глубоко закономерно), Ар Деко склонно создавать образы прогресса из форм глубокой архаики: так, например, шпиль Крайслер-билдинг (1928–1930, архитектор Уильям Ван Аллен), словно составленный из колпаков автомобильных колес, по сути представляет собой очередную ступенчатую пирамиду, хотя и с закругленными ярусами.

Можно видеть, что увлечение Ар Деко архаикой и экзотикой, то есть до- и внехристианскими культурами, оказывается глубже и серьезнее, чем поверхностная и чисто декоративная «китайщина» XVIII века или столь же поверхностный ориента-

19 Там же. С. 143.

лизм XIX столетия, с его пошловатыми одалисками. Но в самой этой глубине скрывалась опасность, поскольку через влияние архаических культур сама современность и технический прогресс превращаются в нечто архаическое, титаническое.

Архаику можно понимать двояко, в том числе и как воспроизведение мифологического прошлого нашего мира. В греческих мифах нынешнему поколению богов, установивших в мире правильный порядок, предшествовали титаны, на которых пора остановиться подробнее. Согласно Фридриху Георгу Юнгеру, титанизм – это не только «великие формы изначального становления»²⁰, но и все неправильное, несоразмерное, бесформенное или же недооформленное – одним словом, чудовищное.

«Чудовищное» не есть просто страшное или отталкивающее. Этому понятию можно дать строгое определение. Казалось бы, нет ничего проще, и чудовищное легко выводится из фрейдовского понятия жуткого, будучи его превосходной степенью. Однако это не так. Жуткое связано с нашим индивидуальным опытом, в то время как чудовищное обходится без всякой психологии и удовлетворяется телесностью. Можно предположить, что мы нуждаемся в чудовищном для более точного определения собственной сущности методом от противного.

Разговор о жутком требует личной, точнее – личностной реакции, а любая каталогизация жутких явлений глубоко проблематична. Напротив, чудовищное всегда имеет дело с родовым началом и тяготеет к систематизации, к энциклопедии, каковые и создавались во множестве в барочную эпоху («История чудовищ» Улисса Альдрованди и другие). Безусловно, чудовища не есть люди, но слово «человек» служит здесь не более чем наименованием биологического вида, имеющего определенный ареал и признаки – то есть пространственные и смысловые границы. Нарушение же границ предполагает установление новых, уточненных границ. Так, заговорив о чудовищах, барочный мыслитель расставляет вокруг нас красные флажки, за которые опасно заходить. Закия Ханафи в книге «Чудовище в машине» пишет:

«Чудовище есть “не человек”, и оно явным образом сигнализирует об этом посредством своего тела: тела с избытком членов или с недостаточным их числом, с членами в неправильных местах. чудовища уродливы, поскольку деформированы [*de-formed*], буквально находятся “вне формы”, отклоняясь от красоты обыкновенного телесного устройства. Я знаю, что я человек, потому, что я не это. Чудовище служит для того, чтобы утвердить границы человеческого сразу на “нижнем” и на “верхнем” их пределе: полуживотное или полубог, все прочее – чудовищно»²¹.

20 ЮНГЕР Ф.Г. *Греческие мифы*. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 18.

21 HANAFI Z. *The Monster in the Machine: Magic, Medicine and the Marvelous in the Time of Scientific Revolution*. Durham; London: Duke University Press, 2000. P. 2.

Продолжая это рассуждение, можно сказать, что чудовища далеко не всегда кажутся нам страшными, скорее они возмущают нас своей чуждостью и бессмысленностью. Культура же, которую занимает демаркационная линия между смыслом и бессмыслицей и, в частности, чудовищное, то ли не доросла до индивидуальной психологии, то ли, наоборот, пытается от нее отказаться, притворяясь, что не нуждается в ней. Но и телесность как таковая чревата проблемами.

Классическое искусство можно определить наиболее лаконичным образом как теоцентрическое и в силу этого антропоморфное во всех своих проявлениях. Так, ордерная архитектура, как всем известно из учебников, моделируется исходя из пропорций человеческого тела: дорическая колонна – это мужская фигура, ионическая – женская и так далее. Образ мира, который она выстраивает, прост и понятен; более того, именно этот архитектурный мир мы до сих пор считаем наиболее разумным и комфортным. И архитекторы до какого-то момента не решались с этим образом порвать.

Жуткое связано с нашим индивидуальным опытом, в то время как чудовищное обходится без всякой психологии и удовлетворяется телесностью. Можно предположить, что мы нуждаемся в чудовищном для более точного определения собственной сущности методом от противного.

Однако этот момент настал. Титаническая архитектура XX века не только несоразмерна человеку (о чем прямо говорит Эль Лисицкий, придумавший для группы АСНОВА лозунг «Архитектуру мерьте архитектурой»), но и покушается на правила, которые до сих пор воспринимаются нами как воплощение разумного устройства мира, и в первую очередь – на тектонические закономерности ордерной архитектуры. В своей книге об искусстве раннего Нового времени Александр Якимович напоминает, что самые рискованные эксперименты барокко все же не покушались на устойчивость картины мира, сложившейся в голове зрителя.

«Архитекторы были обязаны соблюдать законы, считавшиеся вечными и неизменными. И эти законы были этически ориентированы. [...]

Общее правило состояло в том, что глаз нельзя обижать. Нельзя доводить зрителя до беспомощности, до потери ориентации. Можно удивлять, волновать, вызывать даже некоторое недоумение и беспокойство, но есть граница, которую нельзя переходить. [...]

Есть принцип визуальной целостности. Глаз культурного человека должен получать подтверждение, что все в порядке, все под контролем. Зритель не должен чувствовать себя бессильным и впадать в панику. [...] Эксперимент не должен доводить до состояния безумия и самозабвения. Здание обязано давать пространственные и временные ориентиры. Зритель должен иметь возможность воспринимать главные опорные точки: центр и края, верх и низ, ближе и дальше. [...]

Принцип классической доавангардной архитектуры – это принцип заботы о зрительном восприятии. Глазу надо помочь видеть, читать послание, идентифицировать знаки, определять координаты в пространстве. И понятно, почему надо помогать. Смотрит на мир не просто глаз. Смотрит сверхценное “мы”. Смотрит сам Великий Денотат культуры»²².

В противоположность сказанному архитектура XX века – и реальная, и в еще большей степени воображаемая – не только громоздит Пелион на Оссу, как бунтующие против богов От и Эфиальт («Они, – поясняет Аполлодор, – стали угрожать, что с высоты этих гор взберутся на небо, что превратят море в материк, засыпав его горами, а землю в море»²³), но и порывает с логическими и этическими принципами классики. Рождается новый мир, в котором ценность человека необратимо девальвируется. И, что интересно, он возникает задолго до начала всех бедствий XX века, еще в рамках Просвещения, в проектах Этьена-Луи Булле и Клода-Николя Леду, относящихся к 1780-м. Ханс Зедльмайр в «Утрате середины» обращает внимание на то, что архитектура в этот момент окончательно избавляется от природных форм и ищет не просто монументальности, но сверхчеловеческого величия²⁴. Однако эта монументализация во время Французской революции распространяется и на человеческие коллективы:

«Вокруг алтарного куба собираются в могучие геометрические блоки безжизненно застывшие войска и народ: впервые именно в режиссуре этих государственных действий подчинение человека толпе становится непосредственно доступным взору»²⁵.

С этим рассуждением Зедльмайра мне хочется сопоставить мысль Людмилы Акимовой, говорящей о колоннаде греческого храма как об образе «коллектива, все члены которого [...] с равным усилием несут возложенное на них жизненное бремя; они исполняют ритуал»²⁶. Если считать, что этот смысл колон-

²² Якимович А. *Новое время. Искусство и культура XVII–XVIII веков*. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 32–33.

²³ Аполлодор. *Мифологическая библиотека*. I. VII. 4.

²⁴ Зедльмайр Х. *Утрата середины*. М., 2008. С. 47.

²⁵ Там же. С. 48.

²⁶ Акимова Л. *Искусство Древней Греции: геометрика, архаика*. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 96.

над подспудно сохраняется сквозь века и стили, то получается, что бесконечные колоннады Булле изображают, состоящие из людей мегамшины, о которых писал Льюис Мамфорд в «Мифе машины»²⁷, или государство в том виде, в каком оно изображено на титульном листе первого издания «Левиафана» Томаса Гоббса. С точки же зрения строго антропоморфного прочтения архитектуры колоннады из проектов Булле оказываются аналогичны одинокой колоссальной колонне здания редакции “Chicago Tribune” Адольфа Лооса (1922): они в равной степени чудовищны, поскольку нарушают наши представления о правильности и регулярности, связанные с нормальным человеческим телом, имеющим строго определенное число конечностей и иных органов. Григорий Ревзин пишет:

«[Самым известным произведением Булле] является “Кенотаф Ньютона” (1784) – гигантский шар (полкилометра в диаметре), пустой, в геометрическом центре которого висит гроб сэра Исаака без тела. Это, пожалуй, самое яркое свидетельство того, какое гигантское впечатление оказал Ньютон на людей, чьи умы не просвещены непосредственно физикой. Он предстает как бог, установивший законы мироздания, эманации из его гроба преобразуют разум верующих в него»²⁸.

Однако шар воображаемого кенотафа Ньютона, по-видимому, изображающий само мироздание, объяснить несложно, в отличие от сферической формы Дома садовников у Леду. Ревзин сравнивает его с яблоком, а яблоко отсылает к сюжету грехопадения, что, в общем-то, неважно. Важнее, что сфера может быть образом мира, но никак не домом, твердо стоящим на земле и связанным с окружающим ландшафтом. В отличие от Леду, меседж Булле намного яснее, и он говорит о грандиозности (но не величии) того, что не есть отдельный индивид.

«Противопоставление природы как беспорядка человеку как представителю порядка и культуры, – пишет Дмитрий Лихачев, – типичное противопоставление Нового времени»²⁹. К этому наблюдению, очевидному для исследователя средневековой культуры, стоит добавить, что современного человека окружает великое множество подобных оппозиций, которые так или иначе находят свое отражение в архитектурной риторике. Так Булле, похоже, говорит о противопоставлении человека и общества (или государства), которое строит грандиозные здания и способно преобразовать мир как таковой. То есть смысл его проектов примерно такой же, как у футуристического альбома

27 Мамфорд Л. *Миф машины. Техника и развитие человечества*. М.: Логос, 2001.

28 Ревзин Г. *Слово, которое стало зданием* // Коммерсант. 2022. 21 октября (www.kommersant.ru/doc/5621459).

29 Лихачев Д.С. *Поэзия садов*. СПб.: Наука, 1991. С. 49.

Антонио Сант'Элиа «Новый город» (1914), о котором Ревзин замечает, что он «придуман не для одного горожанина, но для массы, это обиталище коллективного, увлеченного движением куда-то тела»³⁰.

Однако воображаемые здания Булле не похожи на фантазию Сант'Элиа. Утопист XVIII века пользуется другими средствами, нежели футурист, преклоняющийся перед скоростным автомобилем. Уходящие куда-то к горизонту колоннады Булле так же, как аркады Джорджо Де Кирико, напоминают тягучий ночной кошмар благодаря монотонному повторению одного элемента. Можно предположить, что все эти здания не только не предполагаются к осуществлению в этом мире, но существуют в вечности. Подобную архитектуру изображает Рафаэль в «Афинской школе», и даже самому неискушенному зрителю понятно, что эти величественные декорации, словно противостоящие всему земному, служат оформлением некоего философского рая, где Платон с Аристотелем, а также Бозций с Аверроэсом могут предаваться своим размышлениям до скончания времен. Другое дело, что вечность Булле и Леду холодная и неприветливая, примерно такая же, как в «Снежной королеве».

Вспомним, как выглядит нарисованный Леду Дом садовников: это сфера, непонятно из чего сделанная и лишенная окон. Она для чего-то помещена в прямоугольное углубление, напоминающее бассейн (но без воды), попасть же внутрь сферы можно по четырем изящным лестницам и мосткам. Единственное, что связывает этот проект с традиционной архитектурой – намек на серлиану в оформлении входной группы. Действительно, каждый из четырех входов представляет собой трехчастный проем, центральная секция которого завершена полукруглой аркой, а боковые, пониженные, разделены двумя колоннами (или пилонами) каждый. Эти колонны похожи на упрощенные дорические, которые Леду неоднократно использовал в своих постройках, но при этом дугообразно изгибаются вместе с поверхностью сферы, в которую вписаны.

Придуманное Леду сооружение представляет собой откровенный, на грани хулиганства, коллаж, причем намного более радикальный, нежели построенный в Лондоне Бертольдом Любеткиным дом «Хайпойнт II» (1938), модернистский фасад которого дополнен кариатидами, скопированными с портика Эрехтейона и поддерживающими криволинейный козырек над входом. Возможно, это было последнее появление кариатид в XX веке.

Эти неприкаянные кариатиды – обратная сторона явления, которое можно было бы назвать расчеловечиванием колонны. Так, в «пролетарской классике» Ивана Фомина колонны пре-

30 Ревзин Г. *Город движущихся толп* // Коммерсант. 2022. 7 октября (www.kommersant.ru/doc/5592839).

вращаются в цилиндрические столбы, примерно такие же, как в «Доме коллекционера» (архитектор Пьер Пату) на Парижской выставке 1925 года. Этот процесс продолжает Огюст Перре, придавший колоннам Музея общественных работ в Париже (1936) вид ножек стола, расширяющихся кверху. Логическим завершением происходящего стали, с одной стороны, пилониды Шпеера и Пауля-Людвига Трооста, а с другой, – «пилоти» Ле Корбюзье.

Начало же этой эволюции положили гротескно приземистые конические колонны в Кносском дворце, реконструированные Артуром Эвансом и его сотрудником, архитектором Питом де Йонгом, по образцу колонны на барельефе Львиных ворот в Микенах. Однако, как утверждает Кэти Гир³¹, тот мир, который описал Эванс на основании своих исследований в Кноссе, был сознательно сконструирован как противоположность миру Шлимана, миру воинственных гомеровских героев, главным и самым блестящим из которых был микенский царь Агамемнон.

Мир Агамемнона и Приама, реконструированный Шлиманом, был началом традиции *modernité*, с ее безжалостным прогрессом и войной всех против всех. Как пишет Владимир Емельянов, XIX век создавал себя по образцу классической античности и сама идея исторического прогресса была не более чем калькой сюжета о смене поколений греческих богов: так же, как Зевс свергает Кроноса, новое агрессивно вытесняет старое, и насилие становится повивальной бабкой истории³². Эванс в пику Шлиману предлагает альтернативное – и более правильное – начало европейской культурной традиции, пацифистское и безмятежное. Однако минойская архитектура, которую реконструирует Эванс, оказывается принципиально внеантропологичной. Борис Виппер, безоговорочно доверяющий реконструкциям Эванса, писал:

«Критская монументальная архитектура вообще не знает здания как некоего законченного, пластического тела, как самостоятельного тектонического организма. Не знает она и принципиального различия между внутренним и наружным пространством: ее комнаты ничем не отличаются от портиков, ее световые шахты – от закрытых зал. Наконец, чуждо критской архитектуре и понятие направления в здании: присматриваясь к фестским пропилям, видим, что их продольное устремление, их идея пути совершенно обесценены обилием поперечных пространств и опорами, закрывающими как раз середину пути»³³.

31 GERE C. *Knossos and the Prophets of Modernism*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2009.

32 Емельянов В.В. *Исторический прогресс и культурная память (о парадоксах идеи прогресса)* // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 51.

33 ВИППЕР Б.Р. *Искусство Древней Греции*. М.: Наука, 1972. С. 28.

Предсказанное Леду и Булле восстание против историзма в архитектуре оборачивается восстанием против антропологии. Если колонна перестает быть универсальной моделью человеческого тела, множество ее значений оказывается пустым, и она может обозначать все что угодно, в том числе и технические устройства, как это происходит в стихотворении Максимилиана Волошина «Цепелины над Парижем» (1915):

И было видно: осветленный
Сияньем бледного венца,
Как ствол дорической колонны,
Висел в созвездии Тельца
Корабль...

Однако дело не только в том, что ордер есть символическое подобие человеческого тела. Целью любых революций, согласно Ханне Арендт, было сотворение мира заново, а сотворение мира предполагает и сотворение человека³⁴. Но, в отличие от христианского бога, человек-демиург нуждается в материале, и самое радикальное, что он может предпринять, – это переустройство человеческого рода через возвращение в самое начало истории, к архаике. В результате получается единство противоположностей, аналогичное логике оруэлловского но-вояза: чаемое будущее оказывается глубоким прошлым, и на лице механической девушки из «Метрополиса» Фрица Ланга блуждает улыбка архаической Коры.

ВЛАДИСЛАВ ДЕГТЯРЕВ
АР ДЕКО, ИЛИ ВЗГЛЯД
МЕДУЗЫ

34 Арендт Х. *О революции*. М.: Европа, 2011.

ВАДИМ
МИХАЙЛИН

Любовь среди развалин: «Маленькая Вера» Василия Пичула¹

*Вадим Михайлин
(р. 1964) – историк
культуры, социальный
антрополог, переводчик,
профессор Саратовско-
го государственного
университета.*

«ИДИЛЛИЧЕСКАЯ МИНА» ПОД БАЗОВЫМ СОВЕТСКИМ МИФОМ

Я начну издалека: с мифа, связанного с метафорами строительства и руинирования², мифа о разрушении всего старого, отжившего и о строительстве на том же месте чего-то принципиально нового, прекрасного и неотразимо привлекательного для всякого порядочного человека. Этот миф, один из базовых для советского проекта в целом, с самого начала был зыбким и обманчивым, поскольку хотел казаться футуроцентричным, антитрадиционалистским – но на деле же под него исходно была заложена своего рода «идиллическая мина», ибо в самой его основе лежало представление об идеальном грядущем мире как о технократически обновленной версии первобытного коммунизма, придуманного Марксом и Энгельсом в начале 1880-х после того, как они начитались Льюиса Моргана.

Конструируя мифологему коммунизма, Маркс и Энгельс следовали той же нехитрой манипулятивной технологии, которая была привычна, скажем, для афинских законодателей времен архаики и классики: если хочешь что-нибудь радикально реформировать, прежде всего расскажи принимающим решения согражданам, что на самом деле когда-то давно именно так все и было, но потом эта единственно правильная и от предков идущая норма была забыта – либо в силу несовершенства человеческой памяти, что само по себе достойно сожаления, либо стараниями людей злонамеренных, которые исказили исконный порядок вещей в угоду своим корыстным интересам и чьи потомки до сих пор продолжают обманывать доверчивый

1 Статья представляет собой переработанный комментарий к кинопоказу в рамках сдвоенной конференции «Строители и руины & Конструирование предсказуемости. Интерпретация культурных кодов» (XVIII–XIX Пирровы чтения. 24–26 июля 2021 года). Кинопоказ прошел 25 июня 2021 года в лектории Саратовского государственного художественного музея имени А.Н. Радищева. Запись: www.youtube.com/watch?v=uk_DEu4mwdY&t=971s.

2 Эта метафора крайне любопытным образом соприкасается с соответствующими образными рядами в ма-сонской мифологии – что не так уж и удивительно в контексте той экзальтированной декадансно-мистической атмосферы, в которой формировалась рефлексирующая (и пишущая) революционистская элита рубежа XIX–XX веков.

народ. И шанс на успех любое новшество имело только в том случае, если подавалось как возрожденная из руин традиция.

«Идиллическая мина» просто не могла не сработать под коммунистическим проектом на уровне элементарных когнитивных диспозиций, не говоря уже о сюжетах политического и экономического характера, как только исходный революционный порыв с неотъемлемым от него пафосом обновления начал сходиться на нет. По большому счету, если в гегельянской спирали ослабить восходящий момент, она свернется в сюжет о вечном возвращении. В языках, на которых говорило советское искусство – в том числе и кино, – соответствующие тенденции ощутимы уже в рамках поздне сталинского «большого стиля» с его непреодолимой тягой к идиллическим сюжетам в идиллических же декорациях, замкнутых в счастливой бесконечности нового «золотого века», который, собственно, уже наступил – если не в жизни простого советского человека, то уж во всяком случае в жизни его экранных суперэго. «Искреннее» искусство хрущевской оттепели, пришедшее на смену «большому стилю», попыталось вдохнуть в революционную риторику новую жизнь, но очарование идиллии было настолько непреодолимым, что позволяло ей проникать даже в кинотексты, совершенно плакатные по своей природе, вроде райзмановского «Коммуниста» с пасторальной любовной сценой, снятой едва ли не в духе пырьевской комедии о трактористах. А через четыре года после «Коммуниста» в фильме «А если это любовь?» – весьма провокативном и остро полемичном для 1961 года – дискурс строительства уже не отталкивается от дискурса руинирования, а выступает с ним в плотном и прекрасно сбалансированном тандеме. Фоном для подростковой драмы здесь становится не только активно строящийся городок при промышленном гиганте³, но и совершенно буколический полуразрушенный храм в лесу, куда герой и героиня забираются, чтобы спрятаться от внезапно хлынувшего дождя, – сюжетный ход, отчетливо восходящий к аналогичной сцене между Энеем и Дидоной в Вергилиевой поэме, незнакомой широкому советскому зрителю, но прецедентной, как и весь Вергилий, для европейской идиллической традиции. И, несомненно, прекрасно известной Юлию Райзману, выпускнику одной из самых престижных московских классических гимназий, а затем и литературно-художественного отделения МГУ. При

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:

«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»

ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

3 С лагунковскими пятиэтажками в качестве символа новой, обновленной советской публичности, с ее реальной, а не плакатной заботой о нуждах и чаяниях простого человека. На рубеже 1950–1960-х этот визуальный сигнал воспринимался совершенно серьезно и сугубо позитивно, в контексте поступательного движения к обществу всеобщего изобилия и социальной справедливости, поскольку панельное строительство позволило если не полностью решить острейшую проблему с нехваткой городского жилья, то во всяком случае существенно улучшить качество жизни населения в быстро растущих советских городах, хотя бы отчасти компенсировав негативные эффекты мобилизационной урбанизации.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:
«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»
ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

этом «прогрессистские» декорации фильма сопряжены с травматическим опытом, а буколические руины (вкуче с букетом других идиллических сигналов, формирующих полноценный феокритовский *locus amoenus*) – с кульминацией чистого и почти беспримесного личного счастья⁴.

В позднесоветской культуре идиллия – с ее культом приватности, замкнутых пространств, руин и маленького эротически окрашенного счастья – цветет пышным цветом, причем в крайне широком и диверсифицированном спектре вариантов: от пейзажной буколики⁵ до декаданса и от мифа об утраченном «золотом веке» (древнерусском, екатерининском, пушкинском, символистском, нужное подчеркнуть) до мифа о Дафнисе и Хлое в джинсах. Снимая в 1987 году свою «Маленькую Веру», Василий Пичул эту позднесоветскую идиллию жестко деконструировал, развернув ее к той реальности, на фоне которой в массе своей существовал рядовой гражданин Союза и в которой желание выстроить маленькую частную Аркадию на

4 Развернутый анализ фильма см. в: Михайлин В. *Корректировка проекта: новый габитус советского человека в фильме Юлия Райзмана «А если это любовь?» // Человек как проект. Интерпретация культурных кодов 2016*. Саратов; СПб.: ЛИСКА, 2016. С. 147–197.

5 В плоскости реальных жизненных стратегий трансформировавшаяся для позднесоветского горожанина в дачную утопию. Которая – если рассматривать ее с сугубо антропологической точки зрения – для весьма значительной доли городского населения приобрела статус культовой практики, в какой-то мере подменив и вытеснив как элементы советских культов, выхолощенных и дискредитированных, так и элементы культовости религиозной. Последние вполне могли существовать – и существовали в достаточно массовом порядке – на правах маргинальных элементов частного быта, скрываемые от посторонних глаз в периоды особо рьяной борьбы с религиозными предрассудками, как, скажем, в самом начале 1960-х, или мягко-демонстративные, как в интеллигентской моде на иконы как элемент интерьера и на прочую «этнографическую религиозность» в 1970-е. Но они в любом случае не могли в полной мере обеспечить одной из главных функций любого культа: не помогли в создании социально приемлемой и широко одобряемой идентичности. А вот служение шести соткам эту задачу решало вполне и обладало большинством признаков, необходимых для успешного культа: 1) Приоритет символической экономики. Бессмысленный и беспощадный труд на дачном участке, конечно, приносил некоторый «продукт» в виде «помидорчиков, выращенных вот этими руками» и теми же самыми руками закрученных на зиму. Причем этот продукт даже имел некоторый прагматический смысл, если принять во внимание ассортимент и качество еды, продававшейся в советских магазинах. Но количество вложенных в дачу ресурсов – материальных, социальных, временных – многократно превышало получаемую таким образом пользу. 2) Псевдоэлитарный статус. Позднесоветская дача обладала особой символической ценностью как имитация одного из элементов престижного образа жизни, свойственного советским номенклатурным элитам сталинских времен, в свою очередь пытавшихся имитировать практики элит дореволюционной России и, шире, в традиционные европейские аристократические практики. Возможность обладать собственным буколическим «карманом бытия», таким скромным Трианоном вдали от шума городского, была неотразимо привлекательной. Собственно, в общую идиллическую проекцию вполне укладывалась даже имитация крестьянского труда, и позднесоветский горожанин в закатанных трениках в определенном смысле был здесь наследником вполне почтенной и репрезентативной традиции, включавшей пеструю компанию из Марии Антуанетты, графа Толстого и Александра Энгельгардта. 3) Создание собственной социально-коммуникативной среды со встроенным набором поведенческих и дискурсивных жанров. Разговор о режимах полива и способах борьбы с разного рода дачными напастями помогал найти заинтересованного партнера по коммуникации едва ли не в любой ситуации и компании. 4) Наличие ритуализированных практик. Особую прелесть этому культу придавала – значимая с представленной здесь точки зрения – возможность трансформации его в культ приватный, ограниченный членами малой группы, как правило, семейной. Что отнюдь не противоречило социально-репрезентативной прагматике: сопоставление маленьких личных Аркадий, обставленных ритуальными визитами «на шашлыки» и соседским обменом даров земных на дары земные.

фоне очередного гиганта социалистической индустрии слишком часто наталкивалось на обстоятельства непреодолимой силы – к примеру, на элементарное отсутствие свободного пространства, куда эту Аркадию можно было бы втиснуть.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:
«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»
ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

**Если хочешь что-нибудь радикально реформировать,
прежде всего расскажи, что на самом деле когда-то
давно именно так все и было, но потом эта
единственно правильная и от предков идущая норма
была забыта.**

СОВЕТСКИЕ СТРОИТЕЛЬСТВО: ЭРОТИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ

Еще один любопытный и значимый в нашем случае тренд в советском искусстве – это установка на эротизацию строительства, строителей и вообще технократической тематики, также восходящая к исходной, большевистской, версии советского проекта и пережившая весьма специфический ренессанс в позднесоветские времена. Установка, которая по простетивии нескольких советских эпох, пришедшихся на середину века, сама по себе стала казаться вполне парадоксальной, поскольку одновременно с той общей и крайне резкой сменой вех, которая в 1930-е ознаменовала собой переход от большевистского революционного порыва к сталинскому неоимпериализму, в отечественной культуре воцарилась совершенно пуританская атмосфера – во многом определяющая умонастроения сограждан и до сей поры.

В 1920-е построение нового мира, поданное средствами нового же искусства, было предельно физиологичным. Возвышенные видения в духе юоновской «Новой планеты» (1921) и предельно бесплотный авангардный мистицизм быстро сходят со сцены, уступая место торжествующей телесности Ассоциации художников революционной России или Общества художников-станковистов (ОСТ), где революционная современность позиционируется как некий пролог к технологически перенасыщенному будущему, в котором строительство новой индустрии и строительство нового человека будут элементами единого процесса. В ОСТовском постэкспрессионистском конструктивизме телесность имеет природу скорее биомеханическую и сексуальная природа персонажа неотъемлема от производительности как биологической, так и технологической – достаточно вспомнить живописные работы Александра Дейнеки

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:
«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»
ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

(«На строительстве новых цехов» (1926), «Утренняя зарядка» (1932)) или Юрия Пименова («Даешь тяжелую индустрию!» (1927))⁶. В «Метростроевках» (1933–1934) Александра Самохвалова эта биомеханика эротизирована уже до предела. Женские тела не перестают рифмоваться с архитектурными и механическими конструкциями, но зритель видит скорее сонм оживших неолитических Венер, использующих стропы, мотки кабеля и отбойные молотки как атрибуты brutального эротического культа. В кино этот сплав созидательного пафоса и эротизированной телесности проникает в куда меньших масштабах – отчасти из-за того, что изобразительные искусства все еще считаются главным инструментом пропаганды, а отчасти по причинам, связанным с материями организационными и экономическими. Частные кинотеатры, которых в 1920-е в стране большинство, крайне неохотно пускали в прокат советские пропагандистские ленты, поскольку зритель совершенно отчетливо голосовал ногами за мелодраму, криминальный жанр и вестерн – причем по преимуществу западного производства⁷. Ситуация радикально изменится в следующем десятилетии, когда не контролируемого государством кинопроката в стране попросту не останется, – но произойдет это уже в рамках сталинского пропагандистского проекта, в котором отношение к эротике будет совершенно иным. Впрочем, по обе стороны этого водораздела встречаются знаковые с данной точки зрения ленты – вроде «Третьей мещанской» (1927) Абрама Роома⁸ или «Колыбельной» (1937) Дзиги Вертова⁹.

- 6 Реже у ОСТовцев эротичность фигур, напротив, педалирована, но происходит подобное, как правило, за рамками станковой живописи, в работах сатирического или бурлескного характера, как на графических листах («Кабаре» (1921) или «Акробаты» (1931) Александра Дейнеки, «НЭП. В ресторане» (1927) Юрия Пименова), – либо же в работах откровенно интимной природы, тематика которых подчеркнута вынесена за пределы публичного поля («На балконе» (1931) Дейнеки), а иногда и вовсе приобретает откровенно порнографическую природу, как в случае с написанной в качестве дружески-провокативного подарка Федору Богородскому картиной того же Дейнеки «За занавеской» (1933).
- 7 См.: Юсупова Г. *Кассовые феномены искусства 1920-х годов и легенда о «новом зрителе»* // Киноведческие записки. 2013. № 102–103. С. 151–167; Она же. *«С большим материальным и художественным успехом...». Кассовые феномены популярного искусства 1920-х годов. Кино. Литература. Театр.* М.: ГИИ, 2016. С. 34–55; Фёдюк А. В. *Советская система кинопроизводства и кинопроката в 1920–1930-е гг.* Дис. канд. ист. н. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009.
- 8 Где важна не только анекдотически-провокативная сюжетная линия о любви троим, но и совершенно роскошные мизансцены, обыгрывающие эротику в ироническом ключе. Чего стоит один только эпизод с обеденным перерывом на 13-й минуте фильма, где персонаж Николая Баталова, прикончив на строительных лесах реставрируемого Большого театра положенную бутылку кефира, усаживается у ног клодтовского Аполлона курить и поглядывать с высоты на Москву ровно так, чтобы отчетливо рифмоваться с членом бога, а потом и вовсе – закинув руку за голову – превращается в физическое продолжение этой скульптурной детали. Не знаю, пробовал ли кто-нибудь наложить на эти кадры «Марш высотников» из «Высоты» (1957) Александра Зархи, но фраза «наше первое свидание / пускай пройдет на высоте» явно заиграла бы свежими красками.
- 9 Более предметный разговор об эротических и прокреативных подтекстах этой картины см.: Михайлин В. *Образ матери в советской «военной» визуальной культуре 1940-х годов и производство аффекта* // Миргород. 2020. № 1(15). С. 168–206.

В эпоху «большого стиля» телесность в советской визуальной культуре начнет выполнять совсем другие задачи, связанные не с возбуждением зрительского внимания, а скорее с комфортизацией и адаптацией к «сиюминутной вечности» сталинского СССР, и зритель погрузится в атмосферу пуристского классицизма, в котором сексуальные подтексты будут маркировать едва ли не исключительно персонажей «других», «не наших» – во всем возможном спектре ролевых моделей. В «Цирке» Григория Александрова (1936) американская актриса Мэрион Диксон в исполнении Любви Орловой, одетая в вызывающее трико, кокетливый котелок и с «бобом» на голове¹⁰, исполняет совершенно кабаретный номер: она «чужая», но потенциально «наша», жертва шантажа и капиталистической эксплуатации; она просто не знает, что так себя вести не следует. Как нужно правильно выглядеть и как вливаться в праздничные контексты, она поймет ближе к концу картины и в финале будет бодро шагать в первомайской колонне, одетая в советский экранный «унисекс» (плотный белый свитер, скрадывающий очертания груди и абсолютно идентичный свитерам на шагающих рядом мужчинах; юбка в три четверти, на голове – перманентная «Фантазия № 9»), пластика ее станет строго физкультурной, утратит всякую излишнюю гибкость, привлекающую внимание к особенностям фигуры, и строиться будет на размашистых энергичных движениях, демонстрирующих готовность к труду и обороне. В «Радуге» Марка Донского (1944) или в «Поединке» (1945)¹¹ Владимира Легошина эротизируется «предательница» – советская женщина, идущая на сотрудничество с врагом¹². Эротика и строительство светлого будущего на некоторое время принципиально расходятся – чтобы встретиться снова, как только сталинский стиль начнет сдавать позиции¹³.

Попытка реанимировать революционный миф, ставшая вывеской хрущевского мобилизационного проекта, вернула к жизни и творческий тандем строительства и эротики. В живописи эта тенденция проявилась быстрее и отчетливее, чем в кинематографе, рассчитанном на гораздо более массовую аудиторию и вследствие этого куда более консервативном. Уже в начале 1960-х бывший ОСТовец Юрий Пименов заново отстроит семан-

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:

«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»

ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

10 Об эволюции причесок в СССР см.: ЛЕБИНА Н. *Волосы и власть: советский вариант* // Теория моды. 2007. № 4. С. 119–130.

11 Фильмы датируются по времени выхода на большой экран.

12 Обе роли сыграла Нина Алисова. О том, насколько важным для советской пропаганды было создание соответствующего образного ряда, свидетельствует то обстоятельство, что за роль в «Радуге» актриса получила Сталинскую премию *первой* степени.

13 Впрочем, успев за двадцать лет задать крайне высокую – пуристинскую, по сути – планку недопустимости, которая относилась к любым публичным репрезентациям сексуальности. Планку, которая моментально вернулась на место, как только российские элиты уже XXI века взяли курс на активную эксплуатацию советского символического ресурса.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:
«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»
ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

тические мостики – правда, в совершенно ином стилистическом регистре и с той интеллигентской приправой из лиризма и иронии, которая вообще была характерна для оттепельного отношения к «нашим революционным истокам» («Первые модницы нового квартала» (1961), «Лирическое новоселье» (1965))¹⁴. Не пропадет втуне и тяга Ассоциации художников революционной России к гиперизобилию плоти, пропущенная через барочную сталинскую парадность, как на «задорных» жанровых картинах Татьяны Яблонской («На стройке» (1957)) или на кокетливо-раблезианских групповых женских портретах Николая Карачарскова («О нас пишут» (1969), «Солнце, зерно и девчата» (1978)). Кинематографическая оттепельная эротика предпочитает совсем другие декорации, максимально удаленные от «здесь и сейчас» массового советского зрителя – за счет экстраполяции в пространстве и времени, которая в данном случае выполняет роль эстетической дистанции, способной претворить голое тело в обнаженную натуру¹⁵. Другой допустимый вариант дистанцирования – комедия или фантастика¹⁶. Одно из немногих «посюсторонних» исключений – упомянутый фильм Юлия Райзмана «А если это любовь?», где полностью оставшийся за кадром первый секс героя и героини демонстративно привязан к строящейся хрущевской пятиэтажке и противопоставлен невинной полудетской эротике в буколической сцене, с декорациями из лесной чащи и руинированного храма.

В 1970-е и в начале 1980-х годов строительный или технологический бэкграунд способен выполнять для эротического сюжета разве что сугубо декоративную роль – как на картинах

14 Если во второй картине акцент сделан на лирической составляющей этого коктейля, то в первой лирический взгляд на три стройные девичьи фигурки, пробирающиеся (в праздничных платьях) по трубам сквозь новостроечную грязь, служит достаточно надежным прикрытием для тотальной иронизации сюжета – причем иронизации, достаточно циничной. Ключевой сигнал, полностью переворачивающий восприятие картины, исходит от висящей на столбе киноафиши калатозовского фильма «Летят журавли» (1957) – этой квинтэссенции как оттепельной искренности, так и оттепельного обращения к экспериментальной эстетике 1920-х. Массовой публике – к которой, вне всякого сомнения, относились бы и изображенные на картине девушки, забреди они на выставку Пименова, – совершенно незачем было знать о той пикантной истории, которая имела место на Каннском фестивале 1958 года, отборочный комитет которого настоял на том, чтобы поменять название картины с «Quand passent les grues» («Летят журавли» или, буквально «Когда пролетают журавли») на «Quand passent les cigognes» («Когда пролетают аисты»), поскольку первый вариант любой француз сразу прочел бы как разговорное «Когда мимо идут шлюхи» – что, в контексте основной сюжетобразующей истории фильма, существенно повлияло бы на его восприятие. Юрий Пименов, как и вся остальная московская богема, просто не мог об этом не знать.

15 Самый распространенный вариант – колониальный, пропущенный через жанр советского «кистерна», что позволяло одновременно сделать пространство картины экзотическим и отодвинуть его во времени. «Сорок первый» (1956) Григория Чухрая, «Первый учитель» (1965) Андрея Кончаловского, «Белое солнце пустыни» (1969) Владимира Мотыля делают сцены топлес вполне возможными. Впрочем, другие исторические периоды также способны дать необходимую меру отстранения – как Древняя Русь в «Андрее Рублеве» (1966) Андрея Тарковского или Вторая мировая война в «Здравствуй, это я!» Фрунзе Довлатяна.

16 Комедия – «Бриллиантовая рука» (1968), «Операция “Ы”» (1965) и «Кавказская пленница» (1966) Леонида Гайдая. Фантастика – «Человек-амфибия» (1961) Геннадия Казанского и Владимира Чеботарева, «Разбудите Мухина» (1967) Якова Сегеля.

«Сотворение мира» (1973) Юрия Пименова или «Бело-голубой день» (1975) Яна Крыжевского. Зато расцветает в полную силу (и – эротизируется!) поэтика руин – самозабвенно серьезная, традиционалистская, как у Тарковского или Авербаха, лирическая, как в «Любовь и голуби» (1984) Владимира Меньшова, или иронично-декадансная, как у Сергея Соловьева и Романа Балаяна, – которая ко второй половине 1980-х становится вполне законной составной частью «чернушной» эстетики, как и эротика.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:

«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»

ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

Попытка реанимировать революционный миф, ставшая вывеской хрущевского мобилизационного проекта, вернула к жизни и творческий тандем строительства и эротики.

Применительно к «Маленькой Вере» это контекст, весьма немаловажный. Прежде всего необходимо заметить, что в СССР 1988 года, когда картина вышла на экраны, она совершенно однозначно воспринималась как первый советский эротический фильм – и для массового зрителя эта его жанровая принадлежность была определяющей¹⁷. Еще никогда в советском кино не было – в кадре – полового акта, поданного как значимая часть нормальной человеческой жизни. Справедливости ради следует заметить, что фильм «Меня зовут Арлекино» Валерия Рыбарева вышел на экран несколькими месяцами ранее «Маленькой Веры». Но тамошний эпизод с изнасилованием, во-первых, был нужен прежде всего для того, чтобы педалировать «чернушный» месседж, как характеристика образа жизни, любим «человеческим» представлениям о норме категорически противопоставленного. А во-вторых, подан он был через серию флэшей со средними планами, на которых видна грудь героини – а затем через более продолжительный и максимально удаленный план с набором визуальных сигналов, по которым зритель сам должен был достроить сцену насилия. В «Маленькой Вере» герои занимаются сексом прямо перед камерой, почти полторы минуты экранного времени, снятые крупным планом, да еще и продолжают при этом общаться между собой – как если бы сидели за завтраком или прогуливались в парке.

Обнаженной натуры советская кинематографическая традиция также старательно избегает. Если таковая и появляется на экране, то, как правило, в режиме флэша – техники, которой советские режиссеры пользовались достаточно умело, прекрасно отдавая себе отчет в том, что применительно к застегнутой на

17 «Маленькая Вера» – полноценный советский блокбастер, самый кассовый фильм 1988 года, собравший в кинотеатрах более 55 миллионов зрителей.

все пуговицы отечественной массовой культуре самого факта «случайного» и мимолетного появления на экране голого женского (как правило) тела уже достаточно для радикального повышения степени зрительского внимания. Поэтому в советских картинах флэш, как правило, предшествует принципиально значимым сигналам, которые режиссер считает необходимым максимально усилить¹⁸.

Эротическая составляющая в «Маленькой Вере», во-первых, никоим образом не была ограничена «случайными» ракурсами обнаженной натуры. Наталья Негода абсолютно естественно чувствовала себя в кадре вне зависимости от степени одетости или раздетости. И одно это уже не могло не восприниматься как жест, не могло не шокировать советскую зрительскую аудиторию. Во-вторых, эротика выполняла совершенно непривычные для советского кино (и, конечно же, для массового советского зрителя) функции, поскольку режиссер не использовал эротику как экфрасическую рамку для некоего особым образом выделенного месседжа, а напротив, максимально плотно вписывал ее в повседневность, – тем самым «напрягая» эту повседневность изнутри.

Массовый советский человек к 1988 году уже начал понемногу привыкать к тому, что запретные плоды – в том числе и видеокассеты с сюжетами, относящимися к неприемлемым жанрам¹⁹, – становятся доступны не только в номенклатурных квартирах, где видеомагнитофоны «прописались» еще с середины 1970-х, но и в его собственном быту. Он смотрел ужастики, порно, боевики и клипы зарубежных поп-звезд в кооперативных видеосалонах или частных квартирах, и приглашение в гости на «видюшник посмотреть» содержало в себе мотивацию, столь же законную, как «телек посмотреть» в сере-

18 Причем происходит подобное время от времени даже в таких фильмах, где эротика вроде бы не предполагается в принципе – хотя бы в силу жанровой принадлежности ленты. Например, в школьном кино, как в случае с «Переходным возрастом» Ричарда Викторова, где режиссер именно при помощи прекрасно продуманного (и максимально скраденного) флэша готовит позиции для запуска одной из самых эмоционально насыщенных линий сюжета. Подробнее об этом см. в: Михайлин В., Беляева Г. *Смена вектора: конструирование памяти о войне в «Переходном возрасте» Ричарда Викторова* // Неприкосновенный запас. 2022. № 3(143). С. 233–258.

19 «Порнография», под которой подразумевалась любая, даже самая мягкая эротика; социальная или политическая критика советского или других «прогрессивных» режимов; восточные боевые искусства; мистика. Неприемлемость всех этих жанров, конечно же, была функцией от официального советского дискурса со всеми его воспитательными, просветительскими по происхождению и структуре комплексами. Но – как и любые другие ограничения, навязываемые советской культурой сверху, – запретные жанры порождали в массовом советском человеке сложную, напряженную изнутри систему установок, часть из которых по видимости была противоположной. В рамках советской «культуры дефицита» любой запрет автоматически повышал символическую ценность запрещаемого и переводил его в категорию «товара повышенного спроса». Что в свою очередь почти автоматически приводило к выстраиванию иерархий доступа, стратегий нормализации, каналов доставки и так далее. В то же время привычка к *doublethink* практически неизбежно порождала и *doublethink*, в основе которого лежало прежде всего заинтересованное, инструментальное использование соответствующей риторики. В современной России мы имеем дело с весьма любопытными эпифеноменами этих двоюмыслий и двоеречий.

дине 1960-х. Но только еще более привлекательную, поскольку двадцать лет назад речь шла просто о технологическом новшестве, теперь же новшество начало играть служебную роль – как средство доставки удовольствия, буквально вчера полузапретного и практически невозможного. Если главный герой шикарного фильма молодых Игоря Масленникова и Ильи Авербаха «Личная жизнь Кузьева Валентина»²⁰ звал приятеля всего лишь на трансляцию хоккейного матча, то в «Маленькой Вере» молодежь, собравшаяся на проводы приятеля в морское училище, замороженно наблюдает за непривычной пластикой и демонстративно сексуализированным видеорядом клипа Си Си Кэтч на «Heaven and Hell» – кстати, «практически свежего», всего лишь двухлетней давности.

Но вот тут-то и кроется главная причина, в силу которой советский человек 1988 года воспринял фильм Василия Пичула как зрелище, во многом шоковое. В большинстве своем он уже успел посмотреть по видео эротику куда более крутого замеса, чем та, что была показана в «Маленькой Вере», – но это было *по видео*, то есть в принципиально других ситуативных рамках, в приватной атмосфере, да еще и с неким остаточным привкусом запретности, четко противопоставленной атмосфере советского кинотеатра, который совершенно однозначно воспринимался как сегмент «официального» пространства. То есть пространства, безальтернативно присвоенного государственной властью и строго «заточенного» под задачи, связанные с идеологической обработкой населения. Любой сигнал, исходящий с этой территории, привычно воспринимался как моделирующий, дидактический, как часть единой нормы, известной и понятной не только работникам идеологического фронта, но и всякому социально адекватному гражданину СССР, который давно уже привык к параллельному существованию двух (на самом деле больше, чем двух) нормативных реальностей и к тому, что граница между публичным поведением и поведением *entre nous* не должна быть проницаемой. А потому демонстративное нарушение нормы, принятой «на людях», перенесение в публичное поле любого феномена, возможного только в поле приватном, не могло не восприниматься как свидетельство тектонического сдвига системы в целом.

Этот шок, судя по всему, был намеренно заложен в «настройку» фильма, поскольку эротическая составляющая картины, помимо решения собственно художественных задач, выполняла еще одну функцию: отвлекающую. Главная идеологическая диверсия была в другом. В точном, моментально опознаваемом (авто)портрете массового советского человека как он есть,

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:

«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»

ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

20 Подробный анализ картины см. в: Михайлин В., Беляева Г. *Чужие письма: границы публичного и приватного в школьном кино 1960-х* // Неприкосновенный запас. 2016. № 2(106). С. 106–128.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:
«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»
ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

в естественных условиях обитания, с естественным же набором реакций на эти условия. Коллективным портрете латентных строителей коммунизма, при создании которого авторы фильма тщательно избегали «милых» позднесоветских штампов с деревенскими чудаками²¹ и симпатичными, тонко чувствующими аутсайдерами (в миру – ироничными слесарями с глубоким внутренним миром)²². И портрет этот был настолько (само)убийственным, что требовал скрытой подачи. Эротика в «Маленькой Вере» не привлекала внимания к «точечному» месседжу, а заслоняла собой месседж системный: она была растворена в экранной повседневности, как острая приправа, заставляющая зрителя без особого сопротивления и шока проглотить основное блюдо. Поскольку это была не просто любовь среди развалин. Это была любовь среди развалин той вселенной, которую советские люди строили на протяжении семидесяти лет.

Демонстративное нарушение нормы, принятой «на людях», перенесение в публичное поле любого феномена, возможного только в поле приватном, не могло не восприниматься как свидетельство тектонического сдвига системы в целом.

СТРОИТЕЛИ РУИН

Если все происходящее в мире, который показан на экране Василием Пичулом, попытаться представить как некий единый процесс, то обозначить его можно словосочетанием «самовоспроизводство руин». У персонажей фильма есть некая понятная и привычная им жизнь, они строят планы на будущее, они где-то кем-то работают и учатся – или готовятся учиться и работать. Но что бы они ни строили, они строят руины, столь же непригодные для жизни, как и тот выморочный мир, в котором они обитают прямо здесь и сейчас. Им скучно, или страшно, или больно – и вместе они держатся не потому, что им есть, что делать вместе, а просто потому, что им скучно, страшно и больно. Об этом же, собственно, и сюжетообразующая история двух протагонистов: яркого мальчика из среды мелкой – областно-разлива – номенклатуры, и драйвовой девочки из пролетар-

21 «Печки-лавочки» (1972) Василия Шукшина, «Деревня Утка» (1976) Бориса Бунеева, «Баламут» (1978) Владимира Рогового, «Любовь и голуби» (1984) Владимира Меньшова – и прочая, прочая, прочая.

22 «Москва слезам не верит» (1980) Владимира Меньшова, «Влюблен по собственному желанию» (1982) Сергея Микаэляна.

ской пятиэтажки. История про двух покалеченных людей как потенциальных создателей очередной социальной ячейки.

За пять лет до Василия Пичула, в «Полетах во сне и наяву», Роман Балаян уже создал очень злой и точный портрет советского человека. Но то был портрет сугубо локальный, привязанный к конкретному поколению и конкретной социальной страте: портрет интеллигента-шестидесятника, получившего в первой половине 1960-х техническое или естественнонаучное образование, а к концу следующего десятилетия, к собственным сорока годам, потерявшего смысл того, что происходит как вокруг, так и внутри него. У Пичула же выведен позднесоветский человек *en masse*, с этакой постнеореалистической установкой на снятие эстетической дистанции.

Поэтому фильм подчеркнута неполиткорректен и подчеркнута жестко работает с цитатами из кинематографа, привычного тогдашнему отечественному зрителю. Именно с такой цитаты Пичул и начинает свою ленту, «подложив» под титры любовную отсылку к одной из самых популярных картин конца брежневской эпохи – к «Вам и не снилось». Этот фильм, снятый Ильей Фрэзом за восемь лет до «Маленькой Веры» в самом конце брежневской эпохи, представлял собой вдохновенный гимн семидесятичной грезе о маленькой приватной идиллии и весь был построен на эскапистском мифе о всепобеждающей любви малых мира сего, на сюжете о современных Дафнисе и Хлое²³, где есть место испытаниям и смерти, но есть и обещание невиданного счастья вдвоем, которое позволит юным героям отрясти от ног прах убогой и бескрылой повседневности.

В мелодраме Ильи Фрэза под титры шел длинный общий план, неотразимо таинственный благодаря сопровождающей его романтической балладе Алексея Рыбникова на слова Рабиндраната Тагора²⁴. Абсолютно черный экран с одной-единственной светящейся точкой, из которого постепенно начинал проступать пейзаж свежестроенного московского спального района – с одиноким, как маяк, окном, где свет горел всю ночь. Василий Пичул буквально повторил этот визуальный сюжет, вот только огонек у него с самого начала не один, их множество – они предмет статистики, а не романтического лю-

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:

«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»

ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

23 Очевидные как в фильме, так и в повести, по которой он был снят, отсылки к шекспировской традиции (в литературном первоисточнике героев звали Рома и Юля), совершают своего рода подмену референтной базы, переадресуя публику не собственно к Шекспиру, а к значительно более поздней романтизированной традиции вчитывания сюжета о Ромео и Джульетте во вполне бытовые, насквозь пропитанные «коровьим теплом» (как сказал бы один из персонажей Томаса Манна) современные сюжеты, предлагая читателю и зрителю не трагедию, а скорее сентиментальную драму. И, несмотря на то, что в исходном варианте повести сюжет заканчивался трагически, то была скорее трагичность городского романа. Подробный анализ фильма см. в: Михайлин В., Беляева Г. *Ромео, сын Джульетты: трансформация представлений о публичном и приватном в фильме «Вам и не снилось»* // Неприкосновенный запас. 2017. № 3(113). С. 193–210.

24 В исполнении ансамбля «33 1/3».

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:
«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»
ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

бования. И в центре этого созвездия, в качестве его средоточия, практически сразу проступают газовый факел и адское пламя «Азовстали». В конечном же счете бархатная ночная тьма сменяется у него не чистеньким московским пейзажем, а кошмарной панорамой города Жданова, где облупленные человеичники безнадежно замкнуты в кольцо дымящих заводских труб и с самого утра утоплены в ядовитом мареве²⁵. Города, в котором не то что быть счастливым, а просто жить по-человечески невозможно. И напряжено-таинственное вступление, под которое стартует этот план, разрешается не рыбниковским эстрадным шедевром, а незамысловатым шлягером Владимира Матецкого – главного поставщика хитов для Софии Ротару²⁶. В этой мелодии романтики ничуть не меньше, вот только напоминает она не о тропических островах, а о взгляде нетрезвой буфетчицы из придорожного ресторана. Это стартовая отсылка к той нарочито китчевой эстетике, которая в «Маленькой Вере» проникает повсюду, как запах тройного одеколона и «Коксохима»²⁷, и полностью покрывает представления персонажей о «красоте» и «искусстве».

Жданов, как и любой другой советский город, созданный, чтобы обслуживать крупное промышленное производство, пережил период взрывной урбанизации. Если точнее, таких периодов было два: один в 1930-е, когда был построен комбинат «Азовсталь», а другой на рубеже 1950–1960-х, после создания «Ждановтяжмаша». И если в середине 1920-х в городе обитали порядка 50 000 человек, то ко времени действия «Маленькой Веры» численность населения перевалила за полмиллиона. Понятно, что в подавляющем большинстве это были вчерашние крестьяне, носители травматического опыта коллективизации, репрессий и войны, правдами и неправдами выбравшиеся из колхозов, утратившие деревенскую идентичность, но так и не получившие особых шансов на то, чтобы обзавестись идентичностью городской.

В фильме это родители Веры – горожане в первом, максимум в «полуторном» поколении. Здесь типажно все. Риторика,

25 Автор отдает себе отчет в том, какие ассоциации вызывает у современного читателя название «Мариуполь» – да еще и в сочетании с темой руин. Но в этой статье речь идет о городе, снятом в конкретном позднесоветском фильме и поданном как «саморазоблачающееся» пространство. Поэтому я последовательно и принципиально буду использовать исключительно советское название: Жданов.

26 Песни которой будут назойливо врываться в кадр на всем протяжении фильма.

27 Автор статьи прекрасно знает, о чем пишет, поскольку в глубоком советском детстве из лета в лето выезжал «на море» в тот самый Жданов, из которого впоследствии вырвался в Москву Василий Пичул. И в который будущий режиссер привозил молодую жену Марию Хмелик – автора сценария к «Маленькой Вере». И на нее, и на меня, и – уже в конце 1980-х – на съемочную группу город произвел впечатление ада на земле, с воздухом, которым нельзя дышать, и водой, которую нельзя пить (члены съемочной группы, по их собственным воспоминаниям, десятками литров закупали березовый сок, самый дешевый и гораздо больше похожий на воду, чем та жидкость, которая шла из крана). И с центром города, зажатым между огромными, непрерывно дымящими предприятиями – «Азовсталью», «Коксохимом» и «ММК им. Ильича».

исходящая из представлений о жесткой семейной иерархии, на самой вершине которой стоит мужчина, «кормилец», чье мнение – закон и чьи потребности, вне зависимости от того, как они соотносятся с интересами других членов семьи, подлежат неукоснительному удовлетворению. В этой своей роли отец Веры²⁸ непоколебимо уверен как в единственно возможной и время от времени демонстративно настаивает на уникальности своего положения – как в самом начале фильма, в пьяном приступе неизбывной русской тоскливой жалости к самому себе. Между тем его жена, как и все советские женщины, за исключением разве что номенклатурных матрон и офицерских жен в отдаленных военных городках, тоже работает. Конечно, в должности диспетчера на ткацкой фабрике она получает раза в два меньше, чем муж, водитель грузовика – даже если принимать во внимание только официальные заработки, не связанные с тем, что вверенной ему машиной он пользуется как законным ресурсом для извлечения ситуативных выгод²⁹. Но уж прокормить-то себя она явно была бы в состоянии и без него. Старший сын уже давно получил диплом врача, у него собственная семья, и живет он в Москве. Младшая дочь только что выпустилась из школы, но и у нее на горизонте брезжит какое-никакое училище связи. И тем не менее статус «кормильца» непреложен – по крайней мере на уровне риторики и привычных ритуализированных моделей поведения. Отца могут шпынять и даже покрикивать на него, когда он пьян и не вполне адекватен, но в любой момент он имеет право демонстративно взять вожжи обратно в руки.

Мать, гениально исполненная Людмилой Зайцевой³⁰, – еще одно стопроцентное попадание в типаж. Потухшая женщина с «проволочным» перманентом на голове, которая привычно волочет на себе дом, пьющего мужа, непутевую дочку: этакий тусклый винтик в механизме советской повседневности. Она готова согласиться со всеми и со всем на свете, придерживаясь только тех позиций, которые приемлемы ситуативно, – и потому вопиюще неестественна. Но всякий раз от своей выгученной гибкости она получает какую-нибудь маленькую выгоду:

28 Артист Юрий Назаров.

29 В фильме – привозит домой банку спирта в середине рабочего дня, на выходных везет семью за город на пляж, едет в аэропорт встречать сына и так далее. Кстати, сам по себе спирт, любовно разливаемый далее по бутылкам (из-под «Бифитера»! – красивая жизнь должна быть красивой во всем), явно куплен не в магазине, а вероятнее всего, получен по натуробмену в качестве оплаты за то, что переправил кому-нибудь на дачу пару тонн ворованного песка.

30 Начинающему режиссеру Василию Пичулу каким-то непостижимым образом удалось собрать актерский состав, который идеально «лег» на предлагаемые обстоятельства. Юрий Назаров играет отца так, как будто родился и вырос в этой роли. Но, пожалуй, самая сильная актерская работа в картине – это именно мать, при том, что исходно Людмила Зайцева, до нынешнего времени придерживающаяся вполне советских убеждений и привыкшая играть положительные роли «тружениц», от роли отказывалась, справедливо углядев в ней жесткую карикатуру на советского человека.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:

«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»

ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:
«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»
ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

не столько лично для себя, сколько ради устойчивости и неизменности того семейного пространства, которое считает зоной своей преимущественной ответственности. Все остальные члены семьи являются неперенными атрибутами этого пространства, со своими раз и навсегда отведенными нишами и заранее прописанными ролями – и должны оставаться на местах. Любое отклонение подлежит нормализации за счет мягкого, наивного до нелепости, но неизменно действенного давления. Одним из наиболее наглядных показателей благополучия этого пространства является его наполненность ресурсами – и мама безостановочно крутит банки с огурцами и помидорами, которые затем в навяз переправляются сыну в Москву. В Москве они, вероятнее всего, особо никому не нужны, но обязательны к принятию, поскольку сам акт передачи гарантирует правильность бытия.

В одном из эпизодов «зять», которого дочка привела в дом, задает ей вполне логичный вопрос: зачем она закручивает столько огурцов? Ну, как же – отцу нужно чем-то закусывать. А вам нравится, что он пьет? Ну, а если огурцов не будет, он, что, пить перестанет? Сбить ее с толку невозможно именно потому, что логика рационального мышления, с отслеживанием причин и следствий, выстраиванием позиций и подбором аргументов не играет для нее никакой роли. Ее рациональность – сугубо поведенческая, а точки зрения, моральная приемлемость или неприемлемость, да и просто одобрение и неодобрение на уровне бытового взаимодействия суть не более чем инструменты поддержания гомеостаза. Стороннему наблюдателю может показаться, что среда, репрезентативный образ которой выстраивает Людмила Зайцева, предельно ригидна и что ригидность эта уходит корнями в априорные моральные установки – на уровне «духовных скреп». Собственно, так оно и есть – с одной существенной оговоркой. Оценка каждого события здесь и впрямь исходит из предельно жесткой системы координат. Вот только этих систем координат как минимум несколько, они подчиняются принципиально разным логикам, и переключение между ними происходит в автоматическом режиме, который носителем даже не отслеживается. Полное неприятие приведенного дочерью в дом «жениха» в течение нескольких секунд сменяется включением в число «своих», как только выясняется, что дочь беременна и жениться на ней молодой человек не отказывается. При этом беременность выдумана дочкой на ходу – она тоже не с печки свалилась и знает, как переключать режимы.

Эта среда воспроизводится и в следующем поколении. Старший сын, Виктор, выучившись на врача, уехал от любящей семьи куда подальше – в Москву, в Москву, в Москву. Но там не

адаптировался, поскольку женился на москвичке и попал уже в другую, чужую для себя среду. Это здесь, в Жданове, он интеллигентный человек, а там – лимита из райцентра, с неистребимыми следами южнорусского габитуса и склонностью к реактуализации моделей поведения, с детства записанных «на корочку». Потому что от моделей этих деться ему некуда. Он может сколько угодно разыгрывать из себя самокатящееся колесо, настаивать на собственном профессионализме, он может кричать родственникам о том, как он их ненавидит, но, когда мама выставляет на стол две двухлитровые баночки солений плюс четыре трехлитровые и беспомощно напоминает, что это «для Мишечки», он достает спортивную сумку с надписью «USSR» и начинает банки загружать. Для себя или для кого угодно другого он бы все это не потащил – но волшебное слово «Мишечка» включает в голове режим «кормильца», тот самый, предками данный. И выхода не остается. У него нет билета на поезд. Под окнами ждет порожний тепловоз, который должен подбросить его до Харькова³¹ – а дальше как получится. Что в реалиях 1988 года на «южном направлении», да еще в конце лета означало многочасовое стояние в очередях у вокзальных касс в ожидании, что – может быть – «выкинут бронь». Но он попрет на себе до Москвы пуд чистого веса, не считая стекла, проложенного газетками или тряпочками, чтобы не побилось по дороге, – потому что в Москве таких соленых помидоров нет, а Мишечке нужны витамины. Отсюда же и общая готовность смириться – рано или поздно – с любой некомфортной ролью, лишь бы эта роль была привычной³².

Поведенческие установки, ориентированные на самовоспроизводящуюся экономику крестьянского хозяйства, в городской среде категорически неуместны и постоянно дают сбой – но точно так же, как в случае с маминой заботой о поддержании внутрисемейного гомеостаза, это ничуть не означает, что они не будут жить столько, сколько проживут сами эти люди, их дети, а потом и Мишечка со своими детьми и внуками. Постоянно действующая и морально обязывающая необходимость «не сидеть без дела» предполагает оправдание светлым будущим, которое не наступит никогда – в том числе потому, что никто не знает, как оно должно выглядеть и чем в этом будущем нужно будет заниматься. Ради будущего строятся планы, детализированные и с прилагаемым экономическим обосновани-

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:

«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»

ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

31 Если КАМАЗ свой, то почему бы и тепловоз время от времени не использовать для извлечения дополнительных ресурсов – «Все вокруг советское, все вокруг мое».

32 В одном из эпизодов мать главной героини вспоминает о собственном травматическом опыте включения в семью мужа, и ее оценка этого сюжета показательно мерцает между двумя несводимыми моральными позициями – осуждением и нормализацией – при полной готовности одновременно использовать обе в качестве морального основания для того, чтобы выстроить ситуативно выгодную модель давления на партнера по коммуникации.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:

«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»

ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

ем. Разведем кроликов, будем шапки шить, а мясо – на базар. Через месяц про кроликов уже никто не помнит, и возникает следующий проект: возьмем землю в аренду, сейчас можно, будем арбузы сажать. Машина, считай, своя... Ни одному из этих проектов реализоваться не суждено, да и проговариваются они для того же, для чего проговаривается вообще все здесь звучащее, – для поддержания гомеостаза.

Постоянно действующая и морально обязывающая необходимость «не сидеть без дела» предполагает оправдание светлым будущим, которое не наступит никогда – в том числе потому, что никто не знает, как оно должно выглядеть и чем в этом будущем нужно будет заниматься.

Это этика и экономика выживания, по происхождению сугубо крестьянская, суть которой не в попытке выиграть, а в стремлении не проиграть, попутно накапливая маленькие бонусы, которые в глазах родственников и соседей станут свидетельствовать о принадлежности семьи к «достойной» социальной страте. Накопление следует модели исключительно экстенсивной, поскольку любая попытка качественного прорыва чревата не уважением со стороны других «достойных» людей, а наоборот, вспышкой подозрительности и враждебности. По этой же причине жестко стигматизируется любая инаковость: ксенофобия здесь не результат внешнего научения, а встроенная социальная установка, вполне прагматически ориентированная на поддержание баланса идентичностей. Поэтому же микрогрупповые интересы неизменно пользуются приоритетом перед интересами индивидуальными, и этот приоритет закреплён на уровне априорной этической нормы. Любой член группы, выбивающийся из предписанных социальных ролей, имеет быть нормализован – вплоть до физического уничтожения. Удар ножом, нанесенный отцом Веры Сергею, – тоже своего рода самозащита: от вторжения в тотально предсказуемую и прозрачную повседневность внешней силы, которая действующие здесь правила не просто не желает соблюдать, а вообще не признает за таковые. «Совращение» дочери можно нормализовать, для этого есть устойчивые и признаваемые на уровне социальной среды процедуры вроде официального брака «с фатой», которая останется внешним знаком девственности, и знак этот будет считан и принят всеми родственниками, соседями и коллегами по работе, приглашенными на

свадьбу. Даже если к моменту бракосочетания беременность станет очевидной, это не отменит действительности как самой процедуры, так и того символического – опредмеченного – ряда, который будет ее сопровождать. Конечно, «бабы» будут подчеркнуто внимательно оценивать фигуру невесты, а потом шептаться по углам, но им и положено сплетничать. Вполне возможно, что дело не обойдется без провокаций, когда гости уже достаточно выпьют и настанет время межсемейной сверки социальных капиталов, для которой также есть свои веками отработанные формы и формулы³³ – какая же свадьба без драки!.. С этой точки зрения «девичью беду» можно провести по разряду маленьких бытовых проблем, для коих всегда найдется приемлемое решение. Но угроза, которую представляет для семьи Сергей, куда страшнее, поскольку «сворачивание» носит не физический, а «духовный» характер, а потому вызывает потребность в ликвидации бескомпромиссной и тотальной. Попытка убийства весьма показательным образом совершается в состоянии не аффекта, но опьянения: это не истерика, а акт утверждения духовных скреп, и на него просто нужно решиться. А для этого снять ограничения, налагаемые повседневными формами поддержания контроля, за счет которых обеспечивается приемлемый уровень взаимной агрессии.

Агрессия – отдельный предмет разговора применительно к Жданову и другим подобным ему позднесоветским промышленным городам, разросшимся в результате травматической урбанизации. Уровень подросткового насилия в городе, по нынешним меркам, был крайне высоким, хотя наверняка вполне сопоставимым с аналогичными показателями в Люберцах, Нижнекамске или Череповце³⁴. Еще до эпохи полноценных уличных группировок, наступившей на рубеже 1970–1980-х,

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:

«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»

ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

33 Частушки: «А я с миленьким плясала / на покосе, на лугу, / а таперча пучит пузо, / пропердеться не могу»; «Милый Вася, я снеслася / у соседа под крыльцом. / Милый Вася, дай мне руку, / я ж не вылезу с яйцом». Частушки на любом празднике – неизменный инструмент провокации и всегда исполняются и считаются слушателями в максимально адресном контексте. Свадебные драки практически всегда провоцируются женщинами, зачастую статусными, которые доводят ситуацию до нужного накала, а затем провоцируют на агрессию молодых мужчин. Новово складывающееся – за счет брака – переплетение социальных связей между разными семейными, дружескими и прочими группами не может состояться без предварительной разведки боем, без возможности наглядно оценить расклад сил в «присоединяемой» группе. См. среди прочего: Кушкова А. *Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. С этой точки зрения крайне любопытен персонаж Александры Табаковой, сыгравшей в фильме единственную близкую подругу главной героини. Их модель общения предполагает возможность острой конкуренции за потенциального партнера, что никоим образом не отменяет доверительности и взаимной поддержки. И этот же персонаж наделен несомненным даром поэтической импровизации – причем размер используется частушечный, а сами тексты, как им и положено, служат инструментом ситуативно значимой провокации.

34 См., включая библиографию: *Молодежные уличные группировки: введение в проблематику* / Сост. Д. В. Громова. М.: ИЭА РАН, 2009. Весьма информативны и другие работы Дмитрия Громова: Громов Д. *Нормирование поведения в подростково-молодежных уличных сообществах (на материале советских городов, 1970–1980-е гг.)* // Антропологический форум. 2010. Вып. 12. С. 353–374 и др.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:
«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»
ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

массовые побоища между микрорайонами были обычным делом, причем в ходе них применялось холодное оружие, порой весьма экзотическое – вроде заточенных сварочных электродов, которые полагалось метать с близкого расстояния. В фильме эта тема затрагивается по касательной – в отличие, скажем, от того же «Меня зовут Арлекино», – но ряд значимых штрихов в общую картину все-таки добавляет. По той скорости, с которой старшие персонажи-мужчины (отец, старший брат) переключаются на агрессивное поведение, зритель не может не достроить их собственное – в анамнезе – участие в побоищах, подобных тому, что показано в самом начале картины³⁵. Тем более, если речь идет о зрителе позднесоветском, который, выйдя из кинотеатра, возвращается домой по плохо освещенным улицам, прекрасно отдавая себе отчет в том, что в любой из вечеров он сам может стать объектом уличного насилия.

Еще один значимый ингредиент ждановского антропологического коктейля позднесоветских времен – это «шикарная» и практически недоступная подавляющему большинству граждан внутренних советских территорий возможность ухватить крохи западного *lifestyle* – видеокассеты, кока-колу, доллары, шмотки, – которые, если пропустить их через поселковое китчевое сознание, дадут ощущение «красивой жизни». Жданов был портовым городом с выходом на международные маршруты, что автоматически превращало его в перевалочный центр законного, не вполне законного и совсем незаконного ввоза в страну всего того, чего в стране не было и что для среднестатистического советского человека составляло предмет томления. В фильме персонаж по имени Андрей, безнадежно влюбленный в героиню еще с недавних школьных времен, поступает в мореходку не в последнюю очередь потому, что уверен непоколебимо: она сама к нему прибежит сразу после того, как он «начнет ходить в загранку». Как ходит его отец, который, судя по всему, и обеспечивает его шмотками: по меркам 1988 года, Андрей одет, как мальчик из номенклатурной московской семьи, – впрочем, дьявол, как известно, в деталях. Перед тем, как сделать отчаянно-демонстративный жест на глазах у несостоявшейся невесты – прыгнуть в мутную и грязную портовую воду прямо в «понтovém» летнем костюмчи-

35 Эпизод, несколько «достроенный» для того, чтобы картинка получилась более наглядной, но явно снятый с большим знанием дела. Особенно прекрасны в нем милиционеры, которые прибывают на танцплощадку – место скорой и неотвратимой массовой драки – заранее, поскольку драки происходят на регулярной основе и весь город знает, где и когда будет весело. И поскольку они сами еще совсем недавно принимали в них самое заинтересованное участие. Собственно, они и теперь принимают в них участие вполне заинтересованное, хотя и с другим функционалом: факт, который, судя по выражению лиц, их слегка веселит, но скорее печалит.

ке стоимостью³⁶ в полугодовую зарплату Вериной мамы, – он аккуратно снимает и ставит на палубу заброшенного буксира итальянские кожаные туфли. Крестьянское нутро берет свое даже в таких случаях. Пронести незамеченным через таможенную летний костюм – одна история, а вот шузы... Так что в качестве вотивной жертвы в ритуале престижной траты используется ресурс дорогой, но потенциально возобновляемый: ресурс же, близкий к уникальному, остается сохранен.

Младшее поколение в фильме Василия Пичула выстраивает собственное поведение и собственную эстетику на демонстративном отрицании всего, что дорого сердцу поколения старшего – просто-напросто подменяя одну форму китча другой. Конфликт поколений отыгрывается как ему и должно – при том, что сам антропологический тип остается неизменным. Подросток не обладает – до поры до времени – необходимым спектром поведенческих моделей, а потому предпочитает режимы дистанцирования и провокации: просто в целях самосохранения. Но это не беда, пройдет совсем немного времени, мальчики и девочки переберутся и войдут в норму.

Это и есть советский человек в самой его репрезентативной, массовой ипостаси. Он моментально переходит от агрессии к беспредельной жалости к самому себе, от бескомпромиссного осуждения к «братанию в астрале» – и обратно. Он оперирует знаками смыслов, даже не догадываясь о самих смыслах³⁷. Он не видит разницы между набором внешних сигналов и эссенциальными характеристиками. Он соль земли советской, и Василий Пичул именно его назначает на все без исключения роли в своей деконструированной идиллии. Потому что «Маленькая Вера» есть городская идиллия, по отношению к которой сценарист и режиссер осуществили простую и понятную операцию, «сняв» привычное советское любовное кино мира сего и пропустив через систему жестких «реалистических» фильтров. Неотразимо обаятельный *locus amoenus* – обязательное для идиллии ностальгическое пространство – здесь жестко деконструирован и переведен на язык замусоренной выгородки между ждановскими промзонами. История про влюбленных пастушков целиком и полностью очищена от классического культурного бэкграунда и сведена к простым эротическим

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:

«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»

ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

36 На черном рынке, естественно. Ближайшее место, где можно было в 1988 году официально купить что-то подобное, находилось в одном из «открытых» туристических городов на побережье Черного моря – в Ялте или в Сочи. И в любом случае для подобной покупки гражданину СССР нужны были бы не рубли, а чеки Внешпосылторга – поскольку попытка расплатиться долларами была чревата арестом и посадкой по «бабочке» (88 статья УК РСФСР), по которой простому советскому человеку, виновному в том, что у него на руках оказалась иностранная валюта, грозил срок от трех до пяти лет. Именно это обстоятельство и вызывает в самом начале фильма панику у родителей Веры, у которой вдруг обнаруживается двадцатидолларовая бумажка.

37 «Плутоническая любовь».

ВАДИМ МИХАЙЛИН

ЛЮБОВЬ СРЕДИ РАЗВАЛИН:
«МАЛЕНЬКАЯ ВЕРА»
ВАСИЛИЯ ПИЧУЛА

мотивациям, причем реализация оных осуществляется в декорациях, предельно неудобных, но доступных жителю позднесоветского захолустья. В перегороженной шкафом общежитской комнате с неотвязным запахом сырой штукатурки и дихлофоса. В забитой жалким барахлом брежневской трешке с раздвижным диваном, картинками, вырезанными из журналов, на обоях и с родителями за стеной, сквозь которую слышно, как упала на пол булавка. На замусоренном «пляже», между железобетонными глыбами, в подъезде, на брошенных у причала в дальнем конце порта ржавых буксирах. То есть, собственно, среди руин – этих неперменных эндемиков идиллического пейзажа: с той разницей, что в здешнем пейзаже ничего, кроме руин, по большому счету, нет. Здешняя смерть напоминает о смерти Дафниса примерно в той же степени, в которой блатной романс напоминает о рыцарском эпосе. Здешняя «наивная» поэзия – самодеятельное творчество Чистяковой и песни Софии Ротару. Здешний интеллектуализм – чистейшей воды пародия на позднесоветский технически-интеллигентский *New Age* со сведениями о йоге и самосожжении индийских жен, почерпнутыми из журнала «Наука и жизнь».

Феокритовы идиллии – напомним – написаны гексаметром. То есть по ключевому формальному признаку представляют собой эпос. Но только эпос этот, в отличие от гомеровского и ему подобных, слагается не на специальном искусственном языке, изысканно сочетающем элементы ионийского и эолийского диалектов – а на диалекте дорийском, на котором говорили на малой родине сицилийца Феокрита и который для изысканных александрийских читателей звучал примерно так же, как причерноморский суржик для «кареннова масквича». Вот и Василий Пичул возвращается на малую родину, чтобы снять свой маленький ностальгический эпос о тех местах, куда уходит советское детство. Чи шо?

Сакральное управление

Заметки об экономике, теологии и образе

АНАТОЛИЙ
РЯСОВ

Бог, сам жертвующий собою во искупление вины человека, Бог, сам заставляющий себя платить самому себе, Бог, как единственно способный искупить в человеке то, что в самом человеке стало неискупимым, – заимодавец, жертвующий собою ради своего должника из любви (неужели в это поверили?), из любви к своему должнику!..

Фридрих Ницше. «К генеалогии морали»¹

В XXI веке полемика иконоборцев с иконопочтателями представляется скорее далеким эпизодом истории христианской церкви, чем актуальным сюжетом. Известно, что иконоборцы проиграли в этом споре, а за византийским императором Константином V, обвинявшим почитателей икон в идолопоклонстве и создавшим в 754 году иконоборческий собор, закрепилось прозвище Копроним (Навозник). Его идеи были подвергнуты резкому осуждению уже в 787 году на Втором Никейском соборе, в котором участвовал будущий Константинопольский патриарх Никифор, чьи труды впоследствии стали главными опровержениями иконоборческой ереси. А в ознаменование окончательной победы над разрушавшими святыни вандалами на Константинопольском соборе 843 года был учрежден праздник Торжества Православия.

Сегодняшним скептикам исход давнего богословского спора может показаться чем-то вроде одного из решений, принимаемых на партийных съездах. Условно говоря, при ином стечении обстоятельств, более состоятельной аргументации и эффективной агитации в среде потенциальных союзников иконоборчество имело бы шансы стать ортодоксальной ветвью восточного христианства. Однако есть основания считать, что иконоборческие идеи вступали в конфликт не только с убеждениями многих представителей епископата, а с самими принципами распространения христианства как религии. При этом определяющую роль здесь, возможно, сыграл тот факт, что иконоборчество не вписывалось в парадигму тринитарной теологии и логику божественного управления миром, стречнем которой стало понятие *οἰκονομία*, прошедшее длинный путь от древнегреческого домоустройства к современной экономике.

¹ Ницше Ф. *К генеалогии морали* // Он же. *Полное собрание сочинений: В 13 т.* М.: Культурная революция, 2005. Т. 5. С. 308.

Анатолий Рясов
(р. 1978) – независимый
исследователь.

Анализу прочных связей христианской теологии с экономической проблематикой посвящена одна из самых объемных работ Джорджо Агамбена – «Царство и Слава», – отнюдь не ограниченная историографическими целями, но обращенная к основаниям современной машины управления и принципам, определяющим функционирование рыночной экономики². Перечисляя исследования, посвященные эволюции термина *oikonomia* и по тем или иным причинам не предложившие комплексного анализа, Агамбен лишь мельком ссылается на книгу Мари-Жозе Мондзен «Образ, икона, экономия», которая, по его словам, «ограничивается анализом роли этого понятия в иконоборческих спорах в VIII и IX веках»³. Однако вопреки столь мимолетному упоминанию ключевые тезисы этой книги можно назвать если не корректирующими ряд выводов «Царства и Славы», то как минимум дополняющими их – правда, с той важной оговоркой, что Мондзен опередила Агамбена на одиннадцать лет. Сопоставить два подхода к одной и той же проблеме тем более любопытно, поскольку книга «Образ, икона, экономия» была недавно опубликована на русском языке в великолепном переводе Марка Гринберга⁴. Но прежде, чем указать на ряд лакун и пересечений, нужно вспомнить ключевые тезисы развернутой Агамбеном генеалогии экономических отношений.

ТАЙНА ДОМОУСТРОЙСТВА

Впервые *oikonomia* «как функциональная организация, как управленческая деятельность, которая подчиняется правилам, связанным исключительно с упорядоченным функционированием дома (или конкретного предприятия)», но одновременно «обуславливает прогрессивное аналогическое расширение этой сферы за ее изначальные пределы», обрела свои контуры в «Домострое» («Οἰκονομικός») Ксенофонта⁵. Вероятно, это произведение является самым ранним из дошедших до нас текстов, посвященных экономическим вопросам, позднее развитым в трактате «Экономика» («Οἰκονομικά»), авторство которого порой приписывается Аристотелю. «Современная метафора, описывающая политическое сообщество как “дом” – “дом Европы”, – обязана своим происхождением именно этому опреде-

2 АГАМБЕН Дж. *Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления*. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019.

3 Там же. С. 14.

4 МОНДЗЕН Ж.-М. *Образ, икона, экономия. Византийские истоки современного воображаемого*. М.: V-A-C Press, 2022.

5 АГАМБЕН Дж. *Царство и Слава...* С. 41.

лению», – пишет Агамбен⁶. Здесь отечественная политическая история заставляет вспомнить политическую партию «Наш дом – Россия»; но, к слову, и православный «Домострой», большинство глав которого посвящены отнюдь не богословским вопросам, несомненно, является наследником древнегреческой традиции.

Впрочем, семантическая сфера понятия *oikonomia* уже у древних греков начала расширяться за пределы «домашнего хозяйства», не теряя при этом своего этимологического истока. Латинскими эквивалентами этого слова становятся *dispositio* (упорядочение, планирование) и *dispensatio* – (расходование, распределение). В христианскую эру термин *oikonomia* «переносится в область теологии, где, согласно общему мнению, он обретает значение “божественного плана спасения” (в частности, в том, что касается воплощения Христа)»⁷. Так *домострой* постепенно превращается в *промысел божий*, связывая таинственный *замысел* с неким *ремеслом* по его воплощению в жизнь. Но происходит это постепенно: в Посланиях апостола Павла речь начинает идти о «домостроительстве тайны»⁸, и, разумеется, в греческом оригинале в подобных фрагментах фигурирует именно *oikonomia*, уже успевшая к этому времени обзавестись целым шлейфом прибавочных значений. Однако, по словам Агамбена, подлинной точкой отсчета для рассматриваемой проблемы являются труды раннехристианских авторов – и, в частности, Тертуллиана, в которых термин *oikonomia* «перестает иметь характер лишь аналогического расширения значения, связанного с управлением домом, до религиозной сферы и начинает использоваться в техническом значении тринитарного членения божественной жизни». Раннехристианские теологи осуществляют «перевертывание используемого Павлом выражения “экономика тайны” в “тайну экономики”, которое без уточнения значения термина наделяет его новым содержанием»⁹. Итак, «христианское представление об истории возникает и развивается под знаком экономической парадигмы и становится неотделимым от нее»¹⁰, затем тайна Троицы стремительно начинает распространяться на божественное управление тварным миром, а как следствие – и на церковные богослужения. Появляются как небесные иерархии, так и несметные земные чины, способствующие не только обращению миллионов людей в христианскую веру, но и сакрализации властных иерархий.

6 Там же. С. 52.

7 Там же. С. 44.

8 Еф. 3:9.

9 АГАМБЕН Дж. *Царство и Слава...* С. 68.

10 Там же. С. 81.

Этот исторический экскурс позволяет Агамбену сделать более основательный вывод. Речь идет о фундаментальном переосмотре вопроса о бытии: в результате этих изменений в логике теологической аргументации произошло «смещение исключительного места онтологии из категории субстанции в область категорий отношения и праксиса», а «проблема отношения между трансцендентностью и имманентностью блага становится, таким образом, проблемой взаимосвязи между онтологией и праксисом, между бытием Бога и его действием»¹¹. Этот «разрыв между Богом и осуществляемым им управлением миром»¹², а также переакцентировка внимания с проблемы сущности на проблему отношений приводят к тому, что экономические категории становятся онтологической моделью. Агамбен во вполне хайдеггерианском ключе демонстрирует, как античная парадигма вытесняется христианской, вследствие чего *бытие* растворяется в *действии*. Именно поэтому идея провиденциальной машины продолжит сохраняться даже в экономических теориях, на первый взгляд отказавшихся от теологической системы координат, – будь то невидимая рука рынка у Адама Смита или марксистская секуляризация концепции божественного действия. В свою очередь и экономико-управленческая направленность современных демократий «является неотъемлемой частью теологического наследия, хранильницами которого эти демократии выступают»¹³. Иными словами, капиталистическая система продолжает функционировать по религиозным законам, укрепившимся задолго до появления протестантской этики. Парадоксальным образом даже исключение Творца из этой системы координат становится не чем иным, как прилежным следованием логике провиденциальной экономики.

Но если даже секуляризация не является отказом от христианской модели, то что здесь может выступить в качестве радикальной альтернативы? Ответ, предложенный Агамбенем, весьма развернут и выходит за пределы книги «Царство и Слава», но одно из направлений для поисков решения этой проблемы было указано им в работе «Профанации». Поскольку секуляризация представляет собой разновидность обожествления власти, необходимо предложить нечто, противоположное этому процессу, лишшающее всякий объект сакральной ауры и избавляющее его от теологического остатка. Именно таким плюсом и выступает профанирование объектов, подчиненных режиму экономики:

11 Там же. С. 148, 141.

12 Там же. С. 95.

13 Там же. С. 240.

«Если профанировать означает возвращать в общее пользование то, что было перемещено в сферу сакрального, тогда капиталистическая религия в своей экстремальной фазе стремится к созданию чего-то абсолютно непрофанируемого»¹⁴.

АНАТОЛИЙ РЯСОВ
САКРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
ЗАМЕТКИ ОБ ЭКОНОМИКЕ,
ТЕОЛОГИИ И ОБРАЗЕ

Именно здесь приходит время услышать «ответ» Мари-Жозе Мондзен на эти тезисы.

Капиталистическая система продолжает функционировать по религиозным законам, укрепившимся задолго до появления протестантской этики. Даже исключение Творца из этой системы координат становится не чем иным, как прилежным следованием логике провиденциальной экономики.

ДВА ЛИКА СВЯТОСТИ

Если предложенный Мондзен взгляд на эволюцию значений понятия *oikonomia* и имеет свои отличия от выстраиваемой Агамбеном генеалогии управления, то не настолько значительные, чтобы снабжать их подробным комментарием. Куда важнее предлагаемая ею акцентировка проблем. Для Агамбена главнейшим инструментом, соединяющим божественное правление с земным, выступает богослужение¹⁵, а иконография интересует его скорее в иллюстративном смысле. Для Мондзен, напротив, именно икона выступает краеугольным камнем выстроенной христианством структуры. *Icon* – это не просто некое напоминание о священном, и подлинное значение древнегреческого *εἰκών* сохранилось, например, в русском слове *образ*. Святые образа – это путь распространения (*dispensatio*) благодатной силы, иконы отражают лучи, соединяющие небесную и земную власти. И точкой отсчета здесь вновь оказываются Послания Павла, где говорится:

«[Христос] есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли – все Им и для Него создано; Он есть прежде всего, и все Им стоит. И Он есть глава тела Церкви»¹⁶.

14 Он же. *Профанации*. М.: Гилея, 2014. С. 89.

15 Подробнее см.: Он же. *Opus Dei. Археология службы*. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022.

16 Кол. 1:15–18.

Итак, «не святой стоит у истока иконы, а образ: он является порождающей причиной того, что свято»¹⁷. Именно поэтому иконоборчество и осталось лишь эпизодом истории христианства: оно противоречило самой технологии распространения веры. И речь здесь идет вовсе не о коварстве клерикалов (или во всяком случае не только о нем) – но о внутренней логике христианской *oikonomia*: «долгий окольный путь, который прошли идеи Нового Завета, был нужен для доказательства, что Бог исторически нуждался в Сыне, Сын – в церкви, а церковь – всегда и везде – в земной власти»¹⁸. Но эта логика приводит и к тому, что «образ оказывается в той же ситуации, что и деньги: это субститут ценности, внутренняя валюта, которая лишь ждет момента, когда ее введут в международный оборот»¹⁹.

Не стоит поспешно обвинять в святотатстве того, кто заявляет подобные вещи, ведь тогда придется назвать противоестественным и предлагаемый «Домостроем» стремительный переход от религиозных наставлений к вопросам бухгалтерского учета. Приходится признать, что религия требует экономики и в какой-то мере *dispositio* – это накопление, а *dispensatio* – это, конечно же, растрата. Кстати, вопреки тому, что пишет Мондзен о различиях между безрассудным пролитием жертвенной крови и новозаветной *oikonomia*, являющейся результатом тщательного взвешивания убытков и прибылей, здесь нужно вспомнить и о смысле, вложенном Жоржем Батаем в понятие *траты*. Изначальный избыток образа неминуемо должен обернуться собственным *dispensatio*. Следовательно, нет ничего удивительного и в том, что в какой-то момент изображения Христа начали появляться на монетах, и эта традиция сегодня сохраняется в виде надписи «In God We Trust» на оборотной стороне долларовых банкнот. Но, когда Агамбен, фиксируя подспудное присутствие провиденциализма в капиталистических отношениях, говорит, что «то, что когда-то ограничивалось исключительно литургической и церемониальной сферами, теперь сосредоточивается в *media* и одновременно распространяется и проникает через них в каждый момент времени в каждую сферу общества, как публичную, так и частную»²⁰, он забывает, что в свое время именно икона, не привязанная к церковному богослужению, стала главным инструментом этой экспансии.

Становится ясно, почему труды патриарха Никифора оказались для Мондзена главным источником в разговоре об *oikonomia*. На историческом пути христианства они стали не просто одним из верстовых столбов: «размышления Никифора

17 Мондзен Ж.-М. Указ. соч. С. 200.

18 Там же. С. 31.

19 Там же. С. 212.

20 АГАМБЕН ДЖ. *Царство и Слава...* С. 419.

об иконе куда более масштабны; их предмет – *природа любого образа и невозможность мыслить и управлять без помощи образа*»²¹. Аргументы патриарха, выдвинутые против иконоборцев, стремятся объединить в неразделимое целое божественную и церковную власть. Икона здесь выступает в роли идеального союзника, ведь, в отличие от Писания, она не требует даже знания алфавита:

«Отсюда принимающий сочинение необходимо должен принять и изображения, ибо если не примет одного, то не примет, конечно, и другого. Так как все соделанное было домостроительством унизившего Себя Слова, то Оно благоволило также и этим способом явить это домостроительство; отсюда потребовалось более плотное, но зато и более наглядное описание ради людей простых и необразованных, дабы не знающие грамоты могли зрением воспринять то, чего не в состоянии воспринять чрез слово, и усвоить более краткое и наглядное представление о тех деяниях. То, чего часто ум не может воспринять слушанием слов, зрение, действуя безошибочно, истолковывает изобразительнее. Таким образом, то, что Христос совершил и пострадал ради нас, легко приводится на память и притом быстрее, чем чрез словесное повествование, поскольку и вообще зрение быстрее слуха при познании и удобнее для уверения»²².

Итак, домостроительство *oikonomia* нуждается в образе (*eikón*), а экономика обнаруживает тайную связь с иконой. Мельком можно обратить внимание на пару *визуальное/слуховое*, в которой явный приоритет отдается первому компоненту – и в этом предпочтении Мондзен, кажется, полностью солидарна с Никифором. Являясь специалистом по теории образа, она ничего не пишет, например, о роли церковного хора, звука органа или голоса проповедника. Но дело здесь еще и в том, что икона – это одновременно и неотъемлемый элемент церковного убранства, и нечто независимое от стен храма. Никифор «стремится развить теорию священного, никак не связанного со специальным местом и с таинствами, теорию, которая должна открыть священное для профанного мира»²³. И, наконец, Мондзен напоминает об еще одной оппозиции, которая, как ни странно, осталась не проработана Агамбенем.

Дело в том, что христианская территория сакрального отнюдь не однородна. Здесь имеются два базовых понятия: *ἅγιος* (святой) и *ιερός* (священный). От первого греческого корня

21 Мондзен Ж.-М. *Указ. соч.* С. 20.

22 *Разбор и опровержение невежественного и безбожного пустословия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога-Слова // Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной Академии. Т. 67. Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского.* Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1907. Ч. 2. С. 139.

23 Мондзен Ж.-М. *Указ. соч.* С. 185–186.

свою родословную ведут такие разделы богословия, как *агиология* и *агиография*, изучающие разнообразные аспекты святости, а от второго корня происходят, например, слова *иерофаня* (проявление священного) и *иерофобия* (психическое расстройство, обусловленное боязнью предметов религиозного культа). Итак, два модуля сакрального оказываются разделены уже на уровне семантики. Если *ἅγιον* – «это сакральное в значении чистоты», то *ἱερόν* – «это в точности то профанное, которое может стать сакральным в результате ритуального действия». И Никифора интересовала как раз «подвижная символическая связь, обеспечивающая последовательную и безостановочную сакрализацию профанного пространства иконическими символами»²⁴.

На этом этапе «профанирование» Агамбена оказывается куда более проблематичным процессом, а например, его указания на то, что «игра высвобождает и выводит человечество из сферы сакрального», начинают казаться не столь уж надежным выходом. Если перед нами ситуация, в которой вся область профанного выступает в роли объекта перманентной сакрализации, то и детская игра, превращающая в игрушки «то, что относится к сфере экономики, войны, права»²⁵, вполне может обнаружить черты сакрального ритуала как раз в тот момент, когда она показалась триумфом дуракаваляния. Или перед нами та самая фаза капиталистической религии, сделавшая вещи абсолютно непрофанируемыми?

Мондзен считает, что «эта иконическая иерофаня не столько хочет сохранять благодатную чистоту нерукотворных образов, которые могли бы стать иконическим образцом, сколько жаждет сакрализовать и заполнить своей силой все окружающее пространство»²⁶. Иными словами, церковная *οἰκονομία* действует по тому же принципу, что и капиталистическое производство, не предполагающее этапа остановки. Но неужели эта «сберегательная» модель, постоянно откладывая спасение, является единственно возможным сценарием? Агамбен напоминает, что проблема несколько сложнее. Пора выслушать его «ответ». Да, перед нами два автора, которые постоянно комментируют друг друга, хотя, кажется, и не подозревают об этом.

КОНЕЦ УПРАВЛЕНИЯ = КОНЕЦ ИСТОРИИ?

Конечно, тяготение *οἰκονομία* к бесконечному производству можно представлять в качестве катехона – упорного противо-

24 Там же. С. 161, 199.

25 АГАМБЕН Дж. *Профанации*. С. 81–82.

26 МОНДЗЕН Ж.-М. *Указ. соч.* С. 198–199.

стояния торжеству зла и приходу Антихриста. Однако Агамбен напоминает, что христианская парадигма управления имеет свои пределы: она, «как и связанное с ней видение истории, длится от сотворения до скончания мира»²⁷. То есть вопреки кажущемуся неостановимым развертыванию иерархии образов, конечность этой модели заложена в саму ее эволюционную логику. Согласно христианской эсхатологии, все должно измениться после Страшного суда и всеобщего воскресения, когда в конце времен праведники смогут предаться вечному блаженству созерцания Бога и прославлять его в Царствии Небесном.

Но прежде, чем обратиться к проблеме рая, Агамбен напоминает, что старая модель управления все-таки не будет отменена полностью. В новой системе координат имеется пространство, на котором вечно продолжит распространяться прежняя экономическая логика. Это исключение касается ада, «в котором божественное управление миром продолжает пребывать в вечности», а «бесы останутся безупречными служителями и вечными карателями, вершащими божественное правосудие»²⁸.

Небесное же преобразование уже не будет иметь ничего общего с прежними иерархиями: «краю неведомо никакое управление, более того, в нем прекращается всякое писание, толкование, всякая теология и даже всякое богослужение – за исключением славословия, за исключением гимна славы»²⁹. При этом главный парадокс Славы Господней заключается в том, что ее источником является сам Бог, а не славящие Его. «И если экономика спасения, порученная сыну, достигает своего свершения во времени, экономика славы не имеет ни начала ни конца»³⁰. Таким образом, даже после конца света *oikonomia* никуда не исчезнет, а, если можно так выразиться, вернется к своему царственному истоку: избытку славы, который будет безудержно растрачиваться и вновь скапливаться в невыплаченном долге нескончаемого прославления.

И здесь Агамбен, наконец, обращается к иконографии, вернее только к одному занимающему его в этой связи феномену – образу пустого трона. Как ни странно, «у истоков и в точке завершения власти выше всего, согласно христианской теологии, располагается не фигура действия и управления, а фигура бездействия»³¹, вступающая в противоречие с любыми экономическими принципами и вносящая разрыв в эту безупречную систему. Здесь христианская пара-

27 АГАМБЕН Дж. *Царство и Слава...* С. 272.

28 Там же. С. 273.

29 Там же. С. 392.

30 Там же. С. 334.

31 Там же. С. 397.

дигма упирается в бытийную проблему, возвращающую нас к античности: недеяние выступает как нечто первоначальное в отношении действия. И эта так называемая *способность-не* выступает для Агамбена основанием неэкономического жеста. Для христианства (даже в форме экономики славы) бытие всегда сведено к действию и долгу: оно «становится чем-то, что не просто *есть*, но *должно быть* актуализировано»³². Тогда как греков скорее занимало то, что предшествует любым актам: «по-настоящему обладает потенцией тот, кто может как привести, так и не привести ее в действие»³³. И в сравнении с принципом профанирования эта способность *не приводит в действие* представляется заключающей в себе куда больший потенциал для упразднения и обращения в бездеятельность «техничко-онтологического диспозитива»³⁴.

Даже после конца света *οἰκονομία* никуда не исчезнет, а вернется к своему царственному истоку: избытку славы, который будет безудержно растрачиваться и вновь скапливаться в невыплаченном долге нескончаемого прославления.

В отличие от стремления разделить профанное и сакральное, сделав решительный выбор в пользу имманентности (как предлагают Жиль Делёз и – в несколько ином смысле – Жан-Франсуа Лиотар), речь здесь скорее может идти о том, чтобы перестать мыслить трансцендентное в теолого-экономическом ключе. Что, кстати, сопоставимо с описывавшейся в самой первой книге Агамбена «ситуацией художника, сделавшего своим опытом бесконечную трансцендентность художественного принципа»³⁵. Но для этого, как напоминает Мондзен, и восприятие образа должно, наконец, выйти за пределы области, «которая две тысячи лет назад была очерчена идеями Павла»³⁶. Итак, пришло время обратиться к образу, который, говоря языком Ницше, будет бесцельным, а значит – неэкономическим.

32 Он же. *Opus Dei. Археология службы*. С. 185.

33 Там же. С. 150.

34 Он же. *Царство и Слава...* С. 414.

35 Он же. *Человек без содержания*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 77.

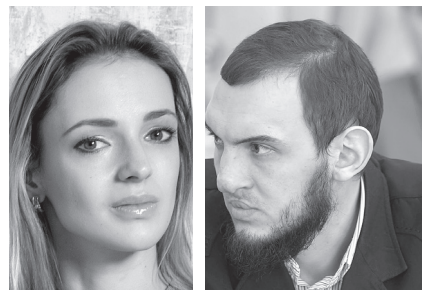
36 Мондзен Ж.-М. *Указ. соч.* С. 253.

«Советская школа»: способствуют ли старые связи выстраиванию нового российского курса в Африке?¹

АЛИСА
ШИШКИНА,
ЕВГЕНИЙ
ИВАНОВ

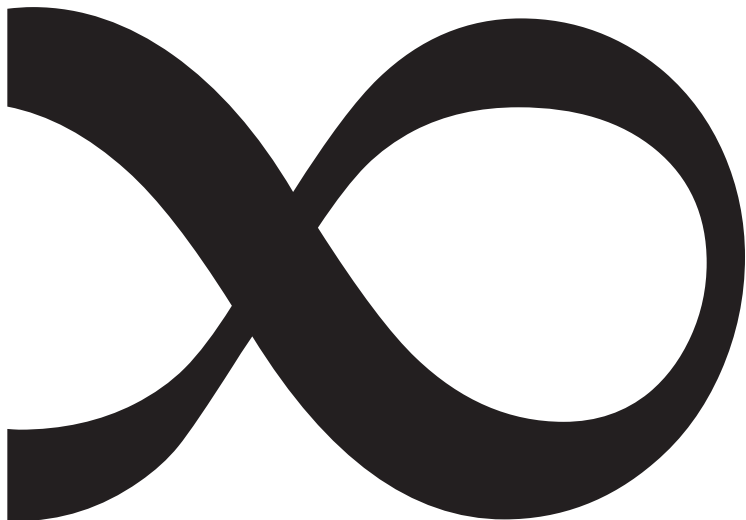
КАПИТАЛ ЗНАНИЙ

В 2018 году, выступая на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума, бывший посол Бенина в России Анисет Габриэль Кочофа вспомнил, как еще в 2002-м обращал внимание российского президента на то, что многие лидеры «черного континента» получили образование в Советском Союзе. Это, как отметил Кочофа, «капитал для российского образования»². Развивая эту мысль, можно было добавить: африканские студенты, некогда обучавшиеся в СССР и позже занявшие руководящие позиции у себя на родине, – это не только демонстрация образовательного потенциала Советского Союза и Российской Федерации, но и перспективный для Москвы политический ресурс в динамично развивающемся регионе. По словам Кочофа, в 2002 году в его

- 1** Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году при поддержке гранта РНФ № 21-18-00123.
- 2** См.: Спицын С. «В Африке работают 14 русскоговорящих президентов, и это капитал для России» // ФедералПресс. 2018. 23 мая (<https://fedpress.ru/interview/2049201>).

CASE STUDY 1

Алиса Романовна Шишкина (р. 1989) – политолог, ведущий научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Евгений Александрович Иванов (р. 1993) – исследователь, научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

стране на разных управленческих уровнях трудились до 2,5 тысяч русскоязычных специалистов. Все эти кадры, по его мнению, могли бы составить особую контактную группу по налаживанию отношений с Россией. Сегодня, однако, приходится признать, что многие из возможностей, актуальных на начало XXI века, оказались упущенными.

С того момента, как Кочофа заявил, что Россия могла бы многое приобрести, шире привлекая абитуриентов из Африки, прошли более двадцати лет, а с его памятного выступления на ПМЭФ – больше пяти. В последние годы Россия все громче заявляет о своем «возвращении в Африку». В 2019-м в Сочи состоялся большой саммит «Россия – Африка», в котором приняли участие представители всех стран континента, включая 45 глав государств и руководителей восьми региональных организаций³. На 2023 год было запланировано очередное мероприятие в столь же представительном формате. Повышенная активность российской дипломатии на африканском направлении актуализирует вопрос о том, в какой мере Москве удастся использовать фактор образования для подготовки дружественных африканских элит.

Ясности в этом пока нет. С одной стороны, в Африке широко распространены персоналистские режимы, и в подобных политических системах наличие прямых контактов с главой государства, да еще разговаривающим по-русски, казалось бы, должно давать преимущества при выстраивании сотрудничества. С другой стороны, само по себе образование, когда-то полученное в СССР или России, отнюдь не гарантирует благорасположения в последующем. Во-первых, нередко будущие африканские политики получают образование в нескольких странах; даже во времена «холодной войны» можно было найти тех, кто учился в вузах стран, относимых и к капиталистическому, и к социалистическому лагерю. Во-вторых, опыт обучения и пребывания на чужбине далеко не всегда оказывался положительным. Иностранцы студенты, столкнувшиеся с неприятными сторонами местной жизни, едва ли испытывают добрые чувства к принимавшей их стране. В-третьих, одного только образования недостаточно: если государство стремится к формированию дружественных элит за рубежом, то оно должно участвовать и в карьерном продвижении иностранных выпускников своих вузов. Наконец, в-четвертых, для формирования устойчивых отношений эти выпускники должны оставаться у власти в своих странах более или менее продолжительный срок, что в условиях перманентной политической нестабильности происходит редко. Показателен пример Мали, где двое из четырех прези-

3 См.: <https://summitafrica.ru/news/podvedeny-itogi-pervogo-sammita-i-ekonomicheskogo-foruma-rossija-afrika-roskongress-prodolzhit-rabotu-na-afrikanskom-treke-v-period-do-sledujushego-foruma/>.

дентов, обучавшихся в странах социалистического лагеря, не продержались у власти и двух лет.

В настоящей статье мы попытаемся выяснить, удалось ли России воспользоваться плодами советского и российского образования, полученного высокопоставленными африканцами, для реализации своих внешнеполитических интересов на «черном континенте». Мы понимаем, что фокусировка внимания исключительно на лидерах государств чревата определенным упрощением, но тем не менее такой срез представляется достаточным для формирования базовых представлений об исследуемом поле и выработки гипотез, способствующих его последующему изучению. Используя данные из открытых источников, мы изучили биографии африканских политических лидеров, находившихся у власти с начала 2000-х по конец 2022 года (иногда указанные границы немного сдвигались). В этой выборке нам удалось обнаружить четырнадцать президентов (и еще двух премьер-министров, не являвшихся первыми лицами государств) в десяти странах, получивших образование в Советском Союзе или Российской Федерации. Продолжительность обучения и прочие условия варьировали от коротких военных курсов до пятилетнего специалитета с последующей трудовой карьерой в СССР. Кроме того, два будущих президента – Жозе Эдуарду душ Сантуш (Ангола) и Мишель Джотодия (Центральноафриканская Республика) – были женаты на советских гражданках и имели от них детей.

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ

«СОВЕТСКАЯ ШКОЛА»...

Само по себе образование, когда-то полученное в СССР или России, отнюдь не гарантирует благорасположения в последующем.

Мы опираемся на кейсы трех стран – Южно-Африканской Республики, Анголы и Сомали, – поскольку там отмечались продолжительные периоды правления элит, которые посредством образования были связаны с СССР или Россией. Рассматриваемый круг лиц для каждой страны включал в себя более одной персоналии, что расширило сравнительный потенциал нашей выборки. В поиске материалов по Южной Африке мы опирались в первую очередь на портал «South African History Online», а также на биографический раздел на сайте правительства ЮАР. Для изучения Сомали и Анголы использовались материалы биографического портала «Pantheon», а также биографические справки, подготовленные ТАСС⁴.

⁴ См.: www.sahistory.org.za; www.gov.za/about-government/leaders; <https://tass.ru/>; <https://pantheon.world>.

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ В СССР И РОССИИ

Прежде, чем перейти к анализу кейсов отобранных стран, необходимо дать общее представление о том, как было устроено международное образование в Советском Союзе и как оно развивается в современной России, включая роль этой сферы в российской внешней политике.

Советский Союз, особенно в поздний период своей истории, был одним из центров международного образования. В 1990 году в СССР учились более 126 тысяч студентов-иностранцев; больше было только во Франции (136 тысяч) и в США (4075 тысяч)⁵. Флагманом на этом направлении был специально созданный Университет дружбы народов (сейчас к его названию добавлено слово «Российский»), которому было присвоено имя конголезца Патриса Лумумбы. В этом университете действовала система страновых квот, что позволяло расширять географию приема студентов и, следовательно, сеть международных контактов. Для иностранцев были открыты и многие другие советские вузы, причем не только столичные. Среди африканцев традиционно популярны были медицинские и инженерные специальности, а также профессии, связанные с сельским хозяйством.

Привлекая студентов-иностранцев, советские власти решали две большие задачи. Первая заключалась в подготовке специалистов гражданского и военного профиля. Гражданские кадры были нужны для предприятий, построенных при поддержке СССР, военные же – для ведения кампаний против недружественных сил, как в случаях ЮАР и Анголы, или же для защиты дружественных режимов, как в случае Сомали в первые годы правления Мохамеда Сиада Барре. Вторая задача подразумевала формирование слоя управленцев и интеллигентов, лояльных идеям социализма в целом и Советскому Союзу в частности⁶. Эффект от реализации первой задачи советское руководство ожидало в краткосрочной перспективе, тогда как осуществление второй считалось делом более долгосрочным.

С конца 1950-х и до первой половины 1980-х через советские вузы прошли более 57 тысяч студентов из Африки. Из них выпускниками стали немногим менее 35 тысяч, а совокупный набор студентов-африканцев в Советском Союзе к началу 1970-х составил порядка 10 тысяч человек. Наибольший же прием пришелся на пятилетку 1981–1985 годов⁷. В целом к началу

5 См.: АРЕФЬЕВ А.Л. *Российские вузы на международном рынке образовательных услуг*. М.: Центр социального прогнозирования, 2007.

6 Подробнее см.: KATSAKIORIS C. *Creating a Socialist Intelligentsia: Soviet Educational Aid and Its Impact on Africa (1960–1991)* // *Cahiers d'études africaines*. 2017. Vol. 226. P. 259–288.

7 См.: Белов В.А. *Подготовка кадров для зарубежных стран в советских вузах*. Калининград: Издательство Калининградского государственного университета, 2003. С. 90. По следующей пятилетке статистику найти не удалось.

перестройки среди иностранных студентов в вузах преобладали учащиеся из стран социалистического лагеря, следом шли студенты из Азии, а за ними – с незначительным отставанием – из Африки. На четвертом месте с большим отрывом были латиноамериканцы. (Несмотря на популярность левой идеологии в Центральной и Южной Америке, на государственном уровне СССР имел на континенте только двух явных союзников в лице Кубы и Никарагуа; кроме того, играли свою роль и логистические проблемы, обусловленные расстояниями.) Меньше всего было учащихся из капиталистических стран, представленных по большей части студентами-коммунистами.

Не затрагивая ситуацию с международным образованием в России в 1990-е, перейдем к нынешнему положению дел. В 2021 году, по данным Министерства образования и науки, в стране учились 324 тысячи иностранных студентов⁸. То есть по их совокупному количеству Россия уже превзошла СССР, но, оценивая этот факт, следует иметь в виду, что после 1991 года студенты из бывших союзных республик тоже учитываются как иностранные. В первой пятерке стран, направляющих к нам абитуриентов, четыре постсоветских государства: Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан. Общий приток студентов оттуда в 2021 году составил более 163 тысяч человек⁹. Что касается Африки, то в первую десятку вошел лишь Египет, откуда в российские вузы поступили более 12 тысяч абитуриентов. Отдельно стоит сказать об африканцах, обучающихся в военно-образовательных учреждениях России: с 2015-го по 2019 год соответствующую подготовку получили более 2,5 тысяч военнослужащих из африканских государств¹⁰.

На конференции «Россия – Африка в многополярном мире» звучала оценка, что по состоянию на март 2023 года в России обучались около 27 тысяч студентов из Африки, из них более 5 тысяч – за счет федерального бюджета¹¹. В целом можно сказать, что российские вузы уже вышли на максимальные, по советским меркам, обороты приема и выпуска африканских студентов – и планируют их наращивать. По итогам 2022 года Россия вошла в шестерку государств, лидирующих по количеству студентов-иностранцев¹². При этом, однако, имеется серьезная проблема странового охвата: так, около 45% африканских

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ
«СОВЕТСКАЯ ШКОЛА»...

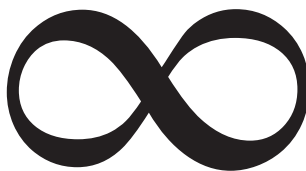
8 Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч (<https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/>).

9 Там же.

10 Владимир Путин: Россия готова к конкуренции за сотрудничество с Африкой // ТАСС. 2019. 21 октября (<https://tass.ru/interviews/7020800>).

11 Международная парламентская конференция «Россия – Африка в многополярном мире» (www.kremlin.ru/events/president/news/70745).

12 См.: МАЙЕР А. Россия заняла шестое место в мире по числу иностранных студентов // Ведомости. 2023. 13 марта (www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/13/966139-rossiya-zanyala-6-e-mesto-po-chislu-inostrannih-studentov).

студентов, обучающихся в России, приехали из Египта. Тем не менее фактом остается и то, что российское образование все больше привлекает абитуриентов не только из тех стран, с которыми у Москвы есть долгая история сотрудничества (Алжир, Ангола, Мозамбик, Эфиопия), но и из тех стран, с которыми ни СССР, ни Россия не имели тесных связей (Буркина-Фасо, Нигерия, Конго, Центральноафриканская Республика).

Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что планы по привлечению студентов-иностранцев были обозначены несколько лет назад, до нынешних катаклизмов. Так, в рамках утвержденного в 2018 году национального проекта «Образование» был предложен федеральный проект «Экспорт образования», реализовать который планировалось в 2019–2024 годах. Инициатива предусматривала увеличение приема иностранных студентов до 425 тысяч человек к 2024 году¹³. Что касается африканских абитуриентов, то информация о расширении их приема появлялась осенью 2022-го: «Известия» со ссылкой на Россотрудничество писали об увеличении квоты на период приемной кампании 2023–2024 годов с 2,3 тысячи мест до 4,7 тысячи. За предыдущую приемную кампанию (2022) Россия получила около 11 тысяч заявок от абитуриентов из Африки, а конкурс среди них достиг 4,8 человека на место¹⁴. То есть спрос на обучение в России есть.

Российские вузы уже вышли на максимальные, по советским меркам, обороты приема и выпуска африканских студентов – и планируют их наращивать.

Мы предполагаем, что изначально решение об увеличении набора иностранцев скорее всего было нацелено на заполнение вакантных мест, возникающих в российских вузах по демографическим причинам. Вместе с тем экспорт образовательных услуг и раньше рассматривался правительством России как дополнительный источник дохода для университетов, а также как инструмент «мягкой силы» – по аналогии с советским опытом. Таким образом, технические по сути решения в сфере высшего образования, будучи вписанными в геополитический контекст, приобрели дополнительный смысл. В настоящее время Африка с ее демографическим потенциалом рассматривается в качестве перспективного потребителя образовательных услуг, в предоставлении которых Россия способна конкурировать с другими странами.

¹³ См.: <http://government.ru/info/35566>.

¹⁴ *Квоту на обучение африканских студентов в РФ увеличили вдвое* // Известия. 2022. 7 ноября (<https://iz.ru/1421585/2022-11-07/kvotu-na-obucheniye-afrikanskikh-studentov-v-rf-uvelichili-vdvoye>).

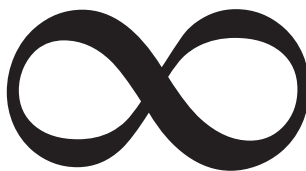
Советский Союз активно поддерживал южноафриканскую Коммунистическую партию и Африканский национальный конгресс (АНК) в их борьбе с режимом апартеида. Впоследствии именно из членов АНК и его боевого крыла «Умконто ве сизве» («Копье нации») был сформирован управленческий костяк новой Южно-Африканской Республики. Начиная с Нельсона Манделы все главы ЮАР являлись одновременно и руководителями АНК. Само движение неизменно завоевывает парламентское большинство, позволяющее назначать президента, который возглавляет правительство и является верховным главнокомандующим.

В свете нашего исследования одной из самых примечательных фигур представляется Табо Мбеки, возглавлявший ЮАР в 1999–2008 годах. На президентском посту Мбеки сменил Нельсона Манделу, заместителем которого был на протяжении предшествующих пяти лет. Мбеки приехал в Советский Союз в 1969 году после семилетней учебы в Великобритании¹⁵. В СССР будущий президент участвовал в собраниях южноафриканских коммунистов и посещал военные курсы. Через такие инструктажи по боевой подготовке прошли многие высокопоставленные деятели будущей ЮАР. Среди них были, в частности, Крис Хани, глава «Умконто ве сизве» и генеральный секретарь южноафриканской компартии; Джо Модизе, министр обороны (1994–1999); Чарльз Нкалулу, министр безопасности (2002–2008) и министр обороны (2008–2009); Ронни Касрилс, министр разведки (2004–2008); Сипиве Ньянда, главком Национальных сил обороны (1998–2005). После крушения апартеида карьеру в силовых ведомствах ЮАР сделали многие бывшие партизаны, и поэтому военно-техническое сотрудничество с Российской Федерацией налаживалось сравнительно лучше, чем взаимодействие по другим направлениям.

Политический расцвет борцов с апартеидом, прошедших обучение в советских диверсионных школах, пришелся на первую половину 2000-х. Хотя ни ЮАР, ни Россия на тот момент не обладали возможностями для существенного наращивания торгово-экономического сотрудничества (даже в 2020 году товарооборот между странами составлял сравнительно скромный миллиард долларов, значительную долю в котором занимали продовольственные товары)¹⁶, дипломатические отношения оставались весьма насыщенными. Президент Мбеки в качестве главы Движения неприсоединения активно продвигал идею «глобального Юга», укрепляя отношения своей страны с Индией и Бразилией. Эта политика заложила основу для вступ-

15 См.: www.sahistory.org.za/people/thabo-mvuyelwa-mbeki.

16 См.: <https://ru-stat.com/date-Y2022-2022/RU/trade/ZA>.

ления в 2011 году ЮАР в БРИК (превратившегося в БРИКС), когда президентом был уже Джейкоб Зума. В годы президентства Зумы (2009–2018) возобновилась практика отправки «силовиков» из ЮАР для прохождения спецкурсов в России. В тот же период обсуждалась возможность строительства в ЮАР атомной станции при техническом содействии России, однако после горячих дебатов внутри страны предложение было отклонено.

В 2022 году в ходе голосований на Генеральной Ассамблее ООН по ситуации в Украине южноафриканские дипломаты воздерживались от поддержки антироссийских резолюций (ES-11/1, ES-11/2, ES-11/3, ES-11/4). В начале 2023-го военно-морские силы ЮАР, России и Китая провели совместные учения в Индийском океане. Вместе с тем официальные представители ЮАР так и не смогли предоставить гарантий неприкосновенности президенту Путину на тот случай, если он решит лично посетить саммит БРИКС в Йоханнесбурге. (В апреле 2023-го сообщалось, что глава ЮАР Сирил Рамафоса и правящая партия рассматривали возможность денонсировать Римский статус, определяющий деятельность Международного уголовного суда, однако позже президентская канцелярия это опровергла.)

Так или иначе, но в будущем значимость личных контактов в двусторонних отношениях неминуемо начнет ослабевать. Бывшие президенты ЮАР, некогда дружившие с СССР, пребывают в почтенных летах: в 2023-м Табо Мбеки исполнился 81 год, Кгалеме Мотланте – 74 года, Джейкобу Зуме – 81 год, Сирилу Рамафосе – 71 год. Поколение, которое помнит о поддержке Советским Союзом борьбы АНК против расизма, постепенно уходит из активной политики. Их детям, младшей когорте борцов с апартеидом – тем, кто успел принять участие в деятельности «Умконто ве сизве», – тоже, как правило, больше пятидесяти. Вместе с ними уходит не только память, но и тесные связи между странами. Нынешние руководители АНК Пол Машатайл и Фикиле Мбалула, в скором будущем претендующие на самые высокие государственные посты, опыта партизанской работы не имеют.

В этом плане у России остается не более десяти лет, чтобы наладить доверительные отношения с будущим поколением южноафриканских лидеров. Теоретически на этом направлении можно было бы задействовать потенциал российского образования, однако современная ЮАР сама претендует на статус образовательного центра для своего региона, а в перспективе и для всей Африки. В XX веке один только университет Форт-Хэйр подготовил целую плеяду африканских руководителей, включая президентов Ботсваны, Зимбабве, Замбии – и, разуме-

ется, Нельсона Манделу¹⁷. Курс на развитие собственных университетов показывает, что ЮАР хотела бы повторить прежний успех; поэтому привлекать в российские вузы перспективные кадры из этой страны будет не так просто. В 2022 году сообщалось всего о 638 южноафриканских гражданах, обучающихся в российских вузах: это сопоставимо с количеством студентов из Замбии, население которой в три раза меньше, чем у ЮАР¹⁸. На столь скромных показателях сказываются удаленность, логистические трудности, довольно высокая плата за обучение и солидная стоимость жизни в крупных российских городах. К примеру, обучение и проживание примерно сотни студентов из ЮАР в России в настоящее время обходится в 1,6 миллиона долларов ежегодно¹⁹. Чтобы стимулировать приток абитуриентов из ЮАР в Россию, в рамках межправительственных соглашений было принято решение увеличить бюджетную квоту и выделить больше образовательных грантов для южноафриканцев. Часть мест финансируется российской стороной, другая часть – за счет региональных и национальных программ ЮАР.

Еще одна сложность для российского образовательного натиска, на этот раз политическая, обусловлена тем, что АНК, вероятно, прошел свой пик популярности. Начиная с выборов 2009 года, когда АНК получил рекордные 279 мест в Национальной ассамблее, его результаты постепенно снижаются, а в 2013-м от него откололось леворадикальное крыло «Борцы за экономическую свободу» во главе с Джулиусом Малемой. «Борцы» увели с собой часть электората, причем по результатам последующих двух парламентских выборов им удавалось сформировать третью по численности парламентскую фракцию. На последних выборах (2019) АНК завоевал 230 мест, а сам факт раскола в рядах АНК показателен – разумеется, он скажется так или иначе на внешней политике страны.

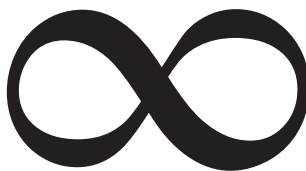
Доминирующую партию теснят и с другого фланга: ее главный конкурент, «Демократический альянс», по сравнению с 1990-ми заметно набирает очки. И, хотя в настоящий момент всерьез подвинуть АНК оппозиционеры едва ли смогут, России уже сейчас стоило бы задуматься о расширении партнерской сети на юге Африки. В этом деле московским дипломатам, не желающим, по-видимому, вредить старым связям с АНК, потре-

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ
«СОВЕТСКАЯ ШКОЛА»...

17 См.: www.ufh.ac.za/international/notable-alumni.html.

18 Подробнее см.: *Россия и Южно-Африканская Республика развивают сотрудничество в сфере астрономии и высшего образования* (<https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/50279>); *Number of Students from Africa Enrolled in Higher Education Institutions and Scientific Organizations in Russia in Academic Year 2021–2022, by Selected Country* (www.statista.com/statistics/1131857/number-of-african-students-in-russia-by-country).

19 См.: WARURU M. *Russia: Deal Could Solve South African Row* // The Pie News. 2023. January 5 (<https://thepienews.com/news/russian-universities-agree-to-receive-dues-for-south-african-students-without-involving-racus/>).

буются осмотрительность и деликатность. В частности, можно было бы ожидать, что Малема и его соратники-марксисты пойдут на контакт с Россией как правопреемницей СССР, но если такое случится, то АНК, вне всякого сомнения, воспримет это негативно. В свою очередь самой правящей партии нужно быть готовой к тому, что рано или поздно придется искать партнеров для формирования парламентской коалиции – причем не только среди политиков, позитивно относящихся к России.

АНГОЛА

Когда речь заходит о российском присутствии в Африке, Анголу вспоминают одной из первых. Вместе с крушением автократии в Португалии начался и распад португальской колониальной системы; в 1975 году Ангола провозгласила независимость. На обладание властью тогда претендовали партизанские Народное движение за освобождение Анголы под руководством Агостиньо Нето, Национальный фронт освобождения Анголы, возглавляемый Холденом Роберто, и Национальный союз за полную независимость Анголы, главой которого был Жонаш Совимби²⁰. С ранних лет борьбы за независимость Народное движение опиралось на советскую и кубинскую поддержку: его повстанцы проходили спецподготовку в СССР и других странах социалистического лагеря. Национальный фронт в свою очередь ориентировался на Заир и до определенного момента на США. Наконец, Национальный союз тесно сотрудничала с расистским правительством ЮАР. Изначально все три группировки сражались против португальского управления, но после обретения независимости ключевые руководящие посты в новом государстве достались просоветскому Народному движению за освобождение Анголы, контролировавшему столицу Луанду. Его руководитель и поэт Агостиньо Нето стал первым президентом независимой Анголы.

Нето получил образование в Португалии и был женат на португалке, однако со студенческих лет симпатизировал левым идеям, которые и привели его к марксистам. Страдая в конце жизни от онкологического заболевания, он лечился в Москве, где умер в 1979 году. На президентском посту его сменил соратник по партии Жозе Эдуарду душ Сантуш – выпускник Бакинского института нефти и химии, женатый на гражданке СССР. Ко времени его прихода к власти ориентированный на Заир Национальный фронт освобождения Анголы фактически

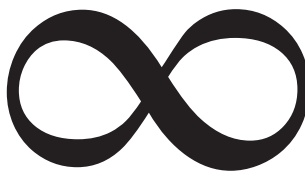
20 Народное движение за освобождение Анголы – Movimento Popular de Libertação de Angola (MPLA); Национальный фронт освобождения Анголы – Frente Nacional de Libertação de Angola (FNLA); Национальный союз за полную независимость Анголы – União Nacional para a Independência Total de Angola (UNITA).

прекратил свое существование. Теперь новому режиму противостоял только Национальный союз за полную независимость Анголы, державший под контролем южную часть страны. Тяжелые бои между двумя армиями продолжались до конца 1980-х, пока в мае 1991 года стороны не подписали соглашение о прекращении огня.

Увязнув на рубеже 1980–1990-х во внутренних проблемах, Советский Союз и его правопреемница Россия не могли оказывать правительству душ Сантуша сколько-нибудь существенной поддержки. В сложившихся обстоятельствах он начал перестраивать экономику на рыночные рельсы, обратившись за помощью к странам Запада и стремительно обновлявшемуся Китаю, который нуждался в источниках сырья. Тем не менее кадровый резерв, сформированный во времена СССР, был таким большим, что выпускники советских вузов продолжали получать назначения на важные посты: например, среди одиннадцати глав МИД независимой Анголы таких было трое, включая самого душ Сантуша, который руководил внешнеполитическим ведомством до того, как стал президентом. Важную роль во внутренней политике продолжал играть офицерский корпус, в рядах которого насчитывались до семи тысяч выпускников советских военных училищ²¹. Несмотря на распространение коррупции и казнокрадства, выпускники советских вузов, находящиеся у власти, чувствовали себя столь же уверенно, как и прежде.

С 2016 года душ Сантуш начал передавать бразды правления своему соратнику Жоао Лоренсу – выпускнику московской Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Вместе с советскими и кубинскими военными советниками этот партизан сражался с повстанцами Национального союза за полную независимость Анголы, дослужившись до генерал-полковника. Тем не менее вопреки ожиданиям душ Сантуша его преемник начал аппаратную борьбу с назначенцами прежнего президента, по большей части обвиняя их в коррупции. Под расследование попала Изабель душ Сантуш, дочь бывшего лидера и его русской жены, которую считали проводником российских интересов в Анголе. Тем не менее на российско-ангольских отношениях вытеснение команды душ Сантуша почти не сказалось – напротив, Жоао Лоренсу активизировал контакты с Россией. В 2019 году во время визита в Россию он отмечал, что еще помнит русский язык. Посетив Луанду в 2023-м, российский министр иностранных Сергей Лавров также подтвердил, что в переговорах с ним ангольский президент говорил по-русски.

21 См.: Варламов А.С. *Экономическая и военная помощь СССР Анголе в 70–80-е годы XX века как основа для развития торгово-экономических отношений России и Республики Ангола на современном этапе* // Российский экономический интернет-журнал. 2009. № 2. С. 157–163.

Что касается перспектив в образовательной сфере, то в январе 2022 года вступило в силу соглашение между правительствами двух стран о взаимном признании дипломов и ученых степеней, причем договоренности касаются не только высшего, но также среднего и среднего специального образования. В основу этого документа лег протокол, подписанный Анголой еще с Советским Союзом в 1986 году²². Если в 2014–2015 учебном году абитуриентам из Анголы выделили только 62 места в российских вузах²³, то позже количество бюджетных мест находилось в диапазоне от 120 до 160 – пока не было принято официальное решение об удвоении квот. На 2023–2024 учебный год за ангольцами зарезервированы 300 бюджетных мест: это вторая по величине квота среди африканских стран²⁴. Помимо этого, ангольцы поступают в российские учебные заведения и на коммерческой основе: так, в 2010-х среди ангольских студентов 60–65% платили за свое образование самостоятельно²⁵.

Значительно меньше информации об ангольцах, обучающихся на военных специальностях, поскольку Министерство образования такими данными не располагает. Тем не менее, согласно сообщениям российских СМИ, в 2018 году выпускниками, например, лишь одного из военных училищ Ярославля стали около 40 учащихся из Анголы²⁶. Поскольку армия в Анголе по-прежнему играет значительную политическую роль, подготовка военных кадров в России остается важнейшим рычагом политического влияния, которым Москва, несомненно, будет пользоваться и дальше.

СОМАЛИ

После того, как Сомали в 1960 году получило независимость, Советский Союз начал быстро развивать отношения с этим государством. Охотнее всего СССР оказывал помощь в модернизации сомалийских вооруженных сил²⁷. Уже в 1962-м для обучения военным специальностям в Москву отправилась первая группа сомалийцев, а к 1965-му около трех тысяч сомалийских офице-

22 Россия и Ангола взаимно признали образование, квалификации и ученые степени (<https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/45926/>).

23 КРАСНОВА Г. А. Академическая мобильность ангольских студентов // Аккредитация в образовании. 2016. № 7(91). С. 32–34.

24 См.: Квоту на обучение африканских студентов в РФ увеличили вдвое.

25 КРАСНОВА Г. А. Указ. соч. С. 33.

26 См.: Лещенкова Е. Выпускники военного училища ПВО станцевали на главной площади Ярославля африканский танец // Комсомольская правда – Ярославль. 2018. 2 июля (www.yar.kp.ru/online/news/3162052/).

27 Носов В. А. Советская армия, Африка и холодная война (1961–1974) // Военная история России XIX–XX веков. Материалы XI Международной военно-исторической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 674.

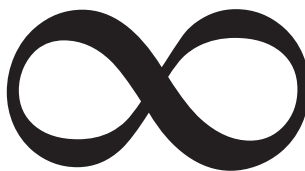
ров приобрели советскую выучку²⁸. В свете сказанного вполне естественным кажется то, что с захватом власти военными во главе с генерал-майором Мохамедом Сиадом Барре, провозгласившим курс на социализм и рассорившимся с Западом, отношения двух стран стали еще более тесными. В частности, один из сыновей сомалийского диктатора учился в московской Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева.

Однако склонность Барре к ирредентизму и обусловленная ею военная операция на территории дружественной Советскому Союзу Эфиопии подверглись решительному осуждению со стороны советского руководства. Выбирая между Могадишо и Аддис-Абебой, Москва предпочла последнюю и прекратила оказание военной поддержки сомалийцам, включая обучение офицерских кадров. В отместку Барре вернул на родину и тех студентов из Сомали, которые осваивали гражданские специальности; в итоге с 1978 года в СССР вообще не осталось студентов из этой страны. Тем самым важный канал политического влияния был потерян; не удивительно, что в верхнем эшелоне сомалийской администрации сегодня немало людей, учившихся в вузах Европы или Северной Америки.

Даже после завершения «холодной войны» Москве и Могадишо долго не удавалось реанимировать полноценные дипломатические связи – несмотря на то, что постсоветская Россия регулярно оказывала сомалийцам гуманитарную помощь. Тот факт, что с 2000-го по 2008 год африканскую страну возглавляли выпускники советских вузов, никак не облегчал налаживание контактов. Между тем среди обладателей советских военных дипломов были и весьма крупные, по сомалийским понятиям, фигуры: к таковым относился, например, генерал Мохамед Фарах Айдид, один из полевых командиров смуты, начавшейся в 1990-х, и самопровозглашенный глава государства в 1995–1996 годах. Где именно он получил советское образование, точно неизвестно, но, по одной из версий, это была московская Военная академия имени М.В. Фрунзе. Став генералом, Айдид участвовал сначала в свержении режима Барре, а потом в вооруженном конфликте с войсками ООН, возглавляемыми США. Искал ли этот деятель когда-либо и какой-либо поддержки у России, мы не знаем.

В ходе многолетнего сомалийского кризиса в первом эшелоне местной политики оказывались и другие московские выпускники. Когда в 2000 году, после очередного раунда внутривосточного политического торга удалось создать международно признанное Переходное федеральное правительство, его главой стал Абдулкассим Салаад Хасан – один из первых сомалийских студентов,

28 См.: Алексеев А. *Не страна, а одно название. Что произошло в Сомали за 60 лет независимости* // Коммерсант. 2020. 4 июля (www.kommersant.ru/doc/4405229).

обучавшихся в СССР. В 1965-м он окончил биологический факультет МГУ, при диктатуре Сиада Барре руководил Министерством внутренних дел – биологи ведь везде нужны, – а позднее курировал различные силовые ведомства. После падения военного режима Хасан покинул Сомали и осел в Египте, вернувшись на родину только через десять лет. К тому моменту соперничающие кланы сочли его компромиссной фигурой, которой можно доверить общенациональную власть. Впрочем, на отношениях с Россией это назначение никак не сказалось: пытаясь справиться с внутренним кризисом, глава правительства полагался в основном на ООН и США. Для оживления диалога с Москвой импульса не было.

Абдуллахи Юсуф Ахмед, в 2004 году сменивший Хасана на посту премьер-министра, имел несколько иные ориентиры. Кадровый военный, получивший соответствующее образование сначала в Италии, а затем в Военной академии имени М.В. Фрунзе²⁹, в 1965–1968 годах, до установления военного режима, успел поработать военным атташе при посольстве Сомали в Москве³⁰. В отличие от своего предшественника, Абдуллахи Ахмед не поддержал путча Сиада Барре и оказался в тюрьме. Будучи противником диктатора и его внешнеполитических авантюр, он не испытывал раздражения относительно того, что в годы войны в Огадене СССР поддержал не Сомали, а Эфиопию. Поэтому, став президентом страны, этот политик сразу же информировал Кремль о том, что его республика готова к диалогу с Россией. Инициатива воплотилась в конкретные политические решения: например, Ахмед пригласил российские военные суда патрулировать прибрежную зону Сомали для борьбы с пиратами – несмотря на то, что западные страны, уже занимавшиеся подобным патрулированием, выразили свое недовольство. В результате у военно-морского флота России появилась возможность заходить в акваторию Сомали, а именно, в прибрежную зону Пунтленда – родного региона Абдуллахи Ахмеда, который он ранее возглавлял. Кроме того, в годы его правления ООН начала подключать Россию к консультациям по урегулированию в Сомали.

После ухода Ахмеда, состоявшегося в 2008 году, влияние «человеческого фактора» на двусторонние отношения неуклонно сокращалось. Старшие поколения лидеров – прежде всего кадровые офицеры, учившиеся в СССР, – либо погибли в гражданской войне, либо покинули большую политику в силу возраста. В настоящее время российско-сомалийские контакты расширяются не столько лично, сколько институциональ-

29 См.: Дейч Т., Кравченко В. *Достижим ли мир в Сомали?* // Азия и Африка сегодня. 2006. № 6. С. 19–24.
30 См.: Ivanova L. *Somali Students in the Soviet Union (1960–1978)* // Bildhaan: An International Journal of Somali Studies. 2019. № 1(18). P. 84.

но, чему способствовала активная подготовка к саммиту «Россия – Африка», намеченному на июль 2023 года. Так, в конце мая глава российской дипломатии Сергей Лавров провел переговоры с сомалийским коллегой Абширом Омаром Джамой, в ходе которых заявил о готовности России обучать сомалийскую национальную полицию и снабжать страну военной техникой, необходимой для противостояния терроризму³¹. Чиновник упомянул также о гражданских специальностях: в настоящее время, по его словам, в российских вузах обучаются более ста граждан Сомали. С 2023 года Россия увеличила количество ежегодных образовательных грантов для сомалийцев до 35; кроме того, появились подготовительные курсы, позволяющие будущим сомалийским студентам познакомиться с Россией и освоить основы русского языка³². В свою очередь годом ранее Хасан Абди Дауд, посол Сомали в России, посещал МГИМО и Дипломатическую академию МИД – вузы, считающиеся «кузницей» нынешней российской элиты. Таким образом, можно предположить, что, несмотря на немногочисленность сомалийских студентов в России, кто-то из них в будущем сможет претендовать на высокие позиции на родине – и послужить укреплению влияния Москвы в Сомали.

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ
«СОВЕТСКАЯ ШКОЛА»...

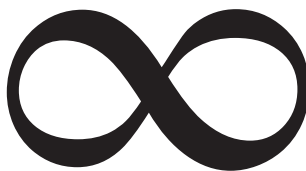
ВОЗВРАЩЕНИЕ В АФРИКУ?

В последние два десятилетия российское руководство настаивает на пересмотре миропорядка, сложившегося после «холодной войны». В рамках конфронтации с Западом оно провозгласило два новых политических курса, взаимно поддерживающих друг друга: «поворот на Восток» и «возвращение в Африку»³³. Активация связей на восточном направлении началась еще в начале 2010-х, а в 2014-м эти процессы получили дополнительный импульс. С 2022 года «поворот на Восток» подвергся коррекции в сторону более тесного сближения с Китаем, углубления взаимодействия с Индией, Ираном и странами Центральной Азии, а также развития партнерских связей с Турцией и государствами Персидского залива. Контакты с Японией и Южной Кореей отошли даже не на второй, а на третий план, поскольку эти государства присоединились к санкциям против России. Что касается африканского вектора, то интерес в дан-

31 См.: Белевская М. *Африканский сезон в МИДе* // Коммерсант. 2023. 26 мая (www.kommersant.ru/doc/6011741).

32 См.: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1872546/?lang=ru; см. также: *Семья и снег: студенты из Сомали заканчивают базовый курс русского языка* (<https://urfu.ru/ru/news/43434/>).

33 Подробнее см.: FORTESCUE S. *Russia's "Turn to the East": A Study in Policy Making* // Post-Soviet Affairs. 2016. Vol. 32. № 5. P. 423–454; ISSAEV L., SHISHKINA A., LIUKUMOVICH Y. *Perceptions of Russia's "Return" to Africa: Views from West Africa* // South African Journal of International Affairs. 2022. Vol. 29. № 4. P. 425–444.

ном направлении начал пробуждаться у российского руководства еще в 2000-е³⁴. В тот период, однако, у России не было ни стратегии, ни ресурсов, позволявших включиться в конкурентное противоборство на континенте, где вдобавок к бывшим европейским метрополиям и США теперь активно осваивались Китай, Индия, а также Турция и Япония.

Как и в случае с «поворотом на Восток», охлаждение отношений с Западом, начавшееся в 2014 году, побудило Кремль активнее искать новые пути в Африку. Очевидно, это дало свои плоды: уже через пять лет присутствие российских государственных и частных компаний на континенте стало ощутимым, а сочинский форум «Россия – Африка» превратился в регулярное политическое событие. Основанием для сближения служат не только амбиции российского руководства, но и общественные настроения: по данным агентства «Gallup» за апрель 2022 года, уровень одобрения политики Кремля среди африканцев был на девять процентных пунктов выше, чем по миру в целом (42% против 33%)³⁵.

Нынешнюю ситуацию полезно сопоставить с советским присутствием в регионе. На наш взгляд, пик влияния СССР в Африке пришелся на период между 1975-м и 1989 годами. Тогда советское присутствие имело место в более чем десяти странах региона, то есть примерно в каждой пятой стране. Эта цифра менялась, поскольку отношения с одними странами портились, как это произошло с Сомали в 1977-м, а с другими, напротив, налаживались, как это получилось с Египтом после того, как в 1980-е Хосни Мубарак сменил на президентском посту Анвара Садата. Ангола, Мозамбик и Эфиопия имели официальный статус наблюдателей в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ). Поддержку со стороны СССР получали антиколониальные и/или левые движения и режимы в Республике Конго (Браззавиль) и Демократической Республике Конго (Киншаса), Бенине, Гане, Гвинее, Гвинее-Биссау, Мали, в определенной мере на Мадагаскаре, а также в ЮАР. В Северной Африке СССР оказывал серьезное содействие Алжиру и Ливии.

Российское присутствие последних лет имеет сопоставимый, если не больший охват, причем страновая выборка отчасти совпадает. Поддерживаются связи с ЮАР и Египтом, сохраняется военное сотрудничество с Алжиром и Анголой, возобновляются контакты с Мали, возникают новые «точки входа» – в частности, в ЦАР, Буркина-Фасо и Судане. Безусловно, многое зависит от глубины кооперации и разнообразия

34 Подробнее см.: МАРТЕН К. *Возвращение России в Африку: снова «холодная война»? // Неприкосновенный запас. 2020. № 4(132). С. 272–289.*

35 См.: ВIKUS Z. *Africans Divided on Russia's Leadership before Ukraine War // Gallup News. 2022. April 13 (<https://news.gallup.com/poll/391718/africans-divided-russia-leadership-ukraine-war.aspx>).*

предлагаемых форм, варьирующих от поставок вооружений и присутствия военных советников до совместной разработки ядерных и космических проектов. Как бы то ни было, «возвращение в Африку» – уже не просто умозрительная конструкция, а реализуемая программа, в которой экспансии российского образования отводится заметная роль.

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ
«СОВЕТСКАЯ ШКОЛА»...

Охлаждение отношений с Западом, начавшееся в 2014 году, побудило Кремль активнее искать новые пути в Африку: уже через пять лет присутствие российских государственных и частных компаний на континенте стало ощутимым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В эпоху СССР советская высшая школа обучила десятки тысяч граждан Африки, многие из которых пополнили культурную, военную, политическую элиту своих стран. Поскольку Советский Союз вкладывался в образование африканцев как в долгосрочную стратегию, крах СССР и распад социалистического лагеря не позволили ему в полной мере воспользоваться плодами своей интернациональной образовательной политики. Россия как правопреемница ушедшей коммунистической империи получила обширное наследство, которым распорядилась по-разному.

Наверное, в наибольшей мере советская школа способствовала поддержанию российских связей с ЮАР, где сформировалась целая прослойка лидеров разного уровня, благодарных СССР за поддержку в борьбе против режима апартеида. В Анголе же, несмотря на заметное присутствие советских выпускников в элитных группах, этот фактор воплощался в политические решения гораздо реже: лояльность элит оказалась менее важной, чем системная поддержка – и, как только Москва после 1991 года ушла из Африки, ангольское руководство переориентировалось сначала на Запад, а потом на Китай. Тем не менее после 2017 года Кремлю удалось отчасти реанимировать связи с Анголой, в том числе и в образовательной сфере: у России снова появились возможности участвовать в подготовке будущей ангольской элиты. Наконец, в Сомали роль выпускников советской высшей школы оказалась самой невнятной. Несмотря на то, что люди с советскими дипломами не раз руководили страной, Россия практически никак не конвертиро-

вала этот кадровый потенциал в политические выгоды – из-за множества причин, упомянутых выше.

Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заголовок настоящей статьи – способствуют ли старые связи выстраиванию нового российского курса в Африке, – стоит сказать, что однозначного ответа на него нет. Бесспорно, в настоящий момент в образовательном сотрудничестве сходятся российское предложение и африканский спрос. Но это вовсе не означает, что итоговый результат гарантированно устроит все стороны. Для конвертации образовательного потенциала во внешнеполитические успехи Российской Федерации Москве следует учесть все плюсы и минусы советского опыта, но удастся ли это сделать в полной мере – большой вопрос. В статье мы попытались указать на некоторые трудности, опираясь на три конкретных кейса. Главная проблема в том, что предложение образовательных услуг должно дополняться иными, более тонкими «модулями настройки», поскольку, в конечном счете, образование не базовый фактор взаимодействия стран, а производная, вторичная функция. Под образовательную экспансию придется подводить экономический, политический, военный фундамент, но в этом деле Россия обязательно столкнется как с внешними, так и с внутренними рисками.

Между Ливаном и Палестиной: путешествие по воспоминаниям¹

АНБАРА САЛАМ
ХАЛИДИ

СЕМЬЯ И ВОСПИТАНИЕ

Я выросла в доме, который мог служить образцом для консервативных семей нашего круга. В нем я чувствовала любовь, которая определяла отношения между родителями, хотя последнее слово при этом всегда оставалось за мужчиной. Их также отличала искренняя вера, следование религиозным предписаниям и принципам. Порой мы просыпались потому, что кто-то из родителей напевал аяты Корана. Это происходило до того, как отец уходил на работу, а мать принимала бремя повседневного попечения о большой семье. Она приступала к делам только после утренней молитвы, которую совершала еще до восхода. Мягкое эхо священных строк Корана отдавалось по всему дому, а за чтением следовали молитвы, в которых мать просила Аллаха простить и отпустить грехи, а также наставить на праведный путь. Благодаря этому – и последующим школьным урокам – я наизусть знаю многие аяты. Если в нужный час отец находился дома, то он сам собирал нас на молитву.

¹ Перевод выполнен по изданию: SALAM AL-KHALIDI A. *Jawla fi al-dhikrayyat bayna Lubnan wa-Filastin*. Beirut, 1978. Здесь и далее примечания переводчика.

АРХИВ «НЗ»

Анбара Салам Халиди (1897–1986) – ливанская феминистка, участница движения за права женщин в Ливане и арабском мире. Родилась в суннитской семье из Бейрута; в 1929 году вышла замуж за палестинского просветителя Ахмада Самеха аль-Халиди. Со вступления в брак до 1948 года жила с супругом в Иерусалиме. Из-за конфликта между арабами и евреями была вынуждена вернуться в Бейрут.

Отец мой был высок ростом, с русыми волосами и подстриженной бородой. Он всегда элегантно одевался и уверенно шел по жизни. Личностью он был сильной и почитаемой. Он занимал видное место в большой семье и пользовался уважением друзей из всех конфессий. Когда обсуждалось что-то происходящее в наших краях или в Османской империи в целом, его слово было очень весомым. Отец был одним из ведущих коммерсантов страны и играл важную роль в социальных и благотворительных организациях. Он являлся одним из первопроходцев арабской политики и в имперские времена занимал разные официальные должности. В частности, одно время отец возглавлял муниципалитет Бейрута и входил в состав административного совета одноименной провинции. Он также состоял членом торгового суда, в котором председательствовал турок, назначенный правительством [в Стамбуле]. Позже отец был избран жителями Бейрута в качестве депутата, представляющего их интересы в парламенте Османской империи. [...] В силу его политического положения у нас постоянно проходили какие-то встречи, переговоры или банкеты – настолько часто, что в доме имелась специальная гостиная для мужчин, всегда готовая к прибытию гостей, включая делегации из-за рубежа. [...]

Что касается матери, то она была родом из арабской семьи аль-Барбир, консервативной и известной [исламской] ученостью. Внешне у нее было много общего с другими представителями этого семейства. Она была невысокой, светлокожей, белокурой, голубоглазой и отличалась красивым голосом. Образцовая и деятельная мать, она жертвовала собственными интересами ради мужа и детей. Она вышла замуж в четырнадцать лет, причем супруг приходился ей родственником: ее бабушка по матери и бабушка моего отца были родными сестрами.

Когда я вспоминаю маму в те годы, ее образ сопрягается с постоянным движением. Она была верной женой и чуткой матерью, и я видела, что, даже став многодетной, она никогда не позволяла себе забыть о ком-то из нас при сборах в школу. Она сама выкармливала каждого своего ребенка: с первого, родившегося у нее в шестнадцать лет, и до последнего, появившегося на свет, когда ей уже исполнилось пятьдесят. Стоило кому-то из нас заболеть или пораниться, она бесстрашно бросалась на помощь, даже если неприятность была самой серьезной. Поскольку в те годы в Ливане нередким был тиф, среди ее детей не осталось ни одного, кто не переболел бы этой ужасной болезнью. Всякий раз мать ухаживала за больным бережно и самоотверженно – пока ребенок не выздоравливал. Ни одного из своих малышей она не потеряла из-за детских болезней.

Рассказав о своих родителях, я не могу не упомянуть и братьев. Взрослея, я наблюдала, как два моих старших брата ходили

в старшую школу при Американском университете². Хотя отца нередко критиковали за то, что он отправил сыновей в иностранную школу, он не изменял своему убеждению, согласно которому знания следует черпать из любого источника – найдись он хоть в Китае. Али, старший из моих братьев, отличался умом и прилежанием. Он тяготел к литературе и поэзии и даже читал стихи на выпускном вечере в колледже. В 1910 году отец послал его в Англию, где Али выучился на инженера сельского хозяйства. Думаю, среди наших земляков он стал одним из первых, кто получил образование в Европе. Али, впрочем, так и не применил свои знания на практике, хотя его постоянно одолевали теории, которые он не мог реализовать.

Мой второй брат Мухи ад-Дин скончался от плеврита в двадцатилетнем возрасте; это произошло из-за того, что в те годы – то есть до Первой мировой войны – не было пенициллина. Получив среднее образование, он усердно помогал отцу в коммерческих делах, поскольку не отличался тягой к учебе. Его кончина стала большой трагедией для семьи; впервые в жизни я увидела, как тень печали накрыла наш дом. Мое сердце болело по милому брату, к которому я была очень привязана, но я держала боль при себе, не говоря ни слова. Что касается родителей, то мать снесла этот удар со стойкостью и верой, а отец встретил его мужественно: трагедия не помешала ему принять приглашение на Парижский конгресс [арабских националистов] 1913 года – хотя к тому моменту со смерти его сына прошло не больше двух недель³.

Еще одним моим братом был Мухаммад, особенно близкий к отцу. Он любил сидеть со взрослыми и слушать их разговоры, а затем в компании братьев комментировать услышанное. Мухаммад был вспыльчивым, но добросердечным юношей, настойчиво требовавшим от мира исполнения своих надежд. Став взрослым, он воплотил многие свои замыслы в общественной деятельности и личных делах. В частности, он усердно трудился на благо общества «Аль-Макасид»⁴, которым руководил

- 2 Американский университет в Бейруте – старейший университет современного арабского мира, основанный американскими миссионерами как Сирийский протестантский колледж в 1866 году. В этом заведении учились многие видные деятели политики и культуры арабского мира XX века. См.: ANDERSON B.S. *The American University of Beirut: Arab Nationalism and Liberal Education*. Austin: University of Texas Press, 2011.
- 3 Арабский конгресс 1913 года, прошедший во Франции, считается одним из ключевых событий в развитии арабского национализма. Изначально арабские националисты не стремились к выходу из Османской империи, рассчитывая ограничиться расширением политических и гражданских прав арабских граждан в ее рамках. Позже, однако, репрессии османского правительства и разорение арабских земель в годы Первой мировой войны привели к радикализации движения. См.: TAUBER E. *The Emergence of the Arab Movements*. London: Routledge, 1993. P. 90–97.
- 4 Речь идет об Обществе исламских благотворительных намерений – благотворительной организации, учрежденной влиятельными суннитскими семьями Бейрута в 1874 году. Одной из ее целей было распространение современного школьного образования среди мусульман. Семейство аль-Салам играло важную роль в управлении обществом вплоть до 1990-х.

в конце жизни. Он любил знания и охотно воспринимал новое. Пытливость ума сочеталась у него со склонностью к лидерству и навязыванию своей власти. Вместе с тем Мухаммад всегда оставался благородным человеком, готовым помочь любому. Мать много претерпела, воспитывая этого мальчика, потому что он был упрямым и непослушным.

С теми же проблемами, но в гораздо больших масштабах, мать столкнулась при воспитании моего брата Омара, который рос крайне неугомонным и которого прозвали за это «шайтаном аль-Мусейтбе»⁵. Этого мальчика не волновали опасности, ему был неведом страх. Он поднимался на террасу и ползал вдоль парапета с внешней стороны; стоило соседям увидеть, какому риску он себя подвергает, как они в ужасе бросались в наш дом, чтобы предупредить о происходящем. Его выходки обернулись тем, что он стал единственным из братьев, кого отправили в школу-интернат – где, кстати, он довольно успешно учился. Когда этот активный ребенок стал взрослым, ничто не могло затмить в его глазах любимое занятие – охоту, в которой он достиг совершенства. [...]

Итак, я описала своих братьев, но ничего не сказала о сестрах. Я не забыла о них; дело просто в том, что мужчины в нашей семье преобладали – как по числу, так и по влиянию. Дочерей было три, а сыновей девять⁶. Старшей моей сестрой была Фатима. Она рано – в пятнадцать лет – покинула отчий дом, переехав к мужу. Спокойная и добрая, она любила всех нас, всегда старалась помогать матери по дому, а карманные деньги тратила на сладости, которые раздавала братьям. Ей не довелось наслаждаться беспечностью детства: в тринадцать лет она вела себя так, как будто ей уже все двадцать. Думаю, из-за того, что мать остро нуждалась в ней, Фатима брала на себя слишком большую ответственность и помогала по хозяйству не по годам. Когда она уехала, все мы, и в особенности мама, ощутили пустоту в доме.

Последний член семьи – Раша, младшая из нас. Она была моложе меня на много лет: сыновья наших братьев были ее сверстниками, и все мы охотно ухаживали за ней, особенно Саиб и я. Дошло до того, что, когда я собиралась ехать в Лондон учиться, а ей исполнилось тринадцать, ко мне подошла мать, которой было уже за пятьдесят, и сказала: «Может, ты возьмешь Рашу с собой или вообще останешься тут? Она ведь умрет без тебя». Так я взяла сестренку [в Европу], причем за те два года, что мы провели за границей, меня это ничуть не утруждало – напротив, на чуж-

5 Аль-Мусейтбе – район Бейрута, где находился дом семьи аль-Салам.

6 У писательницы были еще несколько братьев: Мусбах, Саиб, Абдулла, Фуад и Малик. В 1950–1970-е Саиб аль-Салам (1905–2000) был одним из самых влиятельных ливанских политиков. В частности, он неоднократно занимал пост премьер-министра, самый высокий пост, доступный мусульманину-сунниту в ливанской политической системе.

бине она стала моим величайшим утешением. Раша была очень пронциательна, деятельна и независима, выделялась яркой восточной внешностью. Все это привело к тому, что во время нашего пребывания в Англии она оставалась в центре всеобщего внимания, а мужчины – и молодые, и постарше – конкурировали за ее дружбу. Потом она поступила в университет, а после свадьбы всецело посвятила себя служению палестинскому делу.

За этой большой семьей со всеми ее причудами неутомимо ухаживала мать, ради нее без усталости трудился отец. Я до сих пор чувствую восхитительный запах, разносившийся по дому вечерами, когда мы садились за стол. Мое воображение рисует прекрасную картину: родители и множество детей собираются за общим столом, делят еду, иногда беседуют – в основном спокойно, но порой и громко споря друг с другом. Но чаще всего, однако, на таких ужинах по просторной столовой разносился радостный смех.

Это зарисовку из семейного быта я решила сделать введением к своим размышлениям, поскольку, как уже говорила, моя семья была образцовой. Я помню, как мы жили в аль-Мусейтбе, одном из районов старого Бейрута. Окрестности напоминали деревню с самобытным населением и даже особым говором. Надо сказать, что у каждого бейрутского района имелся характерный говор, по которому всегда можно было понять, откуда тот или иной человек – из аль-Мусейтбе, Рас Бейрут или аль-Баста⁷. Большинство жителей нашего района принадлежали к одной из нескольких семей, связанных узами родства. Многие местные жили за счет перевозки камней и песка, которые грузились на мулов и ослов и доставлялись на городские стройки. Дороги [в аль-Мусейтбе] были песчаными и узкими; по краям росли невысокие кактусы и стояли полуразвалившиеся каменные стены.

С крыши нашего дома открывался прекрасный вид на город, а на горизонте можно было даже разглядеть [Средиземное] море. На востоке вдаль растянулись [Ливанские] горы. Днем ничто не мешало видеть их зеленые склоны, ночью – огни горных деревень, а зимой – заснеженные вершины. Мой дедушка построил этот дом в итальянско-французском стиле, и, как и во многих зданиях старого Бейрута, в нем были высокие потолки с барельефами из гипса по краям. Холлы были украшены мраморными колоннами. Значительную часть дома занимали помещения, предназначенные для приема гостей; из-за них в ходе строительства пришлось сократить количество спален. [...]

7 Рас Бейрут – район в северо-западной части города, важный культурный центр, который пересекает улица Хамра, известная своими кафе и книжными лавками; именно в этом районе располагается кампус Американского университета. Аль-Баста – район, расположенный восточнее аль-Мусейтбе; в середине XX века большинство здешнего населения составляли небогатые мусульмане-сунниты.

Что касается наших отношений с соседями, то мы знали их всех, как и они знали нас поименно. Хотя мой дед, построивший дом, не был здешним уроженцем, а переехал сюда, между нами и местными установились вполне дружеские отношения, которые оставались хорошими даже после того, как дом перешел от деда к моему отцу. В свою очередь отец ввел в наш быт новый обычай: когда наступал Рамадан, он поочередно приглашал жителей аль-Мусейтбе на ифтар⁸. Впрочем, подобно тому, как многоэтажные здания преображали виды, открывающиеся из наших окон, так же менялись и лица окружающих людей, среди которых становилось все больше приезжих. На улицах теперь звучали иные разговоры; со временем дошло до того, что мы искренне радовались, приветствуя на улице кого-то из коренных жителей.

ПОЕЗДКА В КАИР

Приезжая в Каир, мы жили в меблированной квартире на улице Каср ан-Нил, которую сдавали эксклюзивно для нас. Мы предпочитали съемное жилье потому, что моей матери было неудобно жить в отеле: ведь она постоянно носила хиджаб. Меня поражало все, что я видела на широких и благоустроенных улицах: огромные и просторные магазины, великолепные здания, цветущие сады и парки, театры с отдельными местами для женщин, которых ширмы скрывали от посторонних взоров. Кстати, нас восхищал внешний вид египтянок; мне казалось, что они гораздо более эмансипированы, чем мы. По крайней мере хиджаб не скрывал их глаза – в отличие от глаз наших женщин, которые не видели белого света за черной накидкой.

Автомобили в Каире были повсюду. Наряду с гигантскими монументами древности, восхищающими туристов, в египетской столице было много новых памятников. Например, в день нашего приезда здесь состоялось открытие памятника Мустафе Камиллю⁹: мы видели собравшуюся ради торжественной церемонии огромную толпу. Каждый день мы ходили по музеям, выставкам, паркам, ездили к пирамидам и плавали по Нилу, а мать с сестрой к тому же проводили время в больших универмагах, покупая там красивые ткани и выбирая подарки; кроме того, там продавали новейшие товары западного производства, каких было не достать в Бейруте. По этой причине для женщин, ходящих с покрытой головой, визит в Каир был

8 Ифтар – разговение, вкушение пищи после захода солнца в священный месяц Рамадан. Пост в Рамадан является одним из пяти столпов ислама.

9 Мустафа Камиль (1874–1908) – лидер антиколониальной оппозиции, требовавший независимости и вывода британских войск из Египта.

чем-то вроде поездки в Париж или Лондон. Моей же великой радостью в этом путешествии стали походы по книжным магазинам и приобретение тех книг по истории и культуре, которые я давно хотела иметь: например, мне удалось купить все сочинения Джурджи Зейдана¹⁰. Кроме того, я чувствовала, как Каир эмансипирует меня – именно там я в первый раз в жизни сходила в кино.

Однако путешествие не обошлось и без неприятностей. Хозяин дома, который мы снимали – грек-стоматолог, – украл драгоценности матери и сестры и сбежал. Правоохранительные органы взялись за дело со всей серьезностью; иначе и быть не могло, поскольку сам хедив Аббас¹¹ потребовал от полиции расследовать преступление так, как если бы обокрали его самого – по его словам, происшествие очень повредило репутации Египта в глазах туристов. Не прошло и нескольких дней, как вор и его сообщники были арестованы, и нам вернули почти все похищенное. [...]

Я вновь посетила Каир в 1920 году. На этот раз я остановилась у тети, с чьей дочерью меня до сих пор связывает крепкая дружба. Два месяца провела я между Каиром, Александрией и [городом] Эз-Заказик. Важной вехой этого визита стало то, что мне посчастливилось присутствовать в Египетском университете на мероприятии, где чествовался Касем Амин¹². На этого человека мы смотрели как на провозвестника движения за права женщин в арабском мире. Именно там я впервые увидела Худу Шаарави¹³; она общалась с пришедшими на встречу гостями в специально отгороженном месте, отделявшем женщин от прочих присутствующих. Чествование смелого реформатора произвело на меня сильное впечатление, поскольку я давно восхищалась этим человеком и очень уважала его. Я даже написала статью о событии, которая была опубликована на следующий день в газете «Аль-Мукаттам»¹⁴. В тексте я

10 Джурджи Зейдан (1861–1914) – видный деятель арабского просвещения, журналист, издатель, историк и лингвист. Его исторические романы способствовали популяризации арабской истории и формированию арабского национализма. См.: PHILIPP T. *Jurji Zaidan and the Foundations of Arab Nationalism*. Syracuse: Syracuse University Press, 2014.

11 Хедив Аббас II (1874–1944) – правитель Египта в 1892–1914 годах. Хотя до Первой мировой войны Египет формально оставался частью Османской империи, с 1882 года он контролировался Великобританией, а в 1914-м формально стал британским протекторатом.

12 Касем Амин (1865–1908) – египетский юрист, автор книги «Новая женщина» (1899), в которой он одним из первых обратился к проблеме статуса женщин в арабских странах. Он считал, что женщины должны получать хотя бы начальное образование, утверждал, что ислам не требует непременно скрывать лицо, критиковал полигамию, а также чрезмерную изоляцию женщин от общества. См.: HOURANI A. *Arabic Thought in the Liberal Age, 1797–1939*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 164–169.

13 Худа Шаарави (1879–1947) – египетская феминистка и антиколониальная активистка, основательница Египетского женского союза. См.: SHARAWI LANFRANCHI S. *Casting off the Veil: The Life of Huda Shaarawi, Egypt's First Feminist*. London: I. B. Tauris, 2014.

14 «Аль-Мукаттам» – ежедневная общественно-политическая газета, которая выходила в Каире в 1889–1952 годах.

КЛУБ МОЛОДЫХ МУСУЛЬМАНОК И АХМАД МУХТАР БАЙХУМ¹⁵

Спустя некоторое время, в 1917 году, губернатор [вилаята Бейрут] пригласил нас на встречу, на которой сообщил, что подумывает заняться социальной работой в поддержку мусульманских девушек и хочет основать женский клуб, в котором они смогли бы регулярно встречаться. Предполагалось, что новая организация займется сугубо общественно значимыми вопросами: в ее стенах будут проходить встречи, посвященные литературе и искусству, а также иные подобные мероприятия. Членство в клубе будет предполагать статус основательниц и участниц.

У клуба были шесть основательниц: Амина аль-Хамзави, Ибтихадж Каддура¹⁶, Адиля Байхум аль-Джазаири¹⁷, Вадад Мехмесани, Вахида аль-Халиди и я. Мы принимали девушек из всех семей Бейрута. Организация расположилась в доме Бишары аль-Хури¹⁸, за Патриаршей школой. [...] Мы увлеченно взялись за дело: только-только расставив мебель, незамедлительно перешли к обсуждению многочисленных оргвопросов: кто будет преподавать желающим [литературный] арабский, кто будет учить французскому, кто возьмется за курсы игры на фортепьяно. Открытие клуба состоялось 23 июля 1917 года. Каждый месяц мы проводили встречи, на которых выступали то врач, то поэт, то какая-нибудь видная общественница. Порой затра-

- 15** Ахмад Мухтар Байхум (ок. 1878–1920) – ливанский предприниматель и общественный деятель, выходец из влиятельной семьи торговцев из Бейрута. Члены семейства заседали в муниципальном совете города с момента основания этого органа в ходе османских реформ XIX века, а отец Ахмада Мухтара, Хусейн, был депутатом первого османского парламента, созванного в 1877 году. Сам Ахмад Мухтар Байхум возглавлял муниципалитет Бейрута (был отстранен в 1915-м), являлся членом Бейрутского реформистского общества, входил в руководство Общества исламских благотворительных намерений («Аль-Макасид»). В 1918 году Байхум, как и Салим аль-Салам, отец Анбары Салам Халиди, поддержал создание независимого арабского государства в Леванте. См.: SCHULZE TANIELIAN M. *Feeding The City: The Beirut Municipality and the Politics of Food during World War I* // International Journal of Middle East Studies. 2014. № 46. P. 737–758; JOHNSON M. *Factional Politics in Lebanon: The Case of the Islamic Society of Benevolent Intentions (al-Maqāsīd) in Beirut* // Middle East Studies. 1978. Vol. 14. № 1. P. 56–75.
- 16** Ибтихадж Каддура (1893–1967) – ливанская феминистка, председательница Арабского женского союза в 1949–1957-м и 1962–1967 годах. На этом посту Каддура сменила египетскую феминистку Худу Шаарави.
- 17** Адиля Байхум аль-Джазаири (1900–1975) – ливанская и сирийская феминистка. Основала Сирийский женский союз, который возглавляла с 1927-го по 1967 год; требовала предоставить женщинам право голосовать и занимать политические посты. В январе 1945-го стала организатором крупнейшей протестной акции женщин, в ходе которой более пятисот активисток потребовали от Франции предоставить Ливану независимость. См.: MOUBAYED S. *Steel & Silk: Men and Women Who Shaped Syria, 1900–2000*. Seattle: Cune, 2006.
- 18** Бишара аль-Хури (1890–1964) – первый президент независимого Ливана, занимавший пост в 1943–1952 годах.

гивались социальные проблемы, а иногда трибуна предоставлялась богослову. На встречи приглашались и женщины, и мужчины; мы собирались в одном помещении, но садились по рознь – нас разделял проход.

Деятельность клуба сталкивалась с трудностями. Против него выдвигались оскорбительные обвинения – и это при том, что участницы неизменно носили хиджаб. Ходили нехорошие слухи о том, что якобы происходит в наших стенах; говорили, например, будто бы в клубе постоянно устраиваются танцы, где мужчины и женщины танцуют парами. На деле же клуб всегда работал как настоящий литературный и социальный салон: довольно скоро в Бейруте не осталось ни одного видного ученого, литератора или врача, которого мы не пригласили бы к себе. При клубе также открылась школа для детей из благородных семей, которые не могли получать обычное школьное образование из-за несчастий, связанных с войной. [...]

Поскольку клуб был основан в то время, когда еще шла [Первая мировая] война, мы принимали также турецких чиновников, военных и даже членов правящей династии. С заключением перемирия жизнь изменилась: к нам теперь приходили английский и французский военные коменданты, принц Фейсал, великий военачальник Рида-паша ар-Рикаби и другие деятели Арабского восстания¹⁹, недавно избавившие нас от бесконечного кровопролития. Нашими гостями также становились ученые и литераторы из арабского мира (и не только), которые посещали Бейрут.

К сожалению, вскоре после завершения войны наши средства иссякли. Дело в том, что в 1920 году скончался Ахмад Мухтар Байхум – наш главный покровитель, к которому мы обращались в трудную минуту и который всегда помогал нам преодолевать сложности. В журнале, выпуск которого мы приурочили к открытию клуба, он написал: «Вперед! Вперед! Не придавайте значения толкам людей недостойных!» Его смерть стала величайшим ударом для движения [за права] женщин. Она потрясла Бейрут и арабский мир: ведь этот человек скончался на пике политической и социальной деятельности – ему еще не исполнилось 42 лет. Знатнейшие семьи Бейрута организовали большую церемонию прощания, на которую пригласили поэтов и писателей. [...] Мне предложили выступить на этой церемонии от имени арабских девушек. Вместе с другими ораторами я, в хиджабе, сидела рядом с кафедрой, с которой произносились речи. Тем не менее каких только упреков мы

19 Речь идет о восстании против Османской империи, которое в 1916 году при поддержке Великобритании поднял шериф Мекки Хусейн. Позже повстанцы вступили в союз с националистическим движением «Аль-Фатат». Фейсал, сын Хусейна, пытался учредить в Леванте арабскую конституционную монархию, однако в 1920 году был изгнан из Дамаска французами; позже он стал королем Ирака.

ни наслушались от критиков, апеллирующих к религии и морали! Один из наших недругов в присутствии свидетелей осмелился даже заявить следующее: «Какой позор! Как только ее отец принимает то, что его дочь выступает перед толпой мужчин? [...] Клянусь Аллахом, мне хочется пристрелить эту женщину и избавиться от нее этот мир!» Злобные нападки настигали нас повсюду.

Вскоре после этих событий мы вынуждены были закрыть школу, а потом и сам клуб. Три года он жил в наших душах ростком, который мы поливали горечью и болью наших сердец; три года посвящали мы ему все свои надежды, мечты и усилия. Полагаю, это был первый женский клуб в арабских странах.

БОРЬБА ЗА ПРАВА ЖЕНЩИН

В 1920-е движение за права женщин оформилось в обособленное социальное явление, и в Ливане расцвели женские общества. Хотя, как я уже упоминала, некоторые из них появились еще в начале столетия, в новый период подобные организации распространились не только по всем городам, но и по многим деревням. Множились и их цели, хотя в основном они занимались благотворительностью. Довольно скоро их активистки пришли к выводу, что им нужно наладить контакты между собой, познакомиться и обмениваться мнениями на регулярной основе. Это вылилось в формирование Женского союза, в который вступили все женские общества Ливана; через несколько лет в нем насчитывалось около сотни таких коллективных членов. [...] Затем начинание трансформировалось в Арабский женский союз; на этот раз к организации присоединились женские группы из всех стран арабского мира, от [Атлантического] океана до [Персидского] залива. Таким образом, арабские женщины [в своем интеграционном порыве] опередили арабские государства, которые впоследствии, в 1945 году, основали Лигу арабских государств.

Первой председательницей Союза стала Худа Шаарави, основоположница феминистского движения в Египте; ее преемницами на этом посту стали Ибтихадж Каддура и Адиля Байхум аль-Джазаири. Союз регулярно проводил конференции в арабских столицах и принимал постановления, которые направлялись арабским правительствам. Усилиями женского активизма в практику вошло правило, согласно которому в брак можно было вступать, достигнув 16-летия, а женихов и невест обязали проходить медицинское обследование за год до свадьбы. Кроме того, условия развода в арабском мире удалось сделать

более выгодными для женщин. После решения этих вопросов наступил черед борьбы за избирательные права, и здесь дошло до того, что в некоторых арабских странах – например, Египте и Сирии – женщинам вскоре разрешили заседать в парламенте и даже работать в правительстве.

В 1920-е неожиданно наметился прогресс в вопросе о ношении хиджаба. В Бейруте вышла книга Назиры Зейн ад-Дин под названием «Раскрытие и покрытие» (1928), которая исследовала религиозные и прочие источники, касавшиеся этого обычая²⁰. Публикация стала сенсацией, спровоцировав ожесточенную общественную дискуссию – в основном среди людей пишущих. Большинство высказывавшихся чопорно требовали восстановить былую строгость в одеянии, награждая нас всеми мыслимыми эпитетами, описывающими аморальное поведение. Нападки особенно обострились после того, как я, насколько помню, тоже выступила с публичной лекцией – без хиджаба. Впрочем, все это противодействие уже не могло остановить движение вперед и изменить положение вещей.

Сначала обо всем этом лишь перешептывались. Но потом тему подхватили газеты и журналы, в которых высказывались представители обоих полов, ее стали обсуждать в салонах и клубах. Дошло до того, что некоторые журналы стали просить лидеров общественного мнения специально высказываться по упомянутым вопросам. Когда разразилась мировая война, участники дискуссии жестко разделились на два лагеря. Сторонники первого предлагали позволить женщинам не носить хиджаб и считали сокрытие женских лиц признаком национальной отсталости. Приверженцы второго лагеря со страхом предостерегали от подобного шага, считая хиджаб хранителем женственности и семьи. Некоторые наидостойнейшие авторы публично заявляли даже о том, что если женщина снимет хиджаб, то она незамедлительно прекратит выполнять свои супружеские обязанности и откажется от подчинения мужу. Подобные обсуждения в ту пору велись во всех арабских странах. [...]

ЖЕНСКИЕ КОНГРЕССЫ

История женских конгрессов [в арабском мире] начинается с Первой женской конференции, которая состоялась 18–20 ап-

20 Назира Зейн ад-Дин (1908–1976) – ливанская феминистка, принадлежала к конфессиональной общине друзов. Ее отец, работавший в османской судебной системе, обучил свою дочь исламскому богословию и исламскому праву, хотя формальное образование девушка получила в ливанских католических школах. Ее аргументация против обязательного ношения хиджаба и за равенство женщин и мужчин строилась на интерпретации Корана и исламских законов. См.: COOKE M. *Nazira Zeineddine: A Pioneer of Islamic Feminism*. Oxford: Oneworld, 2010.

реля 1928 года по инициативе Женского союза. На нее были приглашены делегации от всех женских обществ из всех концов Ливана и Сирии. По всеобщему признанию, такие съезды прекрасно способствовали просвещению и образованию. Каждой выступающей поручалось представить какую-то определенную тему; за презентацией следовали обсуждения и советы. Это происходило в спокойной и серьезной атмосфере, без отступлений в сторону, сумбура и сумятицы. Все, чего мы добивались, – это права для женщин, и на пути к нашей цели мы использовали разумные и эволюционные методы, не призывая к революции. Не ограничиваясь женской проблематикой, мы также обсуждали вопросы, связанные с общим развитием наших стран. Мы выясняли, как лучше воспитывать и обучать детей, как поддерживать отечественных производителей, как прививать любовь к арабскому языку и желание именно на нем выражать свои чувства и мысли вместо того, чтобы использовать иностранные заимствования²¹. [...]

Вторая конференция прошла в Бейруте в 1930 году; в ней снова участвовали делегации из всех арабских стран. [...] Женские конгрессы продолжались и позже. Так, в 1935-м прошел съезд в Каире, куда в качестве представительницы Египетского женского союза была приглашена уважаемая Худа Шаарави. Ее выступление было сосредоточено на палестинском вопросе. Конференция получила мощную поддержку со стороны как официальных, так и частных лиц. В 1958 году состоялся конгресс в Дамаске, на открытии которого выступил президент [сирийской] республики Шукри аль-Куватли. Таким образом, женские конференции стали привлекать внимание и правящих кругов, и широкой публики. Со временем арабские женские объединения стали получать приглашения на женские конгрессы, проводимые в иных регионах мира.

ПАЛЕСТИНА – МОЯ РОДИНА

17 августа 1929 года [мой муж] Ахмад²² приехал в Бейрут и без лишних церемоний сразу же пригласил меня в путешествие по Ливану – как мы и договаривались прежде. Спустя две недели мы вернулись в ливанскую столицу и стали готовиться к переезду в Палестину, предстоявшему нам через несколько дней.

21 Автор имеет в виду литературный арабский язык (араб. – *аль-фусха*, англ. – Modern Standard Arabic). В повседневной жизни арабы разговаривают не на нем, а на местных диалектах и различных смесях диалекта и литературного языка.

22 9 августа 1929 года Анбара Салам Халиди вышла замуж за палестинского просветителя Ахмада Самеха аль-Халиди (1896–1951), который был одним из пионеров современного арабского образования в Палестине. В частности, аль-Халиди возглавлял Арабский колледж в Иерусалиме, который готовил школьных учителей, а также переводил на арабский педагогическую литературу.

[По прибытии на место] первым делом мы направились в дом отца Ахмада, расположенный в Яффо, чтобы познакомиться с родственниками. Они приняли меня с теплотой и любовью, как если бы я родилась в их семье. Передо мной словно открылась дверь в будущее в новой для меня стране: оно обещало быть светлым и счастливым.

Вскоре я впервые ступила на землю Иерусалима; мы намеревались поселиться там на всю оставшуюся жизнь. Чистый иерусалимский воздух, красивые дома и ухоженные улицы города произвели на меня сильное впечатление. Все это разительно и к лучшему отличалось от того, к чему я привыкла в Бейруте – при всей моей любви и привязанности к родному городу. Конечно, временами я скучала по трем десятилетиям жизни, которые прошли там, но довольно быстро мне удалось найти дорогих друзей среди членов моей новой семьи и жителей Иерусалима – и всю тоску как рукой сняло. Иерусалимские женщины отличались острым умом, широкой культурой и горячими чувствами, оставаясь при этом весьма консервативными по своим взглядам и убеждениям. Умеренность и сдержанность, принятые в местном обществе, импонировали моему характеру, обуздывая мои революционные порывы, касавшиеся всех сфер жизни. Однако эта социальная уравновешенность палестинских женщин контрастировала с их страстными патристическими чувствами.

Я присутствовала на первой встрече [палестинских] женщин, посвященной национальному вопросу. Она проходила в октябре 1929 года и собрала делегации из всех палестинских городов. Председательствовала на мероприятии супруга [Мусы] Казима-паши аль-Хусейни²³. Эта женщина отличалась смелостью суждений, а также тем, что высказывала их без обиняков. Если она бралась критиковать кого-то, то говорила с крайней прямоотой и отбросив всякие любезности. Эта ее черта была хорошо известна, и горе тому, кто становился объектом ее критики. Среди прочего она славилась еще и тем, что не придавала особого значения изяществу своих нарядов, даже если шла на официальный прием: она будто бы не сомневалась, что ее достоинство и так всегда будет при ней – куда бы она ни направлялась. С первых моих дней в Иерусалиме я любила и уважала ее, а она отвечала мне заботой и поддержкой. Ее слово имело немалый вес для всех чиновников, от высших должностных лиц вроде [британского] Верховного комиссара до самого мелкого клерка: ее телефонного звонка было достаточно, чтобы решить любую проблему.

23 Муса Казим аль-Хусейни (1853–1934) – палестинский политик, выходец из влиятельной иерусалимской семьи, один из лидеров антиколониальной оппозиции в период британского мандата. В 1918–1920 годах возглавлял муниципалитет Иерусалима.

Собрание наше проходило в доме госпожи Тараб [Абд аль-Хади], супруги Ауни Абд аль-Хади²⁴. Она была одной из самых образованных и передовых дам Палестины. На той конференции выступили многие женщины. Мне тоже было предложено выступить с речью; так я впервые приняла участие в делах своей новой родины. Наша встреча отличалась полнейшим единодушием, с которым принимались решения; поразительной открытостью, с которой проходили выборы в верховный комитет палестинских женщин, а также горячей солидарностью с мужчинами в их патриотической политике. Сама я отказалась от членства в комитете, поскольку находилась в стране совсем недолго и еще не освоилась в полной мере; кроме того, [нашу] семью там уже представляла моя золовка и подруга Вахида аль-Халиди, которую избрали заместительницей председательницы.

Участницы конференции решили выйти на протестный марш; было решено, что его целью станет резиденция британского Верховного комиссара, которому мы вручим меморандум, принятый на нашем форуме. В документе говорилось о наших опасениях по поводу нарастающей еврейской иммиграции [в Палестину], о пристрастном отношении мандатных властей к сионизму, о пренебрежении правами арабов на их собственной земле, о других подобных вещах. Водрузив над колонной несколько транспарантов, объяснявших цели манифестации, мы прошли по улицам города. Пять наших делегатов отправились на встречу с комиссаром; чиновник принял их со всем радушием. [...] После этого события избранному нами комитету было поручено координировать усилия с исполнительным комитетом, который ранее был сформирован мужчинами-националистами. Власти признали новый орган; он стал называться Исполнительным комитетом арабских женщин. Структура приступила к работе, которая выражалась в многочисленных начинаниях: ею заявлялись протесты, защищались права, организовывались демонстрации. [...] Мы также официально решили – и подкрепили свое решение великой клятвой – полностью бойкотировать еврейские магазины.

ОТЪЕЗД

Когда беспорядки усилились, на нас постоянно стали нападать евреи, а на улицах появились блокпосты английской армии. На-

24 Тараб Абд аль-Хади (1910–1976) – палестинская феминистка-мусульманка, одна из основательниц Палестинского арабского женского союза. После арабо-израильской войны 1948–1949 годов и основания Государства Израиль Тараб Абд аль-Хади уехала в Каир, где и скончалась в изгнании. Ее супруг Ауни Абд аль-Хади (1889–1970) – палестинский политик, выпускник Сорбонны, один из основателей националистической организации «Аль-Фатат» и палестинской Арабской партии независимости, учрежденной в 1932 году. В годы британского правления был одним из лидеров движения за независимость.

пряженность между нами и нашими соседями из сельскохозяйственного института для еврейских девушек, который возглавляла госпожа Бен Цви²⁵ – ее супруг позже стал президентом Израиля, – достигло крайней точки. От института нас отделяла лишь проволочная ограда. Каждую ночь его охранники стреляли по нам, а наши охранники отвечали им тем же. Нормально спать было невозможно, наши дети, которым приходилось добираться до школ в бронированных автомобилях, жили в постоянном страхе. Возвращаясь после учебы, они с ужасом рассказывали о происшествиях, которые видели по пути.

Перестрелки между еврейскими поселениями и арабскими деревнями, расположенными неподалеку от нашего жилища при Арабском колледже, не прекращались ни днем ни ночью. Начались взаимные убийства: если убивали еврейского врача, не успевали пройти несколько дней или даже часов, как убивали врача-араба; если нападали на профессора с одной стороны, то вскоре стреляли в профессора, принадлежащего к другой стороне. Когда по неотложной причине требовалось выйти из дома, мы покидали его и возвращались ползком через сад, опасаясь обстрелов со стороны наших соседей. [...]

Вскоре стало понятно, что у нас нет иного выхода, кроме отъезда – временного, как мы тогда полагали. Когда мы решились на это и пришла пора уезжать, сердца наши сжались, а нервы были на пределе. Как только машина, которой предстояло вывезти нас в Бейрут, подъехала к воротам, глаза мои наполнились слезами. Я принялась ходить по комнатам, кухне, саду, словно обещая своему дому вернуться в самом скором будущем.

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко

АНБАРА САЛАМ ХАЛИДИ
МЕЖДУ ЛИВАНОМ
И ПАЛЕСТИНОЙ...

25 Имеется в виду Рахель Янаит Бен Цви (1886–1979), супруга второго президента Израиля Ицхака Бен Цви (1884–1963), исполнявшего свои обязанности в 1952–1963 годах.

БОРИС
СОКОЛОВ

Николай Тихонов: военная биография, превращенная в фаустиану

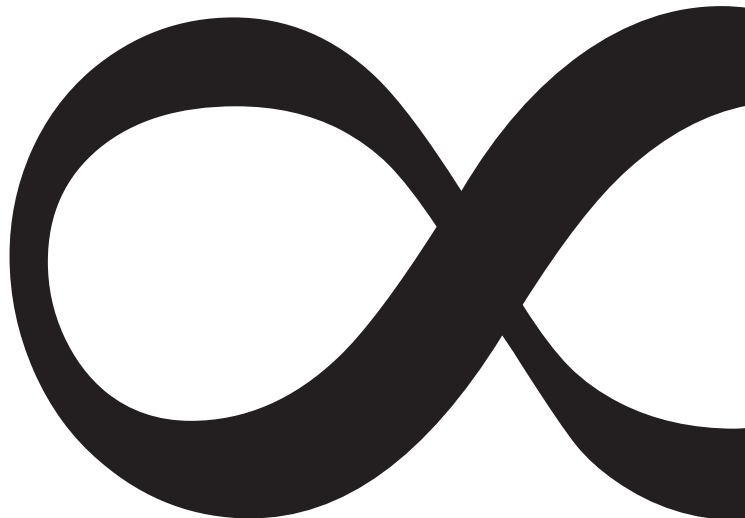

Борис Вадимович Соколов (р. 1957) – историк, филолог, член ассоциации ПЭН-Москва.

В статье «Соцреалист по стане белых воинов?», опубликованной в 2022 году в «Неприкосновенном запасе»¹, я остановился на биографии классика советской литературы Николая Тихонова, выдвинув предположение, что часть гражданской войны он провел в рядах белых. С тех пор мне удалось обнаружить журналы боевых действий 20-го драгунского Финляндского полка, в котором Тихонов служил в 1917 году, а также 10-го Сибирского стрелкового полка, разоружение которого финляндскими драгунами стало основой сюжета написанной почти в то же самое время тихоновской повести «Старатели». Эти документы помогли пролить дополнительный свет на биографию Тихонова в годы Первой мировой войны, а также по-новому увидеть, как в «Старателях» и рассказе «Чудо» реальные участники войны и революции становятся литературными героями произведений, которые можно отнести к категории «фаустианские». Нижеследующий текст не претендует на концептуальный литературоведческий

1 Соколов Б. *Соцреалист во стане белых воинов?* // *Неприкосновенный запас*. 2022. № 5(145). С. 30–66. В настоящей статье – для связности повествования – мы вынуждены повторить некоторые факты и рассуждения из публикации 2022 года, но исключительно кратко и выборочно. В каком-то смысле данный текст есть развернутое дополнение к той статье.

CASE
STUDY 2

охват; скорее он представляет собой подробный комментарий историка к дальнейшей филологической рефлексии.

14 августа 1917 года в журнале военных действий 20-го драгунского Финляндского полка было записано:

«Получен приказ: полку с рассветом 15-го выступить в распоряжение начальника 3-й Сибирской стрелковой дивизии для расформирования 10-го Сибирского стрелкового полка. К вечеру № 3 и № 4 эскадроны заменены на побережье эскадронами полка О.К.Ш».

15 августа в журнале описано, как этот приказ был исполнен:

«3 эскадрона вошли в состав отряда командира полка полковника князя Гагарина (учебные команды 9 и 12 полков, батарея О.А.Д., 2 броневых автомобиля и 3 эскадрона). В 6 час. у Кирже с. Киш сосредоточены 2 учебные команды и № 1 эскадрон.

В 6 1/2 часа № 2 эскадрон с броневиком у перекрестка дорог юго-западнее Каупнека. В 6 1/2 час № 4 эскадрон у местечка Тренч.

В 7 час. отрядом охвачено расположение № 1 и № 3 батальонов в местечке Каупенек. Батальоны расформированы. К 9 час. 30 м. расформирование закончено, зачинщики, № 3 эскадрон в распоряжение полковника Зевакина расформируются 2 батальон того же полка.

От № 4 эскадрона взвод охраняет арестованных 150 солдат для отправления в гор. Ригу к этапному коменданту, № 4 эскадрон сопровождает арестованных в гор. Ригу, полк в 12 час. 50 мин. возвратился в местечко Майорингоф»².

20 августа, когда полк по полученному 19 августа приказу перемещался из Майорингофа в мызу Линденруэ вблизи Торенсберга:

«[Около 10 час. 30 мин.] мимо полка прошло несколько партий пехотинцев 109 дивизии, бросившие винтовки, часть и без сапог. Некоторые заявляли: “Слава Богу, уходим домой”. Усилиями офицеров и драгун некоторых удалось погнать обратно в окопы»³.

А вот как события, связанные с расформированием, отразились в журнале военных действий 10-го Сибирского стрелкового полка:

«14 августа состоялось собрание полкового и ротных комитетов, на котором обсуждалось требование товарища Минца: “К 4 ч. 15 августа 18 требуемых лиц должны быть в штабе дивизии, в противном случае последует расформирование”. После долгих и горячих прений была вынесена рекомендация “принятия” 13 голосами при 3-х воздержавшихся и 7-ми против, о высылке требуемых лиц.

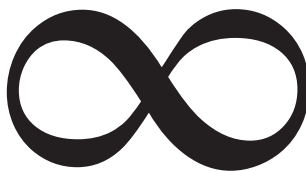
2 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3572 (20-й драгунский Финляндский полк). Оп. 1. Д. 408. Л. 10–11.

3 Там же. Л. 13.

БОРИС СОКОЛОВ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ:

ВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ...

15 августа. К назначенному часу (4 ч.) требуемые комиссаром 18 человек не были доставлены в штаб дивизии. К 7 часам полк уже был оцеплен кавалерийскими полками, на дороге стояли бронированные автомобили – приняты были все меры для расформирования полка. Вид броневиков и кавалеристов заставил полковой комитет исключить высылаемых людей. Многие отправились добровольно. 8 рота отказалась выдать главного дезорганизатора Пушкаренко. Не выдала и после категорического приказа товарища Минца. После этого тов. Минц приказал 8 роте выдать оружие, и они, как и арестованные 18 человек, были под сильным конвоем отправлены в Ригу.

Во время следования кавалеристов через расположение полка они подверглись всевозможным оскорблениям со стороны пехотных солдат, не сочувствующих аресту 8 роты и 18 человек.

С вечера роты отправились на работу⁴.

В повести «Старатели» совпадают с реальностью и состав карательного отряда, и порядок его действий, и реакция разоружаемых солдат: три эскадрона финляндских драгун, броневые автомобили, артиллерийский дивизион, пехота из учебных команд. Вот только в повести расформируют *батальон*, тогда как в реальности был расформирован целый *полк*. Отступление от истины понадобилось, чтобы ввести эпизод с поездкой генерала Растягина к своим солдатам, в результате которой два батальона согласились занять оборонительные позиции. А причисление себя к гусарам, а не драгунам, о чем Тихонов неоднократно упоминал в автобиографиях, понадобилось, чтобы скрыть свое участие в усмирении взбунтовавшихся солдат-пехотинцев. Мирцев в повести – член полкового комитета 20-го драгунского полка. В автобиографии 1951 года Тихонов с гордостью отмечал, что на выборах полкового комитета семьсот гусарских сабель были подняты за него⁵. Но, по всей вероятности, на самом деле сабли были не гусарские, а драгунские.

Мирцев в повести служит в команде связи полка. Судя по тому, что он единственный из членов комитета является обладателем френча, его прототип Тихонов был офицером – начальником полковой команды связи. Обычно эту должность занимал офицер в чине прапорщика или подпоручика (корнета). Судя по повести, Мирцев в команде связи является единственным офицером. В поэме «Выра» автобиографический герой представляется комиссару Ракову телефонистом, что говорит о его принадлежности к команде связи⁶. Писать же об офицер-

4 РГВИА. Ф. 3344. Оп. 1. Д. 113. Л. 43–46.

5 Тихонов Н. С. *Автобиография* // Он же. *Избранные произведения: В 2 т.* М.; Л.: ГИХЛ, 1951. Т. 1. С. 10.

6 «Раков узнает того телефониста, / Ночного сочинителя, не нужного ему» (Он же. *Стихотворения и поэмы.* Л.: Советский писатель, 1981. С. 610).

стве автобиографического персонажа в созданной в СССР поэме было слишком рискованно.

Времени производства Тихонова в офицерский чин в документах найти не удалось. В журнале военных действий Финляндского полка 7 октября 1917 года записано: «Произведены в прапорщики подпрапорщики Шипуля, Тиханов и Семенов»⁷. В данном случае скорее всего речь идет не об описке составителя журнала, а о человеке с похожей фамилией. Тиханов – это белорусифицированная форма фамилии Тихонов. От нее также происходят белорусские фамилии Тиханович и Тихановский. Две фамилии спутать довольно трудно, поскольку у них ударение на разные слоги – Тихонов и Тиханов.

Один подпрапорщик с фамилией Тиханов точно участвовал в Первой мировой войне. Это был Яков Тиханов, из крестьян, родившийся 28 апреля 1891 года в деревне Лунгачевский остров Шахновской волости Ново-Ладожского уезда Петроградской губернии. Он был награжден «георгиями» всех четырех степеней, причем в наградных списках отмечено только его награждение Георгиевским крестом 1-й степени (№ 3078)⁸. В 1916 году он служил фельдфебелем в 1-м Финляндском стрелковом полку, но нельзя исключить, что в 1917-м он мог перевестись в 20-й драгунский Финляндский полк.

В списке офицеров 20-го драгунского полка за 1901–1917 годы, составленном его ветеранами для сборника воспоминаний «Финляндские драгуны», нет фамилии Тихонова, равно как и Тиханова⁹. Однако этот список явно неполный, по крайней мере за 1916–1917 годы. За 1917-й там нет не только Тиханова, но и произведенных вместе с ним в прапорщики Шипули и Семенова. В 1915-м в полку числятся двадцать новых офицеров (все – прапорщики и корнеты), в 1916-м – 14 (13 – прапорщики и корнеты), а в 1917-м – только 9 (8 – прапорщики и корнеты), хотя известно, что производство в офицеры было более частым в 1916 году и особенно в 1917-м по сравнению с 1915-м. Неполноте сведений можно объяснить тем, что, как мы увидим далее, почти все документы 20-го драгунского Финляндского полка по строевой части за 1916–1917 годы были утрачены в ходе отступления в феврале 1918-го.

Но то, что прапорщик Тихонов в 1917 году действительно служил в 20-м драгунском Финляндском полку, доказывается несколькими записями в полковом журнале военных действий

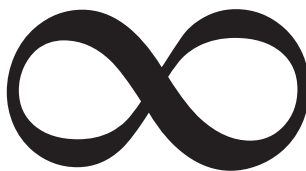
БОРИС СОКОЛОВ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ:
ВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ...

7 РГВИА. Ф. 3572. Оп. 1. Д. 409. Л. 75.

8 Российский государственный исторический архив. Ф. 496. Оп. 3. Ед. хр. 902. Л. 44.

9 *Состав офицеров 20-го драгунского Финляндского полка // Финляндские драгуны (Воспоминания)*. Сан-Франциско, 1959. С. 4–9. Приношу свою искреннюю благодарность американскому историку Ричарду Харрисону и библиотекарю Библиотеки Конгресса США Мэтью Янгу за подготовку и отправку сканов этой публикации.

(за период с 1 августа 1917-го по 20 апреля 1918-го). 28 октября 1917 года там записано:

«В 23 ч. отдано приказание командиру № 2 эскадрона о том, что ввиду предполагаемого прибытия латышских стрелков по железной дороге командующий войсками¹⁰ приказал эскадрону быть в полной боевой готовности. Выставить на ст. Валк пост из 3-х драгун, которым приказать находиться в телефонной комнате и сообщать немедленно о выходе из Вендена воинского поезда с латышами командиру полка и командующему войсками. Выслать с первым товарным поездом одного офицера и три драгуна в Вольмар и столько же в Юрьев, которым явиться, первому комкор, а второму коменданту станции. О движении латышских частей сообщать условной телеграммой на имя командующего войсками.

Офицерам и драгунам оставаться до получения приказаний.

Получено извещение, что к утру прибудет ударный батальон и что вся 17-я дивизия переходит в Валк. № 3 и № 4 эскадронам быть в полной готовности. Командиру № 1 эскадрона приказано в 23 ч. выслать немедленно разъезд в 3 чел. с офицером на ст. Стакельн. Для вида приказано искать фураж. В случае прибытия поезда с латышами офицеру дать шифрованную телеграмму на имя командующего войсками.

Эскадрону быть в полной боевой готовности»¹¹.

Исполнение этого приказа фиксируется в записи от 4 ноября:

«4.XI. В 17 ч получено донесение от прапорщика Тихонова из Вольмара, что 300 вооруженных латышей сели в поезд и направляются в Валк»¹².

Это первое упоминание прапорщика Тихонова в сохранившихся документах полка. Поскольку задачей было как можно скорее передать по телефону или телеграфу информацию об отправке вооруженных латышей в Валк, в Вольмар скорее всего отправили начальника полковой команды связи. В более ранних журналах военных действий Финляндского полка фамилия Тихонова не встречается ни разу. Также ни разу не упоминается начальник полковой команды связи. Дело в том, что офицер, занимавший эту должность, основную часть времени находился при штабе полка и какой-то самостоятельной роли, которая могла быть отмечена в журнале, как правило, не играл. Только в кризисные дни осени 1917 года, в связи с растущим разложением армии, когда этот процесс коснулся и ранее устойчивых кавалерийских частей, а особенно после захвата

10 Новый начдив, генерал-майор князь Николай Меликов (1867–1924), в 1915–1917 годах командовавший 20-м драгунским Финляндским полком, вступил в командование 17-й кавалерийской дивизии 16 октября, также стал начальником гарнизона Валка, а 27 октября – командующим войсками Валкского района.

11 РГВИА. Ф. 3344. Оп. 1. Д. 113. Л. 84–87.

12 РГВИА. Ф. 3572. Оп. 1. Д. 409. Л. 92.

власти большевиками, журнал стал вестись более подробно, с указанием командировок офицеров. Возможно, это было связано с тем, что гораздо менее аккуратно стали вестись документы по строевой части и часть соответствующей информации стали заносить в журнал.

Судя по всему, в первые дни после взятия Зимнего командование 17-й кавалерийской дивизии при поддержке оборончески настроенных полковых и дивизионных комитетов вынашивало планы похода на Петроград. Однако от них очень быстро отказались как из-за негативного отношения к этому проекту командования 12-й армии и Северного фронта, так и, главным образом, из-за стремительной большевизации войсковых комитетов и солдатских масс – и нежелания основной массы солдат даже прежде стойких кавалерийских частей воевать. 31 октября начальник штаба верховного главнокомандующего, генерал-лейтенант Николай Духонин, телеграфировал Александру Керенскому:

«Поведение латышей явно выражает стремление антигосударственного характера, причем мы имеем дело не только с бригадами, предпринявшими самовольные шаги, но и со всем населением края, враждебно настроенным к русским солдатам. По свидетельству командарма 12-й, положение катастрофическое. При наличии этой обстановки не представилось возможным выделить из армии 17-ю кавалерийскую дивизию и броневой дивизион для отправки в Гатчино»¹³.

«Латыши» – это вставшие на сторону большевиков латышские бригады, которые собирались сменить комитет и командование 20-го драгунского Финляндского полка в Валке, о выдвигании которых Тихонов вовремя успел сообщить. 5 ноября 6-й латышский полк без боя занял Валк, где также находились штаб 12-й армии и Искосол (Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов 12-й армии). Командование и комитет Финляндского полка остались прежними, но они больше не находились в открытой оппозиции к большевикам.

Если судить по «Старателям», то автобиографический герой повести был офицером еще до февральской революции, поскольку в полковом комитете, избранном вскоре после февраля, он единственный офицер и, следовательно, избирался от офицеров. Верховный главнокомандующий, генерал Михаил Алексеев, уже 11 марта 1917 года в телеграмме главнокомандующим фронтами предложил «стать на путь компромиссов» ради «сохранения в армии дисциплины, порядка, подчинения начальникам» и ввести офицеров в состав (созданных явочным порядком) войсковых комитетов – для сближения с сол-

БОРИС СОКОЛОВ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ:
ВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ...

13 *Разложение армии в 1917 году* / Сост. Н.Е. Какурин. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 163–164.

датскими массами, чтобы «взять ход событий в свои руки»¹⁴. Как правило, в состав комитетов избирались младшие офицеры в чине прапорщика, подпоручика (корнета) или поручика. Можно предположить, что Тихонов был произведен в прапорщички или в начале 1917-го, или еще в 1916 году. Возможно, он был выпущен прапорщиком из школы прапорщиков – или после ускоренного 8-месячного курса Николаевской, Тверской или Елисаветградской кавалерийских школ. Но пока не удалось найти каких-либо документов, подтверждающих службу Тихонова в полку Офицерской кавалерийской школы. Не исключено, что после школы прапорщиков или училища он служил в этом полку, а в конце 1916-го или в начале 1917 года был переведен в 20-й драгунский Финляндский полк. Но вполне вероятно также, что Тихонов всегда был в 20-м драгунском Финляндском полку, а в полку Офицерской кавалерийской школы никогда не служил, но писал обратное в автобиографиях для того, чтобы замаскировать свою службу в 20-м драгунском Финляндском полку, в рядах которого ему пришлось подавлять бунт сибирских стрелков.

Вот дальнейшие события, связанные с жизнью Тихонова и отраженные в журнале военных действий Финляндского полка. 9 ноября 1917 года там было отмечено: «Командированы в стрелковый полк корнет Романовский и прапорщик Тихонов»¹⁵. 5 декабря по Финляндскому полку было «отдано приказание о снятии погон и внешних знаков различия»¹⁶. 18 декабря Тихонов был выбран командиром 3-го эскадрона финляндских драгун¹⁷. 1 января 1918 года он вместе с другими выборными должностными лицами был утвержден полковым и дивизионным комитетом и объявлен в приказе¹⁸. Тихонов, очевидно, перестал быть членом полкового комитета, поскольку был выбран командиром эскадрона. А 14 января 1918 года в полку была «открыта запись в социалистическую красную армию»¹⁹. 14 февраля уже нового стиля был выработан план демобилизации полка, которая должна была закончиться после его передислокации в Новгород. Переход предполагалось начать не позднее 23 (10) февраля, при этом не подлежали роспуску те, кто был призван в 1914–1918 годах, «до полного формирования социалистической армии»²⁰. 20 (7) февраля появилась следующая запись:

14 *Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г.* / Под ред. Л.Я. САЕТА. М.: Наука, 1982. С. 30.

15 РГВИА. Ф. 3572. Оп. 1. Д. 409. Л. 94.

16 Там же. Л. 96.

17 Там же. Л. 98.

18 Там же. Л. 99.

19 Там же. Л. 100.

20 Там же. Л. 102.

«Ввиду обременения полка лошадьми на каждого всадника приходится по три лошади. Полковой к[омите]т, считая, что полк при таких условиях не может встретить немцев с оружием в руках, постановил полку отходить на Верро, Псков, Новгород, где полку давно уже назначена стоянка и отведены квартиры».

Отступление началось 22 февраля 1918 года. В журнальной записи от 24 февраля отмечалось:

«3-й эскадрон, проходивший утром через г. Верро, был обстрелян прибывшим туда неприятельским разъездом и присоединившимися к нему белогвардейцами, во время перестрелки убит командир эскадрона, тов. Тихонов. Стрелковой частью канцелярии уничтожены все дела за 1917 г. и часть за 1916–1918 гг. ввиду невозможности вывезти вследствие перегруженности возов и сильного утомления лошадей»²¹.

Таким образом, в феврале 1918 года сослуживцы считали «товарища Тихонова» погибшим. Сейчас нам хорошо известно, что он не погиб, а прожил еще более 60 лет. Тогда, в хаосе беспорядочного отступления, его вполне могли ошибочно посчитать погибшим. А вот что случилось с ним 24 февраля и в последующие недели, точно сказать нельзя. Маловероятно, что он попал в плен, так как уже в конце марта 1918 года смог опубликовать в «Ниве» свое первое стихотворение. Из плена это было бы сделать весьма затруднительно. Если Николай Тихонов и побывал в германском плену, то очень короткое время, всего несколько дней, после чего бежал. При желании бежать из германского плена в тот момент было несложно из-за крайней малочисленности передовых частей наступавших германских войск, которые не могли эффективно охранять большое число захваченных русских пленных. Но скорее всего Тихонов в плену не был, а отстав от своего полка, примкнул к какой-то другой части, сохранявшей относительный порядок и желание драться с немцами. Таковой был отряд Особой важности (партизанский) имени атамана Пунина штаба Северного фронта под командованием Станислава Булак-Балаховича, реально оказывавший сопротивление немцам, в отличие от подавляющего большинства частей Северного фронта. На его базе был сформирован Лужский партизанский (1-й конный) полк Красной армии, в котором служил Тихонов.

Вероятно, в дальнейшем Тихонов от кого-то из сослуживцев узнал, что его считали погибшим и что основная часть бумаг полка была уничтожена при отступлении. Это обстоятельство должно было помочь ему скрыть при необходимости тот факт, что он был офицером. Даже если чекисты каким-то чу-

21 Там же. Л. 112.

дом смогли бы установить, что Тихонов действительно служил в 20-м драгунском Финляндском полку, и нашли бы журнал боевых действий с упоминанием прапорщика Тихонова, поэт всегда мог бы сказать, что это был другой Тихонов, который погиб в феврале 1918 года. На всякий случай Тихонов путал следы, утверждая, что служил гусаром, а не драгуном – и никогда не переиздавал опубликованные в 1918 году в «Ниве» рассказы «Чудо» и повести «Старатели» из-за их крайне антисоветского и антибольшевистского содержания. Вообще удивительно, как эти тексты пропустила цензура; возможно, именно публикация тихоновской прозы стала одной из причин закрытия журнала «Нива» властями в сентябре 1918-го.

«Чудо» и «Старатели» – один из ранних примеров (а возможно, и самый ранний) фаустианы на тему революции 1917 года. Отец Тихонова, по словам сына, «строгий, суровый человек», который «любил порядок»²², является главным героем рассказа «Чудо». Но там Семен Иванович Клокачев не предприниматель, а чиновник. Тихонов, вероятно, хотел вписать отца в категорию безвинно страдающего «маленького человека» русской литературы, чиновника – от гоголевского Акакия Акакиевича до героев Достоевского и Чехова. Нельзя исключить, что в действительности отец Тихонова все же имел классный чин, будучи награжден им за благотворительность. Однако для подобной благотворительности торговое дело Тихонова-старшего должно было иметь значительный оборот. Впрочем, нельзя исключить, что у Семена Сергеевича Тихонова были и другие активы, кроме магазина париков. И наверняка для изготовления париков он нанимал работников или работниц.

Можно не сомневаться, что к моменту написания рассказа «Чудо», опубликованного 25 мая 1918 года, Семен Тихонов уже умер. В автобиографии 1926 года Тихонов сообщал, что его отец в 1918-м скончался от голода²³. Однако рассказ был написан не позднее начала мая 1918-го, а судя по тексту рассказа, Семен Клокачев стал жертвой толпы, прежде всего революционных матросов и солдат, в январе или феврале 1918 года, вскоре после захвата власти большевиками. Скорее всего в «Чуде» Тихонов изложил обстоятельство смерти отца близко к действительности.

В рассказе самосуд над Семеном Ивановичем Клокачевым, новым Фаустом, происходит по наущению нового Мефистофеля – смуглого человека с черной эспаньолкой. Но Бог перед смертью награждает Клокачева, так и не продавшего душу дьяволу, чудом: он видит неземной свет – смеющееся солнце:

22 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2005. С. 484.

23 «К своему ужасу он почувствовал, как чья-то рука осторожно кладет в его карман какую-то вещь. [...] Рука вернулась обратно в толпу, а в кармане у себя он нащупал чужой, украденный кошелек. И ему стало страшно и стыдно, будто он сам украл» (Там же. С. 54).

«И, когда он в последний раз ужасным напряжением раскрыл глаза, он не увидел уже ни моста, ни толпы, ни матроса с револьвером – ничего, кроме неровного куска белого, белого неба... и на этом клочке неба он увидал чудо... то чудо, какого он не видал всю жизнь: солнце смеялось; широким и громким смехом смеялось холодное, круглое солнце... И его веки бессильно, но благодарно опустились»²⁴.

Судя по всему, Михаил Булгаков внимательно читал «Чудо», когда создавал свою фаустиану – «Мастера и Маргариту». У Тихонова главный герой – человек безгрешный, но не творческий, что в рассказе всячески подчеркивается, – награжден светом. У Булгакова Мастер – творческий гений, хотя и грешный, и он награжден, – но не светом, а покоем. Эпизод же с чужим кошельком, который черт не понятно как подбросил в карман Клокачева²⁵, отразился в том эпизоде «Мастера и Маргариты», где Коровьев дает взятку управдому Никанору Ивановичу Босому увесистой пачкой рублей, которые потом чудесным образом превращаются в доллары, причем «пачка сама вползла к нему в портфель»²⁶. Повесть Тихонова «Старатели» также была наверняка известна Булгакову – оттуда он позаимствовал фамилию Мирцев, которая вплоть до 1938 года рассматривалась в качестве варианта фамилии того персонажа, который в окончательном тексте «Мастера и Маргариты» стал Михаилом Александровичем Берлиозом.

В «Старателях» новым Мефистофелем становится «товарищ Зейман» – председатель полкового комитета драгунского Финляндского полка, по всей видимости, унтер-офицер. С его мысли об оперном Мефистофеле и начинается повесть. «Зейман» (от голландского *Zee-man* – морской человек, мореплаватель) – это самоназвание кадетов и гардемарин Морского кадетского корпуса, выпускники которого именовали себя так всю последующую жизнь. Можно было бы предположить, что Тихонов учился в Морском кадетском корпусе, но туда принимали только потомственных дворян или детей служащих Морского ведомства. Ни тем и ни другим Тихонов не был. А вот на открывшиеся в Петербурге осенью 1913-го Временные курсы юнкеров флота, преобразованные 1 июня 1914 года в Отдельные гардемаринские классы, где не было столь строгих сословных ограничений, он поступить мог²⁷. После начала Первой мировой войны Тихонов мог уйти вольноопределяющимся на фронт и попасть в полк Офицерской кавалерийской школы, который из-за парадной гусарской формы неофициально назы-

24 Он же. *Чудо. Рассказ* // Нива. 1918. № 21. 25 (12) мая. С. 335.

25 Там же. С. 334.

26 Булгаков М.А. *«Мой бедный, бедный мастер...»: полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита»* / Сост. и подготовка текста В.И. Лосева. М.: Вагриус, 2006. С. 715.

27 Подсказано историком Андреем Анатольевичем Смирновым, которому приношу искреннюю благодарность.

вали гусарским (о нем см. выше), или сразу же начать службу в 20-м драгунском Финляндском полку.

Окружающие считают Зеймана немцем. Его знание немецкого языка подчеркивается тем фактом, что у него в альбоме стихи на «местном языке», то есть на немецком, на котором говорило и издавало прессу (например широко известную по всей Российской империи «*Rigasche Rundschau*»; в 1915–1917 годах ее пришлось издавать на русском языке) немецкое население Риги. А связь с Мефистофелем подчеркивается внутренним монологом Зеймана, с которого начинается повесть:

«Когда артист играет Мефистофеля, он должен иметь черный плащ, рога и дьявольский хохот, когда священник служит обедню, он должен иметь ризу и важную сосредоточенность в жестах и выражении лица, но, когда председателю полкового комитета, да еще кавалерийского полка, нужно ехать на важное заседание, он трижды обязан иметь френч, хотя бы и с чужого плеча»²⁸.

Зейман уподоблен Мефистофелю, а френч, который он хочет раздобыть во что бы то ни стало, чтобы походить на Керенского, – аналог черного плаща Мефистофеля, с которым ассоциируется и глава Временного правительства.

В «Старателях» Зейман оказывает разрушительное действие на окружающих, разлагает армейскую дисциплину и чуть было не овладевает душой нового Фауста – генерала Растягина:

«И нет границ миру, как нет конца власти Господина мира, и сладко погрузиться в прошедшее, и не страшно будущее... Вот эти поля, леса, облака, дороги – они вернулись к нему... И многое еще вернется – так всегда бывает перед концом... Он не чувствовал так, как сегодня, долгие-долгие годы, а теперь почувствовал близко и беззлобно, точно едет он домой, на хороший, дружный праздник, и ничего не может с ним случиться худого, потому что кто-то, Мудрый, и Чувствующий, и Взвешивающий все, простил ему прежнюю грешную, тяжелую и горькую жизнь, и оттого таким легким стало тело и так горячо сердце, точно молодая кровь вновь брызнула в него, и не нужно глядеть по сторонам и пугаться, и думать – а закрыть глаза, успокоиться и ждать, ждать, ждать... и сквозь закрытые веки чувствовать, как летят поля, леса, мосты, повороты»²⁹.

Только случайность высвобождает Растягина из-под действия чар Зеймана, и новый Фауст, спасая свою душу, кончает с собой – что у Гёте и собирался сделать Фауст перед появлением Мефистофеля. Мирцев же ассоциируется с Валентином. Он единственный из действующих лиц в повести назван не только по фамилии, но и по имени: «Не давай ему, Валька, френча»³⁰.

28 Тихонов Н.С. *Старатели. Повесть недавних дней* // Нива. 1918. № 22. 1 июня (19 мая). С. 348.

29 Там же. № 24. 15 (2) июня. С. 383.

30 Там же. № 22. 1 июня (19 мая). С. 348.

Именно то, что Зейман-Мефистофель заполучил френч – аналог черного плаща, – ведет к несчастью: карательной экспедиции, которая лишь способствует дальнейшему разложению армии. Только ее реальное время – середина (по новому стилю, конец) августа было перенесено писателем на вторую половину июля, чтобы оно попало на время июльской жары. Ведь жара – это один из традиционных признаков присутствия нечистой силы. Соответственно, на конец июля Тихонов сдвинул начало германского наступления на Ригу. В действительности оно началось 19 августа (1 сентября) 1917 года, а разоружение 10-го Сибирского стрелкового полка, в котором участвовали финляндские драгуны, – 28 (15) августа.

Любопытно, что именно на Валентина обращает внимание лирический герой Тихонова в стихотворении «В опере в Риге» (1917):

Надрываясь от страсти нездешней
Посреди обливных куртин,
В этом бархатном мире безгрешном
Меч картонный вертел Валентин³¹.

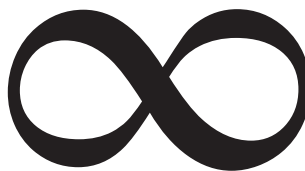
Но поскольку Растягин-Фауст у Тихонова гибнет, то Валентин-Мирцев остается в живых в грешном мире.

Вероятный прототип Зеймана-Мефистофеля – председатель полкового комитета 20-го драгунского Финляндского полка. В журнале военных действий полка (за период с 16 августа 1917 года по 21 апреля 1918 года) в записи от 11 апреля 1918 года в составе ликвидационной комиссии были упомянуты: председатель полкового комитета Олефер, товарищ председателя Томсон, секретарь комитета Перепелкин, командир полка Гагарин и комиссар полка А. Блюм, помощник командира полка по хозяйственной части Фохт и полковой адъютант Федоров³². Федоров – возможный прототип депутата Искосола Шестова в «Старателях». Олефер же скорее всего был председателем полкового комитета и в августе 1917 года, когда происходило расформирование 10-го Сибирского стрелкового полка. Замечу, что фамилия Олефер, как и фамилия Зейман, может восприниматься как немецкая, хотя в действительности она украинская. Олефер (более распространенный вариант Олефир) – это просторечное сокращение от греческого имени Елевферий. Фамилия Олефер (Олефир) распространена среди украинцев, а также среди поляков – выходцев с Украины. Прототипом Зеймана также мог быть комиссар 20-го драгунского Финляндского полка, носивший немецкую фамилию Блюм.

Новый Фауст, генерал-майор Растягин, имеет два вероятных прототипа. Первый и основной – это генерал-майор Евгений

31 Он же. *Стихотворения и поэмы*. С. 81.

32 РГВИА. Ф. 3572. Оп. 1. Д. 409. Л. 118.

Карцов (1861–1917), который командовал сражавшейся под Ригой 4-й Сибирской стрелковой дивизией с 11 ноября 1915 года и вплоть до своей гибели 24 апреля 1917-го. 15 августа 1916-го он был удостоен ордена св. Георгия 4-й степени со следующим представлением:

«Со 2-го по 7-е сентября 1915 года, когда немцы, прорвав расположение наших войск, подошли к Молодечно – важному железнодорожному узлу – и уже обстреливали его артиллерийским и ружейным огнем, генерал-майор Карцов, приняв командование всеми частями, подходившими к Молодечно, быстро выработал план обороны, и, благодаря своевременным принятым мерам, отбил все атаки противника, и, перейдя в наступление, обеспечил прочное удержание за собой важного железнодорожного узла – ст. Молодечно»³³.

Согласно распространенной версии, Карцов погиб в июне 1917 года недалеко от Олайне. В мемуарах бывшего командующего 1-й Латышской стрелковой бригады Карла Гоппера утверждается, что «его труп с простреленной головой был найден у железнодорожной насыпи в 100 шагах от штаба дивизии; убийцы найдены не были»³⁴. Вероятно, Тихонов следовал именно этой версии – только заставил своего героя застрелиться самому. В действительности Карцов погиб не в июне, а в апреле и не от пули, а от холодного оружия. Вот как были описаны обстоятельства его смерти в телеграмме-рапорте командира 2-го Сибирского армейского корпуса, генерал-лейтенанта Николая Триковского:

«Военному Министру, Верховному Главнокомандующему, Главкосев и Командарм 12.

В 2 часа 24 апреля командующий 4-й Сибирской стрелковой дивизией, генерал-майор Карцов, был найден чинами комендантской роты дивизии тяжело израненным на болоте в районе Олайского лесничества и школы и по доставлении в приданный дивизии санитарный отряд скончался. Оказалось, что в 23 часа 40 минут генерал-майор Карцов пошел провожать посетивших его помощника начальника 17-го передового отряда Красного Креста и женщину зубного врача и возвращался один обратно по полотну железной дороги. Около 24 часов 30 минут подвергся нападению неизвестных злоумышленников, затащивших его в болото, где ему и нанесены были многочисленные смертельные раны – очевидно, финским ножом. Следствие производится: предполагается убийство с целью грабежа. В районе Олайского лесничества расположено очень много разных учреждений, как то: дружин рабочих, железнодорожных частей, санитарных учреждений и т.п. Подозревать организованное убийство по политическим побуждениям нет пока никаких

33 Карцов Евгений Петрович (www.ria1914.info/index.php/Карцов_Евгений_Петрович).

34 GOPPERS K. *No atmiņu vāceles* // *Latviešu strālnieks*. 1938. № 17. L. 8 (цит. по: Карцов Евгений Петрович).

оснований, тем более, что убийство генерала Карцова совершено во время случайной его прогулки. Во временное командование дивизией и боевым участком вступил начальник штаба дивизии, генерал-майор Соколов. Комкор 2 Сиб. Триковский».

БОРИС СОКОЛОВ
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ:
ВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ...

Генерал-майор Карцов был похоронен в Киеве 5 мая 1917 года, посмертно ему было присвоено звание генерал-лейтенанта³⁵.

Второй вероятный прототип Растягина – это генерал-майор Василий Круглевский (1866–1919?), командовавший 3-й Сибирской стрелковой дивизией с 6 апреля 1917-го и вплоть до ее расформирования в начале 1918 года. В составе этой дивизии находился 10-й Сибирский стрелковый полк. Судьба Круглевского после октябрьской революции до конца не прояснена. По одной из версий, он был расстрелян большевиками в 1919 году. В феврале 1915-го Круглевский получил тяжелое ранение в перестрелке с немцами и потерял левую руку. 30 января 1915-го он был удостоен ордена св. Георгия 4-й степени. Судя по всему, Василий Круглевский, как и тихоновский Растягин, был храбрым командиром и нередко находился вместе с солдатами на передовой. Растягин в повести – смелый и талантливый генерал:

«Человек, суровый, прямой, называвший вещи своими именами, не боявшийся смерти, строгий до ужаса к подчиненным, – натура, переносившая легко и морозы и жары, три раза контузии и рану в плечо от шрапнельной пули, он втянулся и стал тем боевым генералом, который всегда едет быстро-быстро на замызганном, низком, вскоченном жеребчике в сопровождении высокого адъютанта, обязательно высокого, в противоположность генеральской маленькой фигурке, доезжает до второй линии окопов, слезает с лошади, кряхтя и отплевываясь, и идет в окоп, по колено в грязи, по дороге здороваясь со своими “внучатами”, “ребятками”, “орлами”, как он зовет стрелков, и скуластые лица темнеют благодарной ретивостью, и сквозь здоровые белые зубы сибирских молодцов звучит как-то нагло и громко, громче, чем требует приличие: “здравия желаем”»³⁶.

После прихода Зеймана Растягин заболевает:

«Растягин был бледен, пот струился по его лбу, глаза лихорадочно блестели. “Иван Николаевич, я пойду... извини... Вы тут разбирайтесь одни, а я посижу там. Я пойду, что-то, что-то, знаешь – голова того”, – и он хотел улыбнуться, но жалко сгримасничал»³⁷.

Как и Фауст, Растягин одинок – его жена и сын давно умерли. После революции он, в отличие своего друга и ровесника,

35 Там же.

36 Тихонов Н.С. *Старатели...* № 22. С. 349.

37 Там же. С. 436.

генерала Седлецкого, чувствует себя стариком, хотя ему только 54 года. Присутствие Зеймана делает состояние Растягина еще более болезненным, при том, что Растягин – единственный на совещании у Седлецкого, кто безуспешно выступает против разоружения солдат его дивизии: «Я был у них... и говорил с ними, и они, – голос его сделался еще тише, – и они согласны... Они пошли на позиции... Я сам, я сам видел, вот, господин комиссар!»³⁸ Седлецкий так комментирует состояние Растягина:

«Нужно простить старика... потрясение. Волновался... а тут еще такое, да в его дивизии. Это больно, это его и сломило. Ведь он, знаете, туда ездил... он там перед ними на коленях стоял, Христом Богом просил, заклинал. И пошли они туда, на позиции, поэтому... Тяжело ему – да, да, конечно, – спохватывался он, – и всем сейчас нелегко!»³⁹

Есть в «Старателях» и свой доктор Вагнер. Это командир корпуса, генерал-лейтенант Седлецкий, который благодаря тому, что ладит с комитетами и, как и персонаж Гёте, хорошо умеет произносить речи, в финале повести становится командующим Особой армией. Характерно, что Особая армия названа так только для того, чтобы не называть ее 13-й, какой она должна была бы быть по порядку, так как к моменту ее формирования в 1916 году уже существовали двенадцать русских армий. Как известно, 13 – это число дьявола, и Тихонов неслучайно вручает ее командование тому, кто пользуется покровительством Мефистофеля. Один из прототипов Седлецкого легко высчитывается. Это генерал от инфантерии Станислав Стельницкий (1854–1924), который в 1915–1917 годах командовал 39-м армейским корпусом, входившим, правда, в состав Юго-Западного, а не Северного фронта. 27 (14) сентября 1917 года он принял командование Особой армией Юго-Западного выступления. Его назначили после провала выступления генерала Лавра Корнилова, поскольку он был в хороших отношениях с фронтовым и армейским комитетами. В гражданскую войну Стельницкий служил в армии адмирала Колчака, а впоследствии переехал в Польшу. Он покончил с собой в Белостоке 1 января 1924 года, предварительно застрелив свою молодую жену и ее любовника⁴⁰.

Другим возможным прототипом генерала Седлецкого мог послужить генерал-лейтенант Василий Новицкий (1869–1929), который командовал 2-м Сибирским армейским корпусом с 17 июля 1917 года, а в ноябре 1917-го в течение пятнадцати дней коман-

38 Там же. № 23. С. 364.

39 Там же. С. 366.

40 Ладыгин И., Гончаров Ю. *Зигзаги генеральской судьбы* // Сибирские огни. 2023. № 1 (<https://журнальныймир.рф/content/zigzagi-generalskoy-sudby>).

довал 12-й армией. С 1918-го Новицкий служил в Красной армии на преподавательских должностях. Также в качестве одного из прототипов Седлецкого можно представить генерал-лейтенанта Николая Триковского (1864–1926), командовавшего 2-м Сибирским армейским корпусом с 6 апреля по 17 июля 1917 года, как раз тогда, когда был убит начальник входившей в корпус 3-й Сибирской стрелковой дивизии Карцов. С 1918-го Триковский служил в Красной армии. Наконец, также нельзя исключить, что одним из прототипов генерала Седлецкого был генерал от инфантерии Федор Васильев (1858–1923), командовавший 6-м Сибирским армейским корпусом с 26 сентября 1914 года по 9 сентября 1917 года, то есть когда расформировывался 10-й Сибирский стрелковый полк. С 1918-го он также служил в Красной армии.

В роли гётевского Студента выступает искосолец Курганов, инициатор расправы над мятежными сибирскими стрелками. Его вероятным прототипом является комиссар 12-й армии Минц, инициатор расформирования 10-го Сибирского стрелкового полка. К сожалению, до сих пор не выяснено как имя Минца, так и его партийная принадлежность. В разных источниках его называют то меньшевиком, то эсером. Но вполне возможно, что на самом деле Минц был бундовцем, которых было немало в составе Искосола и которые в тот момент занимали оборонческие позиции. Не исключено, что комиссаром 12-й армии был Исаак Минц (1896–1991) – советский историк, автор многотомной «История Великого Октября», академик Академии наук СССР (1956). Он считался членом КПСС с апреля 1917 года, но скорее всего тогда он вступил не в Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков), а в Бунд. В 1918–1921 годах различные фракции бундовцев были приняты в ВКП(б), и партийный стаж у их членов исчислялся с момента вступления в Бунд. Год рождения Исаака Минца мы знаем только с его слов, в действительности он мог быть на год или два старше. С 21 марта 1919-го Минц был комиссаром 2-й Украинской советской дивизии Красной армии, а затем – 46-й стрелковой дивизии, в которую она была переформирована. В 1920–1921 годах Исаак Минц являлся комиссаром корпуса Червоного казачества. Конечно, он никогда не писал, что в 1917-м был комиссаром 12-й армии. Но в советское время этот факт мог его только скомпрометировать. Ведь вплоть до октябрьской революции и даже несколько дней после нее Искосол занимал оборонческую и антибольшевистскую позицию. Установление личности комиссара 12-й армии Минца требует дальнейших исследований.

7 марта 1942 года Тихонов и Исаак Минц впервые встретились в советское время. Согласно дневнику Минца, познакомил их Самуил Маршак:

«Николай Тихонов остановился в гостинице “Москва”, № 735. Седой, но с молодым лицом. Резкие черты. Похож на рисунок Гойи. Влюбленно рассказывал о Ленинграде. Говорил, как жители переносят все лишения, сознавая все значение событий. Кажется, никто бы не удивился, если бы увидел на улицах города товарища Кирова, – так все здесь героично»⁴¹.

Если Исаак Минц действительно был комиссаром 12-й армии, он вряд ли мог узнать Тихонова – одного из многих тысяч солдат и офицеров, которых он встречал на митингах. Сам Минц за 25 лет наверняка сильно изменился. Но Тихонов все же мог узнать его, особенно если помнил фамилию. Однако писатель не стал бы признаваться в том, что узнал Минца, так как это напомнило бы о фактах биографии, которые оба тщательно скрывали – участии в разоружении взбунтовавшегося полка.

Тихонов подчеркивает как молодость Курганова (ему 23 года), так и его ораторские способности. Сохранившиеся доклады комиссара 12-й армии Минца очень напоминают речь Курганова. Последний, например, говорит:

«Достоин свободы тот, кто умеет ее отстоять! Мы до сей поры были достойны ее. Правда, виселицы, тюрьмы и сибирские тундры – неважный фон для наших прошлых триумфов, но все же это были триумфы. Социализм – как учение, в жизненности которого сомневаться не приходится, по крайней мере, в настоящий момент, – должен охраняться и распространяться не от верхов к низам, а от низов к верхам, потому что при выборности всех служителей власти низы будут ставить и поддерживать своих людей. Такой властью является настоящее коалиционное правительство... Правда, народ наш, нужно сознаться, недостаточно подготовлен не только к восприятию высших истин свободы, но даже и самых простых форм культуры. Это понятно: забиты, загнаны, темны, как земля, по которой ходят, косматы, как леса, где гробы себе рубят, и не умны во многом; это необходимо сказать прямо: во многом не умны. Сдержанности нет, и сознание отсутствует, чуть что – и пугачевщина! Пропать там глубокая, пропасть здесь еще глубже, а посредине узкая тропочка: этой тропочкой провести Россию – задача этого, как вы сказали, “коллекционного”, правительства и есть. И вы правильно сказали, по-народному, и народ так назовет “коллекционное”, потому что мы действительно коллекцию теперь собираем, коллекцию честных и умных людей. А честный человек в России – штука редкая! Что же касается резкости этой переломной, так только так и можно матушку-Русь на путь истинный вывести. А если раскачивать ее, так еще тысячу лет жди – не дожدهшься, потому что за это время столько еще угодников откроют, да кабаков поставят, да перевешают и в Нарымских песках сгноят»⁴².

41 Минц И.И. «Из памяти выплыли воспоминания...»: дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М.: Собрание, 2007 (<https://prozhito.org/notes?date=%221942-01-01%22&diaries=%5B544%5D>).

42 Тихонов Н.С. *Старатели...* № 22. С. 366–367.

С этим суждением соглашается оппортунист Седлецкий, но не Растягин, душой болеющий за солдат и возражающий Курганову:

БОРИС СОКОЛОВ
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ:
ВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ...

«Скажите мне, как же это вы с такими дураками да на такое дело поднялись... Ведь горбатого одна могила исправит... Ведь определенные дураки-то, так как же? Могила им, значит? Не понимаю... Не ясно»⁴³.

А вот что 2 июля 1917 года Минц докладывал военному министру:

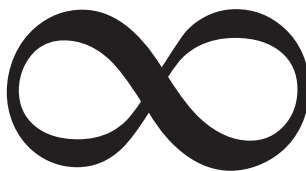
«Настроение в частях неустойчивое. Артиллерийские части и кавалерия к современным событиям относятся вполне сознательно, и за все время пребывания моего в армии не было ни одного случая отказа этих частей от выполнения боевых приказаний командного состава. Бывают случаи, и даже нередкие, конфликтов между комитетами и командирами на почве взаимного непонимания прав и обязанностей командного состава и комитетов по вопросам внутреннего распорядка, но в вопросах боевых конфликтов не происходило.

Что касается пехотных частей, то в последнее время возникают частые недоразумения на почве исполнения боевых приказов: то один полк отказывается выступить из резерва на передовые линии, то дивизия требует вне очереди смены, мотивируя усталостью, то наотрез части отказываются от занятий, боевой подготовки, и постоянно назревают непредвиденные случаи, которые приводят к самым острым выступлениям частей. Много такому шаткому положению пехотных частей способствует: во-первых, в значительной степени непонимание солдатами текущего момента, с другой стороны, бессовестная агитация безответственных лиц, прикрывающихся лозунгами большевизма, который для солдат сводится к определенным положениям: кончать войну, не надо наступления, свержение буржуазного правительства. Эти идеи распространяются в большом количестве «Окопной Правдой», за последнее время принимающей вид погромного листка, латышской газетой «Цина» и целым рядом, несомненно, провокаторов, которых в Риге большое количество и с которыми приходится постоянно бороться. При этом докладе прилагаю несколько номеров «Окопной Правды», из которой ясно, чего добивается газета; она, играя на темных инстинктах усталой массы, жаждущей мира, вносит огромную дезорганизацию в пехотных частях нашей армии»⁴⁴.

Конечно, я далек от мысли, чтобы приписывать известную степень дезорганизации армии исключительно агитации недобросовестных лиц, но лозунги, бросаемые ими, падают на благодатную почву и дают обильные всходы. В связи с наступлением на Южном фронте в частях поднимаются остро вопросы, связанные

43 Там же. С. 368.

44 Тихонов, как видно из повести, к большевистской «Окопной правде» относился крайне негативно – как к орудии разложения армии.

с наступлением, и этот вопрос болезненно разбирается на полковых митингах. Массы солдатские чувствуют, что волна наступления должна дойти до XII армии, и заранее стараются так или иначе отнестись к ней. Некоторые части относятся вполне спокойно к будущему наступлению, но большинство пехотных частей с большой тревогой, чему много способствует Рига, Совет Рижских Рабочих Депутатов, Центральный Комитет Латышской соц.-демократической партии – организации, усвоившие течение большевистское. Эти организации, выставляя принцип как будто идейной борьбы с своими противниками, и в печати, и на собраниях постоянно подчеркивают свое отрицательное отношение к наступлению, Временному Правительству, выдвигая мысль, что наступление ни к чему хорошему не поведет – одним словом, пускают в ход тот же арсенал доводов, который пускается в Петрограде по отношению к гарнизону Петроградскому. Установлено, что часть, побывавшая в резерве некоторое время близко к Риге, немедленно меняет свою физиономию, потому что, не успев расположиться на отдых, сразу являются агитаторы, которые всякими правдами и неправдами стараются привить колеблющейся и несознательной солдатской массе элементы разложения. Искосол принимает все меры борьбы с разными элементами, проникающими в армии, постоянно отправляются в части члены Искосола, но в Исполнительном комитете нет достаточного количества интеллигентных боевых сил, которые могли бы успешно бороться с разложением в частях»⁴⁵.

Минц описывал и положение в 10-м полку 3-й Сибирской дивизии:

«Без суда за оскорбление разжаловали штабс-капитана Яроцкого. [...] 27 июля⁴⁶ 30 человек из 9-й роты вышли брататься с немцами; вечером того же дня рота этого же полка отказалась идти на разведку; в это время остальные три полка выполнили данную им задачу – каждый день в 10-м полку какое-нибудь нарушение; офицерский состав в самом тяжелом положении»⁴⁷.

Прототипом командира драгунского полка, полковника Янычарова, послужил командир 20-го драгунского Финляндского полка, полковник, князь Владимир Гагарин (1877–1948). 1 июля 1917 года в полковом журнале военных действий (за период с 1 июля по 31 августа 1917 года) записано: «Полк принят во всем и на законном основании полковником, князем Гагариным»⁴⁸. Полк в это время находился в корпусном резерве в Майорингофе. Гагарин командовал драгунским Финляндским полком вплоть до его расформирования 21 апреля 1918 года, причём с декабря 1917-го являлся выборным командиром полка.

45 1917. *Разложение армии* / Авт.-сост. В.Л. Гончаров. М.: Вече, 2010. С. 296–298.

46 Поскольку доклад датирован 2 июля, скорее всего здесь опечатка и должно быть 27 июня.

47 1917. *Разложение армии*. С. 298–299.

48 РГВИА. Ф. 3572. Оп. 1. Д. 408. Л. 1.

Тихонов в автобиографических заметках описал свою беседу с Владимиром Гагариным, которая, по всей вероятности, произошла вскоре после назначения князя командиром Финляндского полка:

БОРИС СОКОЛОВ
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ:
ВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ...

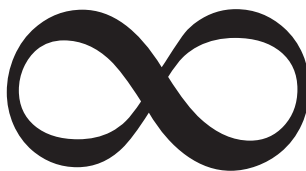
«Встретил 12 ночью... кн. Гагарина. Г. сначала увидел Степанова, подошел к нему и спрашивает, как дела? Потом перешел на меня... И наконец спросил фамилию. Я сказал. “Как, – заулыбался он – Тихонов?! Дайте-ка вас ближе рассмотреть. Про вас здесь чудеса рассказывали”. – “Какого рода, г-н полковник?” – “Да что вы... одной рукой одно пишете, другой другое, а еще о третьем разговариваете. Вы пишете?” – “Пишу” – “А я вас воображал старше себя, с усами, бородой, а вы, оказывается, молодой, жизнерадостный”»⁴⁹.

В дальнейшем Гагарин присоединился к Вооруженным силам Юга России, где с октября 1919 года был командиром Сводно-конного полка 1-й Кавказской конной дивизии. В начале 1920-го он вместе с полком отступил в Грузию, откуда эмигрировал в Париж.

Прототипом начальника кавалерийской дивизии, генерал-майора Исакова, послужил начальник 17-й кавалерийской дивизии, генерал-майор Петр Каньшин (1868 – после 1922). Он занимал этот пост с 22 января по 27 августа 1917 года. 19 ноября 1917-го Каньшин был произведен в генерал-лейтенанты. В 1918–1922 годах служил в Красной армии на штабных должностях, а после выхода в отставку преподавал в Военной академии имени Фрунзе.

В «Старателях», написанных уже после заключения Брестского мира, Тихонов продолжает занимать оборонческую позицию и крайне негативно относится как к деятельности войсковых комитетов, которая способствовала разложению армии, так и к военачальникам вроде генерал-лейтенанта Седлецкого, в карьерных целях стремящихся ладить с комитетами. Он также негативно относится к социалистическим идеям, которые проповедуют Курганов и Камба, что подчеркивается печальной судьбой Камбы, расстрелянного большевиками в Одессе. В то же время он с симпатией изображает офицеров, придерживающихся монархических взглядов и пользующихся любовью солдат, вроде генерала Растягина и подполковника-артиллера Фугастова. Фамилия последнего не только напоминает о его профессии, но и прочитывается как неполная анаграмма имени Фауст. Можно предположить, что тогда и сам Тихонов был монархистом и во всяком случае стоял гораздо правее «революционных оборонцев» – эсеров и меньшевиков. О взглядах Фугастова в повести сообщается следующее:

49 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. С. 475.

«Следом за ним явился командир артиллерийского дивизиона, подполковник Фугастов, человек, всегда веселый, здоровый, определенно и коротко говоривший о своих политических убеждениях:

– Вот что хотите, то и делайте, а я убежденный монархист! Вот ставьте к первому забору и расстреляйте, а переделать мою шкуру нельзя, в такой родился...

Солдаты любили его за его откровенную грубость, за то, что он пил с ними, называл их свиньями и никогда не трусил»⁵⁰.

В «Чуде» и «Старателях», написанных на революционном материале, можно увидеть исток последующих советских фаустов, прежде всего «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова. В тот же – пока еще почти бесцензурный – период были созданы наиболее значительные поэтические произведения Николая Тихонова: сборники «Орда» и «Брага». А «Старатели» и «Чудо» так и остались лучшими образцами тихоновской прозы, но были сознательно «забыты» автором, делавшим советскую карьеру соцреалиста. Точно так же он – весьма успешно – «забыл» и свою военную карьеру времен Первой мировой, революции и гражданской войны.

Рецензии

Мобилизованная нация.

Германия 1939–1945

Николас Старгардт

М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус,

2023. – 688 с. – Доп. тираж 7000 экз.

Книгу профессора истории Магдален-колледжа в Оксфорде Николааса Старгардта

пришлось печатать в России дополнительным тиражом – настолько высоким оказался интерес к этому исследованию в последние два года. На отдельных маркетплейсах стоимость экземпляра достигала 5000 рублей при обычной цене 800–1200. В ряду книг о том, как высококультурная европейская нация почти безропотно приняла бесчеловечную идеологию национал-социализма и какие «психологические защиты» она для себя при этом вырабатывала, объемное исследование Старгардта отныне занимает важное место. Несмотря на изобилие литературы на эту тему, автор посчитал, что вопросы о том, за что сражались немцы и почему они продолжали это делать вплоть до конца войны, недостаточно прояснены. Кем были немцы – жертвами или преступниками? О чем они думали и говорили? Как оправдывали войну для себя? Все эти темы далеко не исчерпаны.

Будучи сторонником «изучения субъективного в истории общества», Старгардт опирался на огромный массив дневников

Р

НОВЫЕ КНИГИ

229

и писем, которые хранятся в государственных и частных архивах, прежде всего в Германии. Автор изучал военную переписку немцев – супругов и возлюбленных, родителей и детей, близких друзей. Ему было важно отследить эти письменные источники в перспективе времени, чтобы понять, как война меняла людей, их мысли и личные отношения. Например, учитель Август Тёппервин, один из «голосов» этой книги, верил в цивилизационную миссию Германии в ее войне с коммунизмом на востоке. Он был одним из тех, кто преданно служил режиму до последних дней.

После вторжения в СССР немецкие газеты писали не о битве с русскими, а о битве с «красными», с большевиками. Впрочем, в начале Второй мировой войны пропаганда также противопоставляла Германию, вполне западную страну, некоему условному Западу, «западным демократиям», ответственным за Версальский договор (Гитлер называл его «Версальским диктатом») и унижение Германии. «Все в Германии воспринимали Вторую мировую через призму Первой» (с. 39). Дух ресентимента лег в основу немецкого патриотизма. «Гитлеру удалось выставить себя защитником униженного и оскорбленного немецкого меньшинства – он отплатил за страшные и несправедливые обиды и скорбь по утраченным после 1918 года территориям» (с. 48). Режим нацистов поддерживался широкими слоями общества, которые считали проигрыш в прошлой войне собственной геополитической катастрофой и желали ревизии ее итогов. «Гитлер медленно выковывывал широкое народное единство [...] из разных слоев, от умеренных левых социал-демократических кругов до консервативных националистических» (там же). Нация последовала за имперскими амбициями Гитлера, очарованная его экзерсисами на псевдоисторическую тему, и вслед за ним отказывая соседним европейским государствам в праве на суверенитет.

Ключевым в оправдании войны для немцев стало оборонное сознание, убеждение, что Германия находится в кольце врагов, что на нее напали и война ведется для защиты и безопасности рейха, что стране не оставили иного выбора в том, как защищать этнических немцев в Польше. В выступлении Гитлера перед депутатами рейхстага 1 сентября 1939 года, сразу после вторжения в Польшу, он утверждал, что его солдаты открыли ответный огонь и что вся операция должна принести мир и безопасность его стране. Он говорил о своей любви к миру и о решимости добиться его на восточной границе, о своем приказе ограничить воздушные атаки военными целями, призывал нацию к единству. Немцам его риторика казалась убедительной: ультимативные территориальные претензии люди называли мирным планом, сетовали, что «западные партнеры» его не приняли, иначе Германия и западные страны могли бы вместе противостоять русскому коммунизму. «Предложения фюрера были приемлемыми, скромными и помогли бы сохранить мир», – считал, в частности, сельский учитель Вильм Хозенфельд (с. 50).

Одной из причин, заставлявших немцев упорно воевать даже перед лицом неминуемого поражения, было желание отомстить за погибших. В психологии это назвали бы сдвигом мотива на цель. Солдаты вермахта могли сознавать все безумие и несправедливость войны, но продолжали убивать, ощущая свою связь с погибшими товарищами. «Равенство всех перед окопами и узлы военного братства требовали относиться к павшим сослуживцам с высочайшим уважением» (с. 347). Еще один мотив называется так: раз уж ввязались, надо драться до конца. Как следует из дневников солдата Роберта Р. и его писем жене, он ненавидел войну, но, «чем больше отвращения испытывал к войне Роберт, тем тверже убеждался, что на этот раз воевать надо до конца: он не мог допустить, чтобы его двухлетний

сын стал одним из третьего поколения, которому придется идти сражаться в России» (с. 206). Роберт Р. стал воспринимать войну как личное событие, как дело жизни. Эта извращенная ответственность за будущее поколения удивительна. Автор пишет, что методы ведения войны для Роберта Р. и подобных ему людей были отвратительны и при этом заставляли их отчаянно сражаться, так как эти немцы не могли позволить, чтобы такая война пришла к ним домой, в Германию.

Как сказал в одном из своих интервью сам Николас Старгардт в марте 2023 года, идея войны никогда не была популярна среди немцев, они утешали себя: раз уж ее нельзя избежать, то пусть это будет маленькая победоносная война, после которой скоро наступит мир¹. В Германии были люди, которые не являлись нацистами, и убийство евреев противоречило их вере. Но эти люди в свою очередь решали для себя дилемму, что хуже – быть виновным в военном преступлении или в национальном предательстве. Большинство решили, что поражение хуже. Это еще один мотив, который можно сформулировать так: да, моя страна не права – но это моя страна, и я буду с ней.

После поражения немецкой армии под Сталинградом в Германии включилась негативная пропаганда, имевшая целью запугать людей страшными последствиями поражения. Немцы следовали апокалиптическому выбору, который обозначался Гитлером и подпитывался прессой: «Теперь уж все точно зашло так далеко, что они сделают с нами то же, что мы делали с ними, если мы проиграем войну» (с. 273). В одной из радиотрансляций Геринг с интонациями озабоченного отца доносил до слушателей подобные перспективы: «Германский народ ты должен знать: если проиграем войну, тебя уничтожат... Эта война не есть Вторая

мировая война, эта война есть Великая расовая война» (с. 329). Речь Геринга была вариацией на тему социального дарвинизма по Гитлеру, который в разговорах утверждал, что «если германский народ недостаточно силен и не готов проливать кровь ради своего существования, тогда он будет стерт в прах более сильной державой» (с. 254).

Действительно, при Гитлере немцы стали нацией расистов. Старгардт посвящает много страниц теме депортации и уничтожения евреев, довольно бесстрастно и педантично излагая ужасные цифры и факты. (Это ощущение отстраненности можно объяснить как защитной реакцией самого автора – сына немецкого еврея, бежавшего из Германии в 1939 году, – намеренным дистанцированием историка-исследователя от материала, так и, прямо скажем, чрезвычайно плохим русским переводом.) Но еще до начала массового уничтожения евреев немцы уже были расистами. С середины 1940 года на захваченных польских территориях гестапо публично вешало мужчин-поляков за связь с немцами, то есть в наказание за «осквернение расы». «Даже в СД испытали неуютное беспокойство из-за народного воодушевления, когда на массовую казнь через повешение двадцати поляков в Хильдбургхаузене собрались от восьмисот до тысячи зрителей» (с. 170). Нацисты казнили не только евреев и славян, но и, например, свидетелей Иеговы – за отказ присягать Гитлеру и идти на военную службу. На протяжении всей войны пациентов психиатрических больниц и прочих больных людей, «непригодных к жизни» и воспринимаемых как человеческий балласт, убивали в газовых камерах, что идеологи чистоты расы называли эвтаназией.

Книга Старгардта убеждает, что нация немцев действительно в своем большинстве была мобилизована войной и для войны.

¹ См.: www.youtube.com/watch?v=d3paQBkqdbk.

Разумеется, свою роль в этом играла пропаганда. Принято считать, что геббельсовская пропаганда была оголтелой, разнузданной, но на самом деле ее сила и направление были вполне выверенными. Автор неоднократно ссылается на документы СД (службы безопасности рейхсфюрера СС), которая имела социологическое подразделение. Замеры общественного мнения о принимаемых репрессивных или мобилизационных мерах обеспечивали режиму обратную связь и влияли на цели и мощность пропаганды, позволяя более тонко ее настраивать. Кроме прямого медийного воздействия на массы, Геббельс использовал практику вдумчивой обработки новостей. Применялась тактика выборочного умолчания, имевшая целью приглушить нравственную тревогу, в частности, в связи с массовым истреблением евреев, информация о котором и так распространялась через слухи и письма. «Министр [Геббельс] будто позволял информации просачиваться и культивировать в массах чувство соучастия» (с. 271). Это была пропаганда намека, которая маскировала нравственный разлом между «расовым прагматизмом» нацистов и традиционной христианской этикой, отвращавшей немцев от массовых убийств. В этом нацистскому режиму сильно помогла церковь. Будучи авторитетным общественным институтом, она в основном молчала. После разгрома «третьего рейха» церковные лидеры объясняли национальную катастрофу тем, что немцы отпали от церкви, неусердно молились, утратили христианский дух, за что их бог и наказал.

Одним из факторов стойкости немецких солдат был насаждаемый руководством рейха культ героической смерти – «унаследованный, но не изобретенный нацистами» (с. 355). Поражение под Сталинградом требовало идеологического подкрепления морального духа нации, поэтому лидеры рейха апеллировали к славному прошлому. В своей речи 30 января

1943 года Геринг сравнил терпящую поражение 6-ю армию с древними нибелунгами, остготами и даже спартамцами, погибшими при Фермопилах, отражая нашествие персидских орд. Немецкие солдаты не на шутку проникались пафосом героической смерти. «“Ни один из вас не имеет права вернуться домой живым!” Этот девиз повторяли нам, солдатам, достаточно часто, чтобы мы понимали всю серьезность слов. Мы полностью готовы», – писал домой в январе 1943 года обер-ефрейтор из группы армий «Центр» (с. 356).

Режим Гитлера держал народ в подчинении в том числе и с помощью террора. В 1943 году Гиммлер грозил расстреливать пораженцев в качестве предупреждения другим. «В Мюнхене женщину средних лет приговорили к трем годам тюрьмы за неуважительные высказывания о Гитлере и за следующие откровения: “Вы, что же, считаете, что никто не слушает зарубежное вещание? Еврейских женщин и детей погрузили в вагон, вывезли за город и уничтожили газом”» (с. 406). Однако Старгардт не считает репрессии основным фактором поддержания патриотизма. Террор против населения достиг пика только к самому концу войны, когда явно обозначилось поражение. Несмотря на репрессии, немецкие граждане считали своим патриотическим долгом критиковать провалы нацистов, полагая, что «их готовность делать это играла важную роль в борьбе с врагом до самого конца войны» (с. 30).

Старгардт подробно пишет о позиции католической и протестантской церковью до и во время войны, о сложной экономике и логистике войны, о геноциде евреев и конфискации их имущества в пользу «добропорядочных» граждан, о том, как бомбежки немецких городов англичанами и американцами повлияли на моральное состояние нации, о проблеме дезертиров и пленных, о помощи тыла фронту, то есть о посылках с варежками, носками и про-

дуктами и о многом другом. В заключительной главе автор затрагивает важную тему долгой и сложной денацификации, коллективной вины и бегства от нее. Но, какие бы подробности ни приводил Старгардт, главной и постоянно присутствующей проблемой исследования для него всегда остается такая: как немцы «могли перепутать намеренно разжигаемую их властями империалистическую войну с войной ради обороны отечества?» (с. 39). Как могли они считать себя патриотами «в кольце врагов», а не расистами, не борцами за дело Гитлера и верхушки рейха?

Николас Старгардт работал над книгой около десяти лет. К сожалению, этот колоссальный и добросовестный труд историка во многом обесценивается русским переводом Александра Колина, который нельзя признать профессиональным – он скорее похож на дурно отредактированный гугл-перевод. Вот образцы: «Во многих случаях требовалась картофельная мука, что подразумевало натирание картофеля на ручной терке в какую-то емкость, заливание чистой водой, а потом сливание грязной через край для выбирания в итоге осевшей субстанции со дна и выкладки на бумагу для высушивания» (с. 310). Или: «В поисках пути отступления через круги необратимого расширения конфликта немцы следовали по указанному им Геббельсом пути» (с. 404). И это не отдельные неудачные примеры, это повсеместный стиль перевода, который известный редактор и переводчик Нора Галь назвала бы канцеляритом. Есть ощущение, что у издательства не было цели перевести и отредактировать книгу хорошо, а только – быстро. Исправить перевод можно было бы перед печатью дополнительного тиража, но и этого не было сделано. Так что, если можете, лучше пользуйтесь оригиналом.

Наконец, издательство выбрало научным редактором книги ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН

Антон Захарова. Он специалист по Древнему Востоку и Юго-Восточной Азии, его научные труды посвящены истории и культуре Вьетнама, Камбоджи, Индии, Китая, Индонезии. В книге есть места, которые требуют профессионального комментария историка, но, вместо этого, мы читаем, например, неатрибутированное примечание на странице 389 к абзацу, где говорится о массовом захоронении расстрелянных польских офицеров в Катynie: «Существуют довольно убедительные версии, согласно которым ни НКВД, ни РККА не имели к злодеяниям никакого отношения». Это явно не примечание автора, поскольку в противном случае он противоречил бы сам себе: ведь в недавнем интервью одной из российских газет Старгардт говорил, что расстрел произвел НКВД, используя немецкое оружие и немецкие боеприпасы. Более того, сами российские власти признали ответственность НКВД за эти расстрелы. Так что публиковать в сноске альтернативное мнение со ссылкой на некие версии, противоречащие фактам и позиции автора, – это нарушение редакторской и научной этики, поскольку автор оспорить напечатанный комментарий уже не может.

СЕРГЕЙ ГОГИН

Выбор: о свободе и внутренней силе человека

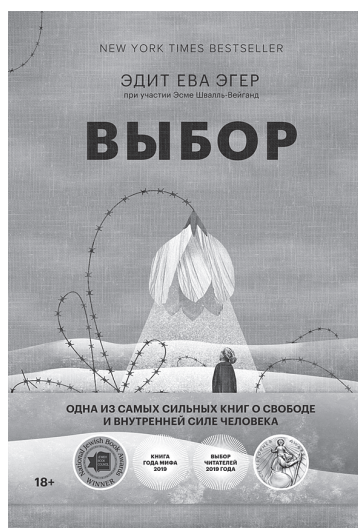
ЭДИТ ЕВА ЭГЕР при участии ЭСМЕ ШВАЛЛЬ-ВЕЙГАНД
М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. – 344 с. – 20 000 экз.

В 1944 году шестнадцатилетняя венгерская балерина Эдит Ева Эгер (в девичестве Элефант) вместе с семьей была отправлена в Аушвиц. Там она потеряла родителей, а потом едва не сгинула сама, пройдя через несколько лагерей смерти. 4 мая 1945 года

Эдит, чуть живую, достали из-под кучи трупов. После войны молодая женщина десятилетиями оставалась в плену у прошлого, дав зарок хранить молчание о пережитом и страдая от вины выжившего. Лишь спустя 35 лет она вернулась в Аушвиц, желая разобраться с собой – и, наконец, если получится, простить себя. После войны женщина, сменившая фамилию на Эгер, стала психологом: она трудится в русле логотерапии, которую разрабатывал и продвигал Виктор Франкл – выдающийся психолог, тоже сумевший превозмочь нацистскую машину уничтожения. В настоящее время, несмотря на свой более чем преклонный возраст, она продолжает преподавать в Калифорнийском университете и занимается терапевтической практикой. Автобиографическая работа «Выбор», появившаяся в 2017 году, к настоящему моменту выдержала в Америке уже пять изданий. Предисловие к ней, вошедшее и в русский перевод, написал Филип Зимбардо, постановщик знаменитого Стэнфордского тюремного эксперимента 1971 года.

Книга Эгер базируется на трех повествовательных линиях: во-первых, истории ее физического выживания; во-вторых, истории ее душевного исцеления; в-третьих, историях людей, которым она помогла обрести себя. В центре каждого из нарративов остается человеческое освобождение – либо от внутреннего, либо от внешнего подавления. Бывшая узница десятилетиями пыталась скрывать свою боль, пока не решилась доверить ее книжным страницам. Это молчание было не чем иным, как способом убежать от самой себя. Через много лет Эгер признает: решив отвернуться от прошлого и тем самым от себя настоящей, она, даже выйдя из-за колючей проволоки, продолжала оставаться несвободной. «И это был мой выбор. Я владела своей тайной, а моя тайна владела мною», – пишет она (с. 23). Со временем, однако, бывшая узница освоила способ, позволивший

вырваться за рамки этого самоограничения. «Я здесь и сейчас, это настоящее – я приучила себя повторять это снова и снова, пока не ослабевало паническое состояние» (с. 22). Сделанные на этом пути открытия оказались удивительными. Первейшее из них заключалось в том, что иметь психологию жертвы вовсе не обязательно: это лишь синдром, обусловленный внутренним состоянием, и никто, кроме самого человека, не может этот синдром ему навязать. Следовательно, мы входим в роль жертвы не из-за того, что с нами происходит, а потому, что принимаем решение держаться своего мученичества.

Пытаясь разобраться в том, почему ей удалось выжить, Эгер уводит читателя в свои детские годы. Предвоенный передел европейских границ превратил родной для нее венгерский город Кашша в чехословацкий город Кошице, после чего члены семейства Эгер стали «дважды меньшинством»: венграми в преимущественно чешской стране – и вдобавок евреями. По словам автора, ощущение собственной неполноценности не оставляло ее на протяжении всего отрочества. Когда в ноябре 1938 года Венгрия аннексировала Кошице, поживившись на разделе Чехосло-

вакии, семье героини ненадолго показалось, что они вновь обрели родной кров. Однако уже через три года, в самом начале вторжения Гитлера в Советский Союз, всех венгерских евреев обязали носить на одежде желтые звезды. В школе Эдит Ева начала получать от одноклассников оскорбления и плевки, а некоторые из ее друзей вообще перестали посещать занятия, переключившись на уроки по радио. Происхождение не позволило девочке, занимавшейся, помимо балета, гимнастикой, пройти отбор в олимпийскую учебно-тренировочную команду. Наконец, ее отца, несмотря на то, что он был всего лишь хорошим (и аполитичным) портным, забрали в трудовой лагерь. Тем не менее все эти неприятности оказались лишь предвестниками трагедий недалекого будущего.

«Все эмоции и силы в своей жизни ты будешь черпать изнутри», – как-то сказал Эдит ее балетмейстер. Но девушка не понимала, что это значит, по крайней мере пока не оказалась в Аушвице. Когда родители погибли в газовой камере, она даже не смогла безраздельно предаться горю: нужно было оставаться предельно сосредоточенной, чтобы уцелеть самой. В первые недели в концлагере Эдит и ее сестра Магда познавали базовые правила выживания:

«Если тебе удастся украсть кусок хлеба у надзирателей, ты герой, но, если крадешь у заключенных, ты опозорена и ты умрешь; конкуренция и доминирование – это путь в никуда, главное правило здесь – сотрудничать; выжить – это переступить через свои потребности и посвятить себя кому-то или чему-то за пределами себя» (с. 65).

Фантасмагорическим упражнением в подобном самотрансцендировании для Эгер стала встреча с доктором Йозефом Менгеле, патологическим убийцей и ценителем искусств. Охранники специально проточесывали бараки, отыскивая для него

талантливых заключенных. Узнав, что перед ним балерина, эсэсовец заставил Эдит выступить на публике; во время этого зловещего танца к ней пришло озарение, в последующие месяцы не раз спасавшее девушке жизнь. «Я увидела, что доктор Менгеле, матерый убийца, только сегодня утром уничтоживший мою мать, более жалок, чем я», – пишет она (с. 64). При чем Эгер была убеждена: доктору придется жить с тем, что он сделал, а значит, он в большей степени узник, чем любой или любая из заключенных.

Выступление венгерской балерины произвело на Менгеле впечатление: он кинул девушке буханку хлеба, которую та поделила с Магдой и соседками по бараку. Разумеется, подобные чудеса были редкостью. Упоминая о постоянном рационе узников Аушвица – хлебе и баланде, – Эгер пишет, что фантазии о еде, о немислимых и обильных блюдах, поддерживали заключенных: пиры, которые они закатывали в своем воображении, удивительным образом повышали их жизнестойкость. Были и другие спасительные трюки. Например, однажды вечером, перед сном, изможденные женщины в полосатых отрепьях устроили в бараке конкурс красоты, преодолевая тем самым ничтожество и кошмар собственного существования. «Мы можем выбирать, чему нас учит ужас, – пишет автор. – Стать озлобленными от горя и страха. Враждебными. Оцепеневшими. Или держаться за что-то детское в нас, живое и пытлиное, за ту нашу часть, которая невинна» (с. 67). Именно так в людях, лишенных всего, открывался источник силы, позволявший им ощущать внутреннюю свободу и не отступать от моральных принципов, придающий им уверенность даже там, где надеяться было не на что. Почти все вокруг твердили Эдит, что ей не выйти живой из лагеря смерти. Но вопреки очевидному она следовала внутреннему голосу, который описывал ей другой исход. «Это временно, –

звучало во мне. – Если сегодня выживу, завтра буду свободна» (с. 68).

Когда нацисты в последние месяцы войны начали эвакуировать Аушвиц, сестрам Эгер вновь, если можно так выразиться, повезло: в телячьих вагонах их перевозят на немецкую ниточную фабрику. «Мы избежали газовой камеры, – говорит Магда, – но умрем, скручивая нитки» (с. 74). Как рассказывает автор, сестры вообще часто шутят, смеются, иронизируют, подтверждая догадки о спасительной силе юмора, не раз высказанные исследователями неволи; на это, в частности, обращал внимание и Франкл. «Сейчас в нашем смехе сила», – говорят девушки друг другу (с. 75). Но, несмотря на всю важность этого ресурса, его одного в экстремальной ситуации недостаточно. Узницы убеждаются в этом, после ниточной фабрики попав в Маутхаузен – мужской лагерь при каменоломне, – где заключенные вырубают и перетаскивают гранитные глыбы. Здешняя «лестница смерти», усеянная мертвыми телами, а также вечно дымящие трубы крематория производят переворот в мироощущении Эдит: оставаясь неверующей в Аушвице, теперь она обращается к Богу. Магда, как и многие другие, давно утратила религиозное чувство, но для Эдит очевидно: в газовых камерах, у обрыва, на каменных ступенях людей убивает не Творец – это делают другие люди, и только они. Возможно, именно обретение новой опоры позволило сестрам Эгер выжить в ходе последнего испытания, выпавшего на их долю: марша смерти от лагеря Маутхаузен до лагеря Гунскирхен. Расстояние было не таким уж и великим, но узницы были настолько истощены, что из двух тысяч переход выдержала только сотня. В этом числе оказываются Эдит и Магда, всю дорогу державшиеся друг за друга. «Мы словно головка облетевшего одуванчика, семена которого разнес ветер, оставив лишь несколько белых пучков. Единственное,

что во мне осталось – это голод», – пишет автор (с. 90).

На всякий ад, продолжает свой рассказ писательница, всегда найдется ад пострашнее. Гунскирхен не лагерь смерти, здесь нет ни газовых камер, ни крематория, но сестры убеждены, что сюда их прислали умирать. Через несколько дней на новом месте Эдит лишается способности ходить; девушка об этом еще не знает, но у нее поврежден позвоночник (впоследствии, кстати, она так и не смогла понять, когда и как получила травму). «Здесь, в аду, я вижу, как человек ест человечину», – вспоминает писательница (с. 92). Она также помнит и измучивший ее вопрос: а способна ли на такое она сама? Но есть что-то нужно, и девушка решает, что будет жевать траву. Обессиленные заключенные почти все время спят; вместе со всеми ощущение времени теряет и Эдит. Когда в лагерь приходят американские солдаты, ей кажется, что и это продолжение сна. Конец и неволе, и войне приходит в один миг; но если раньше при мысли об этом сразу же возникал образ счастья, которое обязательно переполнит душу, то теперь выясняется, что в обретенной свободе нет ни радости, ни облегчения.

Освобождение – это и страшная апатия, и угрожающее едва теплящейся жизни переедание, и язвы, вши, тиф. Позже Эдит узнает, что одна девушка из ее города, выйдя живой за ворота Аушвица, через несколько дней умерла от того, что не смогла удерживать себя от еды. Сестры свободны физически, но теперь им нужно обрести свободу внутреннюю, чтобы восстановить и наладить спасенную жизнь; они еще не догадываются, что до этого момента им предстоит пребывать в бесконечной и крошечной тьме. В Кошице девушки, наконец-то, встречаются со своей третьей сестрой, скрипачкой Кларой, которой удалось избежать Холокоста, прячась сначала в доме своего профессора музыки, а потом в монастыре под Будапештом. Когда у Эдит

диагностируют брюшной тиф, пневмонию, плеврит и перелом позвоночника, Клара с огромным трудом устраивает ее в больницу. Именно там девушка узнает от своего лечащего врача, что ее возлюбленный Эрик, о котором она вспоминает на протяжении всего повествования, погиб в концлагере за день до освобождения. Это новое горе для нее уже непосильно: она начинает задумываться о самоубийстве, чего никогда не делала, томясь за колючей проволокой. Жизнь, однако, снова берет верх: Эдит решает, что она найдет в себе силы справиться с тяготой потерь и навсегда отвернуться от прошлого – что она вопреки всему продолжит жить так, будто ничего не случилось, и не позволит небытию взять верх.

Следуя по намеченному пути, 19-летняя балерина в ноябре 1946 года выходит замуж за влиятельного и богатого человека по имени Бела Эгер. Роскошная и беззаботная жизнь, которую она ведет после этого – особенный вариант побега от прошлого. Воспоминания, однако, не отпускают героиню и после того, как в семье рождается дочь Марианна. И тогда Эдит, не оставляющая попыток скрыться от себя, решает на еще более радикальный шаг: ее семейство переезжает на американский континент. «Я хочу довериться своему выбору, поверить в нашу новую жизнь, поэтому отметаю любой намек на грусть и на страх, – пишет она. – Когда я спускаюсь по деревянному трапу на нашу новую родину, на мне уже надета маска притяия. Я сбежала. Но еще не стала свободной» (с. 168). По географическим меркам, США предельно далеко от тех мест, где Эдит родилась, жила и страдала, но очень скоро выяснилось, что психологически она стала здесь еще большей узницей, чем была раньше: «Я создала тюремную камеру из своего ужаса и молчанием заперла ее на замок» (с. 172). Новая жизнь оказалась совсем не такой, как ожидала Эдит, когда соглашалась перебраться через Атлантику, отчуждение

и тут оставалось ее хроническим состоянием – даже в среде друзей, по большей части евреев-эмигрантов. Мучительнее всего для молодой женщины было осознание того, что даже после своего чудесного спасения она не обрела права выбирать: «Мое самозаточение исходит от убеждения, что выжила я несправедливо, что никогда не заслужу этого счастья быть “своей”, – пишет она. – Гитлер и Менгеле сделали за меня выбор» (с. 174, 178). Когда в середине 1950-х у четы Эгер рождаются еще два ребенка, дочь Одри и сын Джонни, Эдит решает, что никогда не допустит, чтобы лагеря смерти накрыли своей тенью ее детей. «Мои дети никогда не должны узнать. Это убеждение становится целью жизни» (с. 189). Разумеется, из этого замысла тоже ничего не получилось.

В 1959 году, подтянув английский, Эдит берется за изучение психологии. Рубежной для нее стала встреча в 1966-м с книгой Франкла «Человек в поисках смысла»; именно она заставила героиню, наконец-то, прервать свое молчание. Читая историю Франкла, эмигрантка понимает, что на каждую его страницу ей хочется написать свои десять. Вся суть учения, разработанного основателем логотерапии, заключается, по ее мнению, в следующих словах: «У человека можно отнять все, кроме одного – его последней свободы: выбрать свое отношение к любым данным обстоятельствам, выбрать свой путь» (с. 199). Постепенно героиня убеждает себя в том, что, каким бы разрушительным и тягостным ни был человеческий опыт, мы сами всегда выбираем, как к нему относиться. Идеи Франкла произвели на Эгер настолько сильное впечатление, что спустя два года она пишет очерк «Я и Виктор Франкл». А дальше в жизни героини опять начинаются чудеса. Кто-то без ведома автора отсылает этот очерк именитому психологу, и вскоре Эдит получает письмо, в котором Франкл обращается к ней как к выжившей сестре по несчастью – как к равной. Их переписка и дружба продлят-

ся долгие годы, в течение которых оба они будут пытаться ответить на вопросы, пронизывающие всю их жизнь: «Почему выжил именно я? В чем смысл моего существования? Есть ли смысл в моих страданиях? Могу ли я извлечь из них какой-то опыт? Как я могу помочь себе и другим выдержать тяжелейшие испытания и все-таки обрести любовь и радость?» (с. 206). В 1969 году Эгер с отличием оканчивает Техасский университет в Эль-Пасо, получает степень бакалавра психологии и разводится с мужем – в результате ощущая себя, по ее собственному признанию, счастливее и свободнее. Затем она преподает в школе, где читает вводный курс психологии и служит штатным психологом. В 1974-м, после второй свадьбы с Белой Эгером, Эгер получает степень магистра педагогической психологии, а в 1978-м – степень доктора клинической психологии. Со временем она формулирует собственный эклектический и интуитивный подход: самобытную когнитивно-ориентированную инсайт-терапию. «Если когда-нибудь мне понадобится придумать ей название, – пишет она тогда, – то, наверное, выберу “терапия выбора”, потому что, если мы говорим *выбор*, всегда подразумеваем “свобода”» (с. 222). Быть же свободным, согласно Эгер, означает одно – жить настоящим.

Сегодня Эдит Эва Эгер, перешагнувшая 90-летний рубеж, по-прежнему активна как общественная деятельница и практикующий психолог. Во многих случаях пациенты, с которыми она заканчивает работать, постигая собственные пути к свободе, предпринимают те же усилия, которые приходилось совершать автору. «В равной степени они дают понять, насколько еще далек от завершения мой поиск освобождения, – пишет автор, – и задают вектор дальнейшего моего излечения» (с. 233). На протяжении всей книги Эгер не раз признается, что не может целиком и полностью исцелить каждого; вместе с тем она способна поддержать намерение страдающего человека разрушить тюрьму в своем сознании, разобрав ее камень за камнем. Филип Зимбардо в предисловии называет ее работу «выдающимся хрониками силы духа и милосердия, несгибаемости и выживания с достоинством и психологической стойкостью» (с. 16). К этой емкой характеристике едва ли можно что-то добавить. Книга обязательно найдет своего читателя, особенно в нынешние темные времена. В этом, кстати, не сомневаются и издатели, выпустившие труд Эгер невероятным для сегодняшнего дня тиражом.

Юлия Крутицкая

Summary

The 149th *NZ* issue focuses on some core concepts of the historical period of modernity – the era which, despite it having repeatedly been declared over, our world still lives in, if we were to judge by the events of recent years. The most relevant, “hottest” concept out of those is the concept of “human rights”, which has become a cornerstone of both so-called “Western modernity” and (being recognized by nearly all countries of the world, albeit in some cases purely nominally) of the current world order as well as the relevant international organizations, international law, and so on.

As an introduction to the problem in the “CONCEPTS OF MODERNITY” section we publish a chapter from the book by the American historian and legal scholar Samuel Moyn, *“The Last Utopia: Human Rights in History”*. The title of the chapter is *“Humanity before Human Rights”*; it is devoted to a historical analysis of the formation of the concept of human rights in the 18th–19th centuries and the contradictions that arose during this process, as well as to critically reviewing a number of classical liberal notions about the concept’s “ahistoricity”. A Russian translation of Moyn’s book is being prepared for release by the *New Literary Observer* publishing house as part of the “*NZ Library*” series.

What follows is a selection of materials devoted to the important – as well as tragic – aspect pertaining to the issue of human rights, namely a consistent and cruel violation of the rights of individu-

als and entire nations to freedom and life. This concerns mass repressions and genocide. Alexei Levinson devoted his regular column in *SOCIOLOGICAL LYRICS* to the fading (and deliberately stifled by the efforts of Russian state propaganda) memory of Stalin’s repressions, which are increasingly ceasing to be perceived by society as an anomaly and instead starting to be categorized as “the norm”.

Thematic block “GENOCIDE: POLITICAL AND LAW ASPECTS” devoted to an even more serious violation, a violation of the right to physical existence of particular nations, of their culture, language, way of life, and so forth. Pavel Polyan offers the readers a brief overview of the history of trials of those Nazis who in September 1941 committed the massacre of Jews (and representatives of a number of other ethnic groups) in Babyn Yar. The article has to do not only with the chronology of trials, court rulings, executions and prison sentences, but also with legal difficulties in defining genocide and determining appropriate methods of prosecution for this crime. The topic developed by the German historian and publicist Michael Mertes, who discusses the little-explored issue of how the Holocaust affected the process of European integration after World War II (*“The Shoah and the European Integration Project”*). The thematic selection wraps up with an extremely informative article by the Nigerian historian Nicholas Ibeawuchi Omenka called *“Children in Biafra War: A Study on their Evacuation, Rehabilitation, and Repatriation”*, which talks about the genocide in Biafra,

a province of Nigeria that attempted to gain independence in the late 1960s. The Nigerian authorities tried to thwart the uprising with hunger, causing mass deaths among the local population, especially children. Omenka focuses on the measures that international organizations, primarily Catholic and Protestant ones, employed to rescue the children. More precisely, they moved minors who were dying of starvation and disease to neighboring countries to be treated and rehabilitated there, and as the civil war ended, tried to repatriate and return them to their families (provided they had survived the conflict). The author also emphasizes the legal complexities behind such actions in relation to international law.

The topic of large-scale violations of human rights, of repressions and genocide is also thematically adjacent to the first text of this issue's *NZ ARCHIVE*, which is a Russian translation of the memoir – written in Yiddish – by the Polish communist turned political emigrant Hersh Smolar, *“Where Are You, Comrade Sidorov?”* (*“Vu bistu haver Sidorov?”*). Born into a Jewish family in Poland, Smolar participated in the revolutionary movement on the territory of the Russian Empire, fought in the Civil War on the side of the Bolsheviks, worked as a party functionary in Soviet Ukraine, and in the late 1920s was secretly sent to Poland for revolutionary activity, where he spent many years in prison. It was there that the outbreak of World War II caught him; following a miraculous escape that allowed him to avoid extermination by the Nazis, Smolar found himself on the territory occupied by the USSR. Here yet again he found himself imprisoned, this time by the Soviets, albeit not for long. Smolar participated in the partisan movement during the World War II, and

after that, he returned to Poland – by then already a socialist state – where he joined the efforts to revive Jewish culture and community. During the anti-Semitic purge of the late 1960s, Smolar was forced to leave for Israel, where his book of memoirs was created. *NZ* publishes one chapter of Smolar's memoir, in which he describes his last months of imprisonment in Poland (1939) and the mass escape from the Brest-Litovsk prison that had been abandoned by the Polish military and police.

The second piece in *NZ ARCHIVE* also directly concerns human rights, but here the issue in question is the long and hard struggle for women's rights. *NZ* publishes a translated excerpt from the memoir of one of the pioneering founders of the Arab gender equality movement, the legendary Anbara Salam Khalidi. The published excerpt describes mainly the interwar period, Khalidi's childhood, youth, and the early stages of her social activism.

Some other key concepts of modernity are at the center of the second thematic block of this *NZ* issue. Most notably, here are interpretations of the sacred, the living and the dead in the specific historical conditions of the late 19th–20th centuries. A new essay by Vladislav Degtyarev continues his series and dedicated to the style (and type of artistic/cultural thinking) known as “Art Deco” (*“Art Deco or Medusa's Gaze”*). Vadim Mikhailin continues his cycle of studies of the Soviet cinema with an article about the film *“Little Vera”*, a real blockbuster of the era of perestroika. It is essentially a love story, unfolding in the midst of the ruination of Soviet modernity, in the hopelessness of everyday life of the industrial city of Zhdanov (Mariupol), where the film is set. Anatoly Ryasov in his article draws unexpected

parallels between early Christian theology and the way the Soviet economy was managed (“*Sacred Management: Notes on Economics, Theology and Image*”). In a sense, the theoretical framework for discussing the sacred and the temporal in modernity is set here by Oleg Larionov’s response to Fredric Jameson’s book about Walter Benjamin, “*The Benjamin Files*” (CULTURE OF POLITICS).

CASE STUDY section provides analysis of the presently topical political aspect of international higher education. In their article “*Soviet School: Do Old Ties Help to Promote Russia’s New Influence in Africa?*” Alisa Shishkina and Evgeny Ivanov are trying to see how and if the practice, popular among African students, of getting a higher education in the USSR and

post-Soviet Russia has served to increase Soviet, and later on Russian, political influence on the continent. Boris Sokolov in the same section continues to reveal the previously concealed pages from the biography of a classic author of socialist realism, the poet and writer Nikolai Tikhonov, procuring more and more evidence that during the Russian Civil War Tikhonov served in the White Army (for Sokolov’s first publication on this topic, see NZ #5(145), 2022).

Wrapping up the 149th NZ issue is the NEW BOOKS section, where we can single out Yulia Krutitskaya’s review of a Russian translation of Edith Eva Eger’s book that discusses psychological consequences of the Holocaust for its survivors, entitled “*The Choice: Embrace the Possible*”.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com **eurozine**

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс П3832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, 8 +7 495 789-35-91

«Фаланстер» М. Гнездиновский пер., 12/27 +7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе) 4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод) +7 495 926-30-42

«Циолковский» Пятницкий пер., 8 +7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства Лиговский пр., 27/7 +7 812 579-50-04 +7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский» ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а (ТЦ «Петровский пассаж») +7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский» ул. Б. Ельцина, 3 («Ельцин-центр») +7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» ул. Б. Покровская, 46 +7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский» ул. Ленина, 54 +7 342 243-03-51